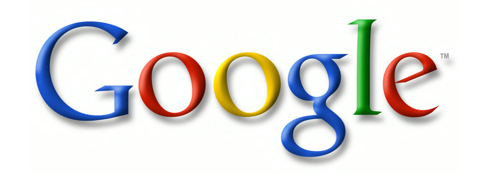
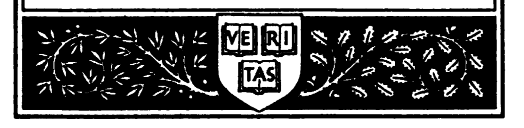

VE
RI
TAS

РУССКІЙ ЯКОБИНЕЦЪ

СТРАННАЯ ИСТОРІЯ

РУССКІЙ ЯКОБИНЕЦЪ

СТРАННАЯ ИСТОРІЯ

Is fecit, cui prodest.

М. А. ЗАГУЛЯЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1884

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

На дняхъ мнѣ совершенно случайно попался въ руки одинъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Т—хъ Губернскихъ Вѣдомостей» и я прочелъ въ немъ извѣстіе о кончинѣ Павла Михайловича Стародубскаго, сопровождавшееся пышнымъ панегирикомъ доблестей покойнаго провинціальнаго сановника.

Я никогда не видалъ въ глаза Павла Михайловича, а между тѣмъ смерть этого, совершенно незнакомаго мнѣ, человѣка составляетъ для меня весьма важное и значительное событіе. Она уничтожаетъ обѣщаніе, данное мною цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ назадъ и въ то же время налагаетъ на меня обязанность, находящуюся въ прямой связи съ этимъ обѣщаніемъ. Вотъ въ чемъ дѣло:

Павелъ Михайловичъ Стародубскій былъ младшій братъ хорошо памятнаго всѣмъ жителямъ Е—кой губерніи богача и оригинала Евгенія Михайловича Стародубскаго, умер-

шаго въ 1858 году, 82 лѣтъ отъ роду. Покойный сановникъ былъ въ то же время послѣднимъ представителемъ древняго, отнынѣ окончательно угасшаго рода, который велъ свое происхожденіе по прямой линіи отъ одного изъ стольныхъ князей Южной Руси, жившаго въ первой половинѣ XIII-го столѣтія. Княжескаго титула Стародубскіе не носили только потому, что при Петрѣ I-мъ, предокъ ихъ, затерявъ какъ-то случайно свои грамоты, ни за что не хотѣлъ ходатайствовать о выдачѣ ему новыхъ и, умирая, строго-на-строго завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ воздержаться отъ такого ходатайства: «понеже, — писалъ онъ въ духовной, — во времена нечестивыя, егда блинщики князьями отъ милости верховной содѣеваются, истымъ князьямъ, отъ Господа въ семъ санѣ нареченнымъ, онымъ саномъ кичиться и хвалиться — соромно».

Потомки свято исполнили завѣтъ гордаго боярина, и съ тѣхъ поръ родъ Стародубскихъ пересталъ считаться княжескимъ родомъ, хотя богатое ихъ помѣстье въ Е—кой губерніи, находящееся въ 15 верстахъ отъ губернскаго города, продолжало носить свое древнее названіе «Княжого Двора».

Въ 1858 году, въ «Княжомъ Дворѣ» проживалъ безвыѣздно, съ давнихъ уже временъ,

престарѣлый владѣлецъ этого богатаго помѣстья, Евгеній Михайловичъ Стародубскій. Онъ былъ холостъ и доживалъ свой вѣкъ въ полномъ одиночествѣ. Единственный его братъ Павелъ Михайловичъ, тоже старый холостякъ, состоялъ въ то время губернаторомъ одной изъ дальнихъ губерній Азіятской Россіи и старшій братъ не видался съ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

Я познакомился съ Евгеніемъ Михайловичемъ совершенно случайно, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Лѣтомъ 1858 года семейныя дѣла заставили меня провести цѣлыхъ два мѣсяца въ Е—вѣ. Въ то время я только-что приступалъ къ приготовительнымъ занятіямъ по обширному историческому труду о первой французской революціи, увы! такъ и оставшемуся неоконченнымъ по множеству обстоятельствъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться... Горячо принявшись за дѣло, я собиралъ повсюду, гдѣ могъ, необходимыя мнѣ свѣдѣнія и матеріалы.

Однажды на вечерѣ у одной важной особы города Е—ва, я какъ-то вскользь упомянулъ о предметѣ моихъ занятій. Особа очень удивилась «странности» сдѣланнаго мною выбора.

— Что за охота посвящать столько времени и труда предмету, не имѣющему ничего общаго съ исторіей нашего отечества! — произнесъ мой собесѣдникъ, съ недоумѣніемъ приподнявъ брови и улыбаясь нѣсколько презрительно.

— Мнѣ кажется,—возразилъ я,—что такое событіе, какъ первая французская революція, находится въ прямой и непосредственной связи со всѣми событіями новой исторіи, не исключая и исторіи Россіи. Цѣлый циклъ идей и учрежденій, усвоенныхъ Европою и начинающихъ нынѣ проникать и въ наше отечество, прямо обязанъ своимъ существованіемъ событіямъ, совершившимся во Франціи съ 1789 по 1794 годъ.

Я произнесъ эту тираду (цѣликомъ выхваченную изъ вступленія къ моему труду) съ тѣмъ задорнымъ педантизмомъ, который почти всегда слышится въ тонѣ очень молодыхъ людей, добровольно посвятившихъ себя какому-нибудь серьёзному занятію. Особа выслушала меня благосклонно, но нѣсколько недовѣрчиво и произнесла:

— Въ такомъ случаѣ вамъ полезно было бы познакомиться съ нашимъ подгороднымъ затворникомъ, Евгеніемъ Михайловичемъ Стародубскимъ. У этого чудака, какъ слышно,

хранится замѣчательное собраніе сочиненій и документовъ, касающихся интересующей васъ эпохи.

У меня даже въ глазахъ позеленѣло отъ радости и я тотчасъ же присталъ къ особѣ съ разспросами о личности Евгенія Михайловича и о средствахъ добраться до его библіотеки.

Оказалось, что это вовсе не особенно трудно. Стародубскій жилъ, правда, совершенно уединенно и никуда не выѣзжалъ изъ своего помѣстья, но людей, интересовавшихся его библіотекою, допускалъ весьма охотно въ «Княжой Дворъ», хотя послѣ перваго оффиціальнаго пріема рѣдко выходилъ къ нимъ самъ. Добиться доступа къ этому «чудаку», какъ единогласно звали его въ Е—вѣ, было весьма легко; стоило только послать къ нему письмо съ изложеніемъ причинъ, по которымъ пишущій желаетъ пользоваться его богатымъ книгохранилищемъ.

На другое же утро я написалъ такое письмо и отправилъ его съ нарочнымъ въ «Княжой Дворъ».

Нарочный вернулся къ вечеру съ отвѣтомъ, въ которомъ библіотекарь Стародубскаго увѣдомлялъ меня, что: «Евгеній Михайловичъ свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе М.

А. З—у, просить его пожаловать когда угодно въ Княжой Дворъ для тѣхъ занятій, о которыхъ упоминается въ письмѣ г-на З—а».

На слѣдующее утро я былъ уже въ дорогѣ, и къ полудню мой экипажъ въѣзжалъ въ обширное село «Отрада», въ концѣ котораго на невысокомъ холмѣ былъ расположенъ «Княжой Дворъ».

«Отрада» оказалась очень красивымъ селеніемъ, выстроеннымъ, очевидно, по плану. Главная улица, окаймленная съ обѣихъ сторонъ избами, или, правильнѣе, домами на каменномъ фундаментѣ, крытыми гонтомъ и обшитыми по лицевой сторонѣ тесомъ, пересѣкалась на половинѣ ея длины довольно обширною площадью, на которой высилась съ одной стороны каменная церковь съ зеленымъ куполомъ, а съ другой большое, тоже каменное зданіе съ черною вывѣскою, золотая надпись которой возвѣщала, что тутъ помѣщаются: училище, больница и аптека.

Улица, по всему своему протяженію, была шоссирована, крестьянскіе дома отдѣлялись другъ отъ друга садиками и между каждыми четырьмя дворами шелъ проулокъ, выводившій на задворки. Не смотря на свое, чисто русское населеніе, «Отрада» очень напоминала цвѣтущія нѣмецкія колоніи, безпрестанно по-

падающіяся на глаза проѣзжему въ этомъ уѣздѣ Е—ой губерніи.

«Княжой Дворъ» тоже походилъ скорѣе на иностранный зàмокъ, чѣмъ на русскую помѣщичью усадьбу. Большой каменный домъ Стародубскаго былъ построенъ, очевидно, по чертежамъ извѣстнаго Растрелли и по архитектурѣ сильно напоминалъ дворецъ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ на Крестовскомъ Островѣ. Точно такъ же какъ къ этому дворцу, къ нему вела широкая аллея, обсаженная съ обѣихъ сторонъ столѣтними деревьями, а сзади разстилался по склонамъ холма огромный паркъ.

Какъ только я вышелъ изъ экипажа, на широкой лѣстницѣ подъѣзда появился лакей въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ и, распахнувъ обѣ половинки входныхъ дверей, произнесъ: «пожалуйте!»

Я вошелъ въ обширный «вестибюль» съ черными мраморными колоннами. Въ глубинѣ поднималась широкая лѣстница, раздѣлявшаяся на двѣ вѣтви на полу-высотѣ вестибюля. На площадкѣ этой грандіозной лѣстницы возвышалась бѣлая мраморная статуя Аѳины-Паллады, превосходная копія съ извѣстной статуи Торвальдсена. Впечатлѣніе, производимое сѣнями и лѣстницей, при полной, ничѣмъ не нару-

шаемой тишинѣ, царствовавшей въ домѣ, сильно напоминало впечатлѣніе, которое производятъ вестибюли иныхъ, мало посѣщаемыхъ музеевъ, встрѣчающихся въ утратившихъ свое прежнее значеніе городахъ Западной Европы.

Лакей, шедшій передо мною, остановился въ небольшой пріемной комнатѣ второго этажа и тутъ только спросилъ:

— Какъ прикажете доложить?

Я назвалъ свою фамилію.

— Потрудитесь обождать здѣсь, Евгеній Михайловичъ сейчасъ выйдутъ,—сказалъ лакей и отправился докладывать о моемъ пріѣздѣ.

Пріемная зала, въ которой я остался одинъ, была убрана очень просто и сухо. Старинная мебель краснаго дерева съ бронзою, стиля «имперіи», обитая черною волосяною матеріею, бронзовые канделябры той же эпохи на столахъ передъ простѣночными зеркалами, въ углу большая изразцовая печь съ горельефнымъ изображеніемъ опять-таки Аѳины-Паллады, блестящій какъ зеркало паркетъ и огромные стѣнные часы въ футлярѣ посреди одной изъ боковыхъ стѣнъ,—все это напоминало множество барскихъ пріемныхъ прежняго времени.

Тишина и здѣсь была полная. Ни одного звука не раздавалось изъ другихъ комнатъ,

слышно было только глухое чиликанье маятника, скрытаго въ деревянномъ футлярѣ огромныхъ часовъ...

Черезъ нѣсколько минутъ боковая дверь справа отворилась и въ комнату вошелъ высокій старикъ, съ сѣдыми волосами, падавшими до плечъ. Онъ былъ одѣтъ въ длиннополый байковый сюртукъ. Красивыя черты его лица поражали сразу своимъ ледянымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ ко всему окружающему.

Онъ разсѣянно выслушалъ мою рекомендацію и тотчасъ приказалъ явившемуся слѣдомъ за нимъ лакею позвать библіотекаря, которому и сдалъ меня немедленно короткою рекомендаціею, а затѣмъ, раскланявшись, удалился.

Библіотекарь, молодой человѣкъ, скромный и нѣсколько задумчивый, пригласилъ меня послѣдовать за собою и отворилъ дверь налѣво отъ входа.

Мы вошли въ обширную залу въ два свѣта, всю уставленную шкафами. На хорахъ тянулся второй ярусъ такихъ же шкафовъ. Посрединѣ стоялъ длинный и широкій столъ, покрытый черною суконною скатертью, и на немъ возвышался огромный глобусъ. Вся обстановка была грандіозна-проста и била въ

глаза чѣмъ-то форменнымъ, напоминая библіотеки нѣкоторыхъ казенныхъ учрежденій.

Библіотекарь спросилъ меня, какія книги мнѣ нужны.

Я назвалъ нѣсколько рѣдкихъ сочиненій по исторіи первой революціи и въ томъ числѣ многотомную «Histoire Parlementaire de la Révolution Française» Бюшэ и Ру.

Услыхавъ эти заглавія, библіотекарь немного сконфузился и замялся.

— Извините пожалуйста,—заговорилъ онъ.— Тутъ встрѣчается непредвидѣнное затрудненіе. Сочиненіе Бюшэ и Ру не находится въ библіотекѣ, подлежащей моему завѣдыванію. Оно составляетъ часть особой библіотеки Евгенія Михайловича, помѣщающейся въ его кабинетѣ.

— Значитъ, я не могу его получить?

— Право, ужь не знаю. Книги своей частной библіотеки г. Стародубскій даетъ не особенно охотно.

— Какая жалость!—воскликнулъ я съ непритворнымъ огорченіемъ, — вѣдь эта книга нужна мнѣ пожалуй болѣе всѣхъ остальныхъ, которыя я вамъ назвалъ.

Библіотекарь посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Да вѣдь это страшная сушь, — сказалъ

онъ. — Она годится только для справокъ самаго спеціальнаго свойства.

— Мнѣ именно такія-то справки и нужны! Вѣдь я не романъ собираюсь писать, не легкій очеркъ, а начинаю серьёзный трудъ, на который уйдетъ, вѣроятно, много лѣтъ моей жизни!

Мой собесѣдникъ подумалъ нѣсколько минутъ и сказалъ:

— Пообождите немного, я переговорю съ Евгеніемъ Михайловичемъ.

Черезъ полчаса онъ вернулся и объявилъ, что Стародубскій желаетъ переговорить со мной лично.

Я отправился въ кабинетъ Евгенія Михайловича черезъ обширную билліардную, отдѣлявшую эту комнату отъ библіотеки.

Кабинетъ Стародубскаго сразу поразилъ меня своею оригинальною обстановкою. Это былъ настоящій музей всевозможныхъ предметовъ временъ первой французской революціи. Цѣлая стѣна огромной комнаты была уставлена открытыми спереди шкафами, наполненными книгами всѣхъ форматовъ, отъ громадныхъ фоліантовъ до маленькихъ in 32° въ старинныхъ переплетахъ. На этихъ шкафахъ помѣщался длинный рядъ бюстовъ дѣятелей первой революціи. Двѣ другія стѣны

были увѣшаны гравюрами, портретами, знаменами, оружіемъ и какими-то печатными листами въ черныхъ рамкахъ. Въ простѣнкахъ четвертой стѣны стояли стеклянные шкафы, наполненные грубо расписанной фаянсовой посудой, а передъ окнами въ низкихъ витринахъ виднѣлись какіе-то предметы неопредѣленнаго свойства. Повсюду разставлены были особые штативы для папокъ съ рисунками и эстампами. Въ углу возлѣ праваго крайняго окна устроена была ниша, обитая и драпированная чернымъ сукномъ, и въ ней стоялъ бѣлый мраморный бюстъ, покрытый траурнымъ крепомъ. Стародубскій сидѣлъ въ большомъ сафьянномъ креслѣ передъ огромнымъ письменнымъ столомъ, помѣщавшимся посреди комнаты. При входѣ моемъ онъ поднялъ голову и знакомъ руки пригласилъ сѣсть на кресло, стоявшее по другую сторону стола, прямо противъ него.

— Мнѣ сообщили,—началъ онъ, опустивъ голову и разглядывая длинные ногти своихъ красивыхъ рукъ, — что вы предпринимаете писать какое-то обширное сочиненіе о великой французской революціи?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Извѣстіе это, — продолжалъ Стародубскій, — весьма заинтересовало, но, не скрою,

еще болѣе удивило меня. Вы очень молоды, а такое дѣло требуетъ весьма серьёзной подготовки. Что побуждаетъ васъ остановиться именно на этомъ предметѣ?

Я, разумѣется, тотчасъ же пустился развивать свои взгляды на «міровое» значеніе событій 1789—1794 года. Стародубскій слушалъ сначала нѣсколько разсѣянно, продолжая разглядывать свои руки, но потомъ поднялъ голову, и облокотившись обѣими руками на столъ, сталъ смотрѣть мнѣ въ глаза, какъ будто нѣсколько оживившимся взоромъ. Когда я остановился, онъ, не перемѣняя позы, произнесъ:

— Это ваше собственное убѣжденіе или вы говорите подъ вліяніемъ какой-нибудь недавно прочитанной апологіи великой революціи?

— Я не однѣ апологіи читалъ,—отвѣчалъ я нѣсколько обиженнымъ тономъ.—Я знакомъ со многимъ, что̀ было писано pro и contra интересующихъ меня историческихъ событій.

— Гмъ! вотъ какъ!—проговорилъ Евгеній Михайловичъ, и вдругъ откинувшись на спинку кресла, спросилъ, гляда мнѣ въ упоръ въ лицо прежнимъ холоднымъ взглядомъ: — А каково ваше мнѣніе объ эпохѣ *такъ называемаго* террора?

Онъ сдѣлалъ особенное удареніе на словахъ «такъ-называемаго».

Я отвѣчалъ, что именно насчетъ этого періода революціи я не имѣю еще опредѣленнаго взгляда и главною задачею моихъ подготовительныхъ занятій намѣренъ сдѣлать безпристрастную оцѣнку дѣятельности «такъ-называемыхъ» террористовъ.

Стародубскій поднялся съ своего кресла и сталъ ходить большими шагами по кабинету. Мы нѣсколько минутъ молчали.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ онъ, — я могу быть вамъ полезенъ совѣтами и указаніями. Въ этомъ кабинетѣ вы найдете почти все, что можетъ облегчить вамъ трудную вашу задачу. Съ сегодняшняго же дня мой «музей» къ вашимъ услугамъ.

Я чрезвычайно обрадовался, но въ то же время сильно сконфузился. Мысль нарушить добровольное уединеніе хозяина этого соблазнительнаго кабинета казалась мнѣ почти чудовищною послѣ всего, что я слышалъ о нелюдимости Стародубскаго. Я сталъ извиняться въ запутанныхъ фразахъ, но Евгеній Михайловичъ остановилъ меня словами:

— Подождите благодарить. Вы еще не знаете заднихъ мыслей, съ которыми я нарушаю для васъ мои привычки. Можетъ случиться, что въ концѣ-концовъ обязаннымъ окажусь я, а не вы. Во всякомъ случаѣ разъ

согласившись дать вамъ доступъ къ книгамъ моей частной библіотеки, я предпочитаю, чтобы вы читали ихъ, не выходя изъ этой комнаты. Я прикажу поставить здѣсь для васъ особый столъ.

— Но я буду вамъ мѣшать,—проговорилъ я нерѣшительно.

— Ни мало, комнатъ въ домѣ много, да кромѣ того люди, занимающіеся такимъ дѣломъ, какъ вы, полагаю, не особенно разговорчивы. Я сейчасъ же распоряжусь переноской стола, а вы покамѣстъ погуляйте по парку. Я велю васъ проводить и позвать когда все будетъ готово.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже былъ въ паркѣ и гулялъ по тѣнистымъ аллеямъ, радуясь какъ ребенокъ выпавшей мнѣ неожиданно благодати.

Полчаса спустя за мной явился библіотекарь и пригласилъ вернуться въ кабинетъ Стародубскаго.

Когда я вошелъ, у окна возлѣ загадочной ниши стоялъ уже большой столъ, покрытый зеленою скатертью, а возлѣ него на длинной доскѣ, положенной на два стула, помѣщались всѣ томы сочиненія Бюшэ и Ру. Евгеній Михайловичъ пригласилъ меня сѣсть «за работу» и самъ погрузился въ чтеніе какого-то фоліанта.

Усѣвшись, я невольно посмотрѣлъ прежде

всего на нишу, и на бюстъ въ ней помѣщавшійся. Онъ изображалъ человѣка въ напудренномъ парикѣ, съ приподнятою головою. Покатый лобъ и характерныя черты тотчасъ же сказали мнѣ, что передо мною бюстъ Максимиліана Робеспьера. Разглядывая его, я замѣтилъ у подножія бюста, въ маленькомъ ларчикѣ за стеклянною крышкою какой-то комокъ темно-коричневой кожи. Возлѣ этого ларчика лежалъ небольшой одноствольный кремневый пистолетъ, обернутый чернымъ крепомъ. Въ глубинѣ ниши, въ черной рамкѣ за стекломъ висѣла бумага съ печатнымъ заглавіемъ «Certificat de civisme».

Я попробовалъ-было прочесть, что было написано подъ этимъ заглавіемъ, но въ эту самую минуту Стародубскій поднялъ голову отъ книги, и я поспѣшилъ схватиться за первый томъ сочиненія Бюшэ и Ру.

Мы просидѣли такимъ образомъ молча до четырехъ часовъ пополудни, я—отъискивая на память тѣ справки изъ многотомной книги, которыя мнѣ были наиболѣе необходимы для продолженія моей работы, Евгеній Михайловичъ — углубившись въ раскрытый передъ нимъ фоліантъ. Когда пробило четыре часа, я всталъ и взялся за фуражку, но Стародубскій остановилъ меня словами:

— Надѣюсь, вы не откажетесь сдѣлать мнѣ честь отобѣдать со мною. Намъ полезно будетъ теперь же поближе познакомиться.

Это было сказано такъ просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ повелительно, что мнѣ вдругъ показалось невозможнымъ отнѣкиваться, и я положилъ фуражку, молча поклонившись.

Стародубскій всталъ изъ-за стола и, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— А въ ожиданіи обѣда позвольте мнѣ показать вамъ мою коллекцію, вы въ ней найдете не мало для васъ интереснаго.

Мы начали осмотръ съ витринъ, помѣщавшихся между окнами. Онѣ были наполнены разными символическими украшеніями, бывшими въ ходу во Франціи во время первой революціи: кокардами, знаками народныхъ представителей и разныхъ «сановниковъ» (magistrats) республики, значками клубовъ, головными уборами, ручными повязками и проч. и пр. Въ одной изъ витринъ былъ уложенъ полный мундиръ національнаго гвардейца 1789 года. Тутъ же помѣщались разныя бездѣлушки, сдѣланныя изъ камней Бастиліи, и миніатюрныя гипсовыя копіи тѣхъ безчисленныхъ эфемерныхъ «монументовъ», которые громоздилъ въ 1792 и 1793 году на парижскихъ площадяхъ живописецъ Давидъ.

Въ стеклянныхъ шкафахъ, помѣщавшихся въ простѣнкахъ, мой хозяинъ съ гордостью показалъ мнѣ необыкновенно полную и въ высшей степени цѣнную, не смотря на свое художественное безобразіе, коллекцію расписной фаянсовой посуды съ изображеніями разныхъ событій первой революціи. Только гораздо позднѣе, когда довелось мнѣ увидѣть въ Парижѣ знаменитую коллекцію такого же рода, на составленіе которой посвятилъ всю свою жизнь романистъ Шанфлёри, понялъ я все значеніе и цѣну великолѣпной коллекціи Стародубскаго.

Затѣмъ мы перешли къ осмотру предметовъ, которыми была увѣшана смежная стѣна. Здѣсь я увидалъ прелюбопытные образчики такъ-называемаго «почетнаго оружія», замѣнявшаго въ республиканской арміи всѣ прежніе знаки отличія, значки разныхъ «секцій», дипломы революціонныхъ клубовъ и пр.

Я неподдѣльно восхищался всѣмъ этимъ, и осыпалъ Евгенія Михайловича распросами: Стародубскій отвѣчалъ очень охотно и нѣсколько разъ, когда я узнавалъ самъ значеніе нѣкоторыхъ предметовъ, съ удовольствіемъ потирая руки, говорилъ:

— Да вы, какъ я вижу, весьма и весьма не дурно знаете les choses de la révolution.

— Какихъ огромныхъ трудовъ и неутомимыхъ поисковъ должно было стоить вамъ составленіе этой драгоцѣнной коллекціи!—сказалъ я съ непритворнымъ восторгомъ, когда мы окончили осмотръ.

— На этомъ очень вы ошибаетесь, мой молодой другъ,—возразилъ Евгеній Михайловичъ.—Коллекція моя составлена вѣдь не après coup. Все, что вы здѣсь видѣли, пріобрѣтено на мѣстѣ и въ такое время, когда предметы эти, находясь въ ежедневномъ употребленіи, стоили очень не дорого. Многое досталось мнѣ даже просто даромъ.

Я посмотрѣлъ на моего собесѣдника съ вопросительнымъ недоумѣніемъ. Евгеній Михайловичъ улыбнулся какою-то грустною улыбкою и сказалъ:

— Вамъ развѣ не случалось ни отъ кого слышать, что я воспитывался во Франціи и проживалъ тамъ все время первой революціи, вплоть до 11-го брюмера?

Это извѣстіе было для меня совершенною новостью и еще болѣе обрадовало меня. Передо мной стоялъ личный свидѣтель событій, которыми я столь горячо интересовался!

— Да! продолжалъ Стародубскій, глядя на меня съ самодовольною горделивостью.—Я не только видѣлъ, но и пережилъ эту удивитель-

ную, безпримѣрную въ исторіи эпопею. Понимаете вы теперь, почему я открылъ вамъ доступъ въ мой кабинетъ?

Я молча поклонился. Въ сущности я еще многаго не понималъ въ случившемся со мною и только смутно начиналъ догадываться, что Стародубскаго заинтересовалъ сдѣланный мною выборъ эпохи революціи. Позднѣе мнѣ стало ясно все, но прошло много лѣтъ до того времени, когда представилась мнѣ возможность отблагодарить «чудака» Княжого Двора за его широкое и радушное гостепріимство...

Послѣ тонкаго и великолѣпно сервированнаго обѣда, на которомъ присутствовалъ задумчивый библіотекарь Стародубскаго и за которымъ мы продолжали разговоръ о любопытной коллекціи, только-что мною видѣнной, Евгеній Михайловичъ снова пригласилъ меня въ кабинетъ, куда намъ и подали кофе. Усадивъ меня у окна, недалеко отъ ниши, въ которой помѣщался бюстъ Робеспьера, онъ постоялъ нѣсколько времени передъ этою нишею и потомъ сталъ ходить по комнатѣ большими шагами, не говоря ни слова. Я также, разумѣется, молчалъ, не желая нарушать раздумья, въ которое очевидно погрузился госте-

пріимный хозяинъ. Въ кабинетѣ водворилась полная тишина, посреди которой ясно слышалось черезъ окно стрекотаніе кузнечиковъ и чириканье мелкихъ птичекъ въ паркѣ.

Вдругъ Стародубскій остановился въ двухъ шагахъ отъ меня, и пристально глядя мнѣ въ лицо, спросилъ:

— Въ вашемъ изслѣдованіи эпохи террора вы будете подробно говорить о роковомъ днѣ 9-го термидора?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— А вамъ хорошо и подробно извѣстны всѣ событія этого дня?—продолжалъ онъ, какъ бы допрашивая меня.

— Событія эти были столько разъ описаны, что знать ихъ, кажется, немудрено.

— Вы думаете? А позвольте, напримѣръ, спросить васъ, отъ чьей руки, по вашему мнѣнію, погибъ Максимиліанъ Робеспьеръ?

Я отвѣчалъ, что на этотъ счетъ историки не согласны, что современный событію разсказъ о жандармѣ Мерда́ (Merda), выстрѣлившемъ будто бы въ Робеспьера, считается нынѣ вымышленнымъ и что настоящее имя убійцы, вѣроятно, навсегда останется неизвѣстнымъ.

— А что вы мнѣ скажете,—заговорилъ какъ-то глухо Стародубскій, выслушавъ мою тираду,—если я назову вамъ это имя?

И прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, онъ судорожно схватилъ меня за руку и подвелъ къ нишѣ, гдѣ помѣщался бюстъ Робеспьера.

— Смотрите,—началъ онъ прерывающимся голосомъ.—Здѣсь у подножія этой статуи лежитъ тотъ самый пистолетъ, изъ котораго раздался выстрѣлъ, лишившій Францію великаго трибуна,—выстрѣлъ, сдѣлавшій возможнымъ диктатуру Наполеона Буонапарте и совершенно измѣнившій ходъ событій европейской исторіи!

Я посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на Евгенія Михайловича. Онъ былъ страшно блѣденъ, глаза его сверкали, рука, державшая крѣпко мою руку, дрожала и судорожно сжималась...

— Въ ларчикѣ, что стоитъ подлѣ пистолета,—продолжалъ Стародубскій,—вы видите бѣлый кожаный кошелекъ, которымъ несчастный Максимиліанъ старался остановить кровь, лившуюся изъ его раздробленной челюсти. Вы знаете, конечно, что на этотъ кошелекъ термидорійцы ссылались какъ на доказательство самоубійства Робеспьера. Направленіе раны, сверху внизъ и слѣва на право, показало несообразность этой выдумки. Тогда отыскался негодяй, нашедшій выгоднымъ для себя хвастаться небывалымъ злодѣйствомъ. Мердà разъигралъ съ успѣхомъ роль спасителя рес-

публики. Настоящій убійца не счелъ нужнымъ изобличить наглаго обманщика. Его рукою двигало личное мщеніе и онъ скоро понялъ весь ужасъ и всю неправоту совершеннаго имъ кроваваго дѣла.

Эту тираду Евгеній Михайловичъ произнесъ точно въ бреду, не отрывая помутившагося взора отъ бюста Робеспьера и отъ лежавшаго передъ этимъ бюстомъ пистолета. Онъ повидимому совершенно забылъ о моемъ присутствіи.

Я былъ до крайности смущенъ. Сначала мнѣ пришло въ голову, что съ Евгеніемъ Михайловичемъ случился внезапный припадокъ помѣшательства или, что передо мною стоитъ одинъ изъ тѣхъ маніаковъ, которые разсуждаютъ совершенно здраво о всемъ постороннемъ ихъ idea fixa, но Стародубскій скоро разсѣялъ всѣ мои подозрѣнія. Онъ вдругъ успокоился, улыбнулся какою-то, точно виноватою, улыбкою и сказалъ ровнымъ голосомъ человѣка, побѣдоносно доказавшаго оспариваемую истину.

— Вы видите, мой молодой другъ, что я не обманулъ васъ, утверждая, что вы найдете въ этомъ кабинетѣ интересныя и совершенно новыя свѣдѣнія о занимающемъ васъ предметѣ.

Произнося эти спокойныя слова, звучавшія

чрезвычайно странно послѣ трагической выходки, которой они служили какъ бы заключеніемъ, Стародубскій вернулся къ письменному столу и, опустившись въ свое кресло, принялся разсѣянно перелистывать лежавшій передъ нимъ фоліантъ, какъ бы не замѣчая моего изумленія. Только нахмуренныя брови и крѣпко сжатыя губы обличали еще не вполнѣ успокоившееся душевное волненіе.

Не рѣшаясь заговорить съ нимъ немедленно, я тоже вернулся на свое мѣсто и взялся за книгу, но углубиться въ чтеніе никакъ не могъ. Только-что происшедшая странная сцена такъ глубоко и неожиданно потрясла меня, что продолжать выписки изъ сочиненія Бюшэ и Ру оказывалось положительно невозможнымъ. Я машинально перевертывалъ страницы, поглядывая отъ времени до времени на Стародубскаго. Евгеній Михайловичъ, повидимому, не замѣчалъ этихъ взглядовъ. Онъ сидѣлъ, облокотившись на столъ и казался погруженнымъ въ чтеніе.

Мнѣ начинало дѣлаться очень неловко. Уйдти, не сказавъ Стародубскому хоть нѣсколькихъ словъ о томъ, что̀ мнѣ привелось слышать, было очевидно невозможно, но и возобновить внезапно прерванный разговоръ казалось немыслимымъ. Евгеній Михайловичъ

вывелъ меня, однакоже, изъ затрудненія. Помолчавъ около полу-часа, онъ шумно захлопнулъ свой фоліантъ и, глядя въ сторону, произнесъ медленно, какъ-то сквозь зубы:

— Когда вы дойдете въ вашихъ выпискахъ до событій 9-го термидора—предупредите меня. Я сообщу вамъ тогда много новаго и интереснаго о фактѣ, на который намекнулъ сегодня. Только предупреждаю васъ, что сообщеніе мое будетъ сдѣлано подъ условіемъ хранить въ глубочайшей тайнѣ то, чтò вы узнаете. Вы еще молоды и только принимаетесь за работу. На окончаніе вашего труда понадобится, конечно, нѣсколько лѣтъ. Я до этого времени, понятно, не доживу и вы будете въ правѣ сдѣлать изъ сообщеннаго мною какое вамъ угодно употребленіе, но пока я живъ и пока ваша книга не кончена, вы должны обѣщать мнѣ полное молчаніе. Согласны вы на эти условія?

— Разумѣется, согласенъ,—отвѣчалъ я, все болѣе и болѣе заинтересованный загадочными словами Стародубскаго.

Старикъ всталъ и, протянувъ мнѣ руку, сказалъ:

— Ну, а теперь прощайте. Я усталъ и чувствую себя что-то не ладно. До скораго свиданія, не правдали?

Я отвѣчалъ, что это совершенно будетъ зависѣть отъ него, такъ какъ мое время постоянно свободно.

— Такъ пріѣзжайте завтра же, — привѣтливо проговорилъ Евгеній Михайловичъ, удерживая мою руку.—И знаете, какъ мы сдѣлаемъ? Я пришлю за вами въ городъ мой экипажъ. Нечего тратить денегъ на ваши, отнынѣ ежедневныя поѣздки въ Княжой Дворъ.

Я попробовалъ-было возразить, но Стародубскій не далъ мнѣ на это времени. Онъ сильно позвонилъ и приказалъ вошедшему лакею послать за мною экипажъ на слѣдующій день; когда я сталъ благодарить, Евгеній Михайловичъ перебилъ меня словами:

— Это еще вопросъ, кто кому окажется обязаннымъ.

На другой день, въ условленное время экипажъ Стародубскаго стоялъ у моего подъѣзда и кучеръ вручилъ мнѣ слѣдующую записку своего барина:

«Я захворалъ и слегъ въ постель, мой юный другъ. Вчерашній припадокъ слабости оказался приступомъ довольно серьёзной болѣзни и мой домашній эскулапъ запретилъ мнѣ мои обычныя занятія. Эта досадная бо-

лѣзнь не должна, однако, мѣшать вашей работѣ. Сдѣланы всѣ распоряженія на этотъ счетъ. На все время моего вынужденнаго отдыха мой кабинетъ предоставляется въ ваше полное распоряженіе. Устройтесь въ немъ какъ дома. Все, что я не желалъ бы видѣть въ постороннихъ рукахъ—даже и въ вашихъ—уже убрано. Остальнымъ вы можете пользоваться безъ всякаго стѣсненія.

«Отъ души желаю вамъ успѣха».

Два часа спустя я уже сидѣлъ въ кабинетѣ Стародубскаго. Письменный столъ его былъ очищенъ отъ бумагъ, которыми онъ былъ наканунѣ заваленъ, двѣ этажерки съ картонами исчезли, но все остальное оставалось на мѣстѣ. Витрины были отперты, шкафы съ коллекціями — тоже. На столѣ помѣщались многочисленные томы Histoire Parlementaire и лежалъ толстый фоліантъ въ богатомъ кожаномъ переплетѣ. Надпись на корешкѣ фоліанта гласила: «Каталогъ личной библіотеки и музея Е. М. Стародубскаго».

Когда лакей Евгенія Михайловича, сопровождавшій меня въ кабинетъ, удалился неслышными шагами и плотно затворилъ входную дверь, мнѣ вдругъ стало жутко отъ водворившейся вокругъ меня той полной тишины, которая совершенно неизвѣстна городскимъ

жителямъ и возможна только въ деревнѣ. Я горѣлъ страстнымъ, почти болѣзненнымъ желаніемъ еще разъ осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ своеобразный музей, отданный теперь въ полное мое распоряженіе, и однакоже не рѣшался отойти ни на шагъ отъ письменнаго стола, за который усѣлся еще при провожавшемъ меня слугѣ. Цѣлыхъ два часа провелъ я такимъ образомъ за выписками изъ «Histoire Parlementaire». Наконецъ, мнѣ попалось мѣсто, въ которомъ шла рѣчь объ извѣстныхъ «удостовѣреніяхъ добрыхъ гражданскихъ чувствъ» (certificats de civisme). При этомъ я какъ-то вдругъ вспомнилъ о печатномъ листѣ, видѣнномъ мною наканунѣ въ траурной нишѣ, гдѣ стоялъ бюстъ Робеспьера. Преодолѣвая странную робость, удерживавшую меня на мѣстѣ, я всталъ и подошелъ къ нишѣ, не безъ боязни, что интересовавшій меня документъ, быть можетъ, уже убранъ изъ нея.

Онъ оставался на своемъ мѣстѣ, выдѣляясь характерною желтизной старинной бумаги изъ простой деревянной рамки, окрашенной черною краскою. Это было удостовѣреніе, выданное парижскою коммуною «гражданину Эжену Стародубско (sic), бывшему русскому дворянину, за поручительствомъ гражданъ Клоотса и Моморò, народныхъ представителей». Удо-

стовѣреніе было подписано прокуроромъ коммуны Эбэромъ и его товарищемъ Шомметомъ... Ниже подписей читалось:

«Выданъ въ квинтиди первой декады мѣсяца брюмера III г. единой и нераздѣльной Республики».

Я списалъ наскоро текстъ удостовѣренія, точно боясь, что мнѣ помѣшаютъ, и вернулся къ письменному столу, не рѣшившись осмотрѣть подробно прочихъ предметовъ, находившихся въ нишѣ.

Въ обычное время обѣда, я услыхалъ легкій стукъ въ дверь, и тотъ же самый лакей, который провожалъ меня утромъ, явился объявить, что «подано кушать».

Столъ оказался накрытымъ въ сосѣдней комнатѣ на одинъ приборъ. Библіотекарь Стародубскаго, какъ объявилъ мнѣ слуга, обѣдалъ въ комнатѣ больного...

Цѣлую недѣлю проработалъ я въ полнѣйшемъ уединеніи. Стародубскій продолжалъ хворать и каждый день присылалъ извиниться, что не можетъ выдти къ обѣду. Я сталъ привыкать къ моему странному положенію и проводилъ цѣлые часы, пересматривая книги драгоцѣнной библіотеки Евгенія Михайловича и срисовывая разные предметы, расположенные въ витринахъ. Чѣмъ далѣе шло мое изу-

ченіе предоставленныхъ мнѣ Стародубскимъ «матеріаловъ», тѣмъ болѣе однакоже начиналъ я чувствовать себя сбитымъ съ толку. Мнѣ начинало становиться яснымъ, что свѣдѣнія мои о предметѣ, за разработку котораго я взялся, крайне ограничены, а главное—односторонни. Подготовительный трудъ, очевидно, долженъ былъ занять гораздо болѣе времени, чѣмъ я предполагалъ. Я начиналъ впадать минутами въ уныніе, спрашивая себя, не лучше ли отказаться отъ задуманнаго дѣла?—но пересиливая это чувство, продолжалъ работать надъ выписками, которыя дѣлались теперь, какъ попало, а не по заранѣе составленному плану. На письменномъ столѣ Стародубскаго начинали громоздиться кипы исписанныхъ мною отдѣльныхъ листковъ. Перебирая ихъ, я немного терялъ голову и спрашивалъ себя, какое употребленіе сдѣлаю я изъ драгоцѣннаго матеріала, столь щедро доставляемаго мнѣ кабинетомъ Евгенія Михайловича?

На восьмой день, тотчасъ послѣ обѣда, ко мнѣ явился камердинеръ Стародубскаго и объявилъ, что Евгеній Михайловичъ проситъ меня «пожаловать къ нему въ спальню». Я поспѣшилъ явиться на приглашеніе.

Стародубскій страшно измѣнился за эти во-

семь дней. Я увидалъ живого мертвеца, неподвижно лежавшаго на широкой кровати съ пологомъ, поставленной на французскій манеръ посреди огромной спальни. Одинъ только блескъ выразительныхъ глазъ больного свидѣтельствовалъ о сохранившихся всецѣло умственныхъ силахъ умирающаго.

Повинуясь повелительному взгляду этихъ глазъ, камердинеръ немедленно удалился, плотно затворивъ за собою дверь. Вслѣдъ затѣмъ Евгеній Михайловичъ, приподнявшись съ трудомъ съ подушки и повернувшись въ мою сторону, началъ слабымъ, минутами чуть слышнымъ голосомъ:

— Какъ видите, я умираю. Это моя первая болѣзнь въ цѣлой жизни и я чувствую, что она будетъ послѣднею. Такіе крѣпкіе темпераменты, какъ мой, недугъ подкашиваетъ сразу. Собственно смерти я вовсе не боюсь. Еще десять дней тому назадъ я безпрекословно примирился бы съ этой развязкой цѣлой жизни, проведенной въ добровольномъ и намѣренномъ одиночествѣ, составлявшемъ роковое послѣдствіе событій моей ранней молодости. Теперь же мнѣ жалко умирать. Съ перваго дня знакомства съ вами у меня составился планъ, осуществить который вполнѣ увы! мнѣ, очевидно, не удастся. Отъ васъ

однакоже будетъ зависѣть осуществить его хотя отчасти, если вамъ угодно будетъ исполнить просьбу, съ которою я рѣшаюсь къ вамъ обратиться...

Онъ остановился и устремилъ на меня просящій, но, странное дѣло! въ то же время какъ будто повелительный взглядъ.

Упорная пристальность этого взгляда дѣйствовала на меня какъ-то магнетически. Почти безсознательно пробормоталъ я нѣсколько словъ согласія. Стародубскій еще болѣе приподнялся на локтѣ и свободною рукою неловко вытащилъ изъ-подъ подушки толстую тетрадь въ листъ въ мягкомъ переплетѣ желтаго, потемнѣвшаго отъ времени сафьяна. Положивъ эту тетрадь на одѣяло передъ собой, онъ началъ такъ:

— Въ этой рукописи разсказаны событія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на всю мою жизнь. Она написана тридцать лѣтъ тому назадъ... Я рѣшился было въ послѣднее время уничтожить ее передъ смертью... Наша встрѣча съ вами измѣнила это намѣреніе. Я намѣренъ предоставить ее вамъ по духовному завѣщанію, подъ нѣкоторыми условіями, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь. Я надѣялся подготовить ваше согласіе разными предварительными объясненіями. Дать вамъ эти объ-

ясненія я, по несчастію, не успѣю. Я чувствую быстрое приближеніе смерти. Черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, даже завтра меня не будетъ на свѣтѣ. Поэтому-то я и требую отъ васъ немедленнаго отвѣта, согласны ли вы принять мой даръ безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій?

Я чувствовалъ, что никакое колебаніе въ отвѣтѣ невозможно и молча наклонилъ голову въ знакъ согласія. Глаза Стародубскаго сверкнули удовольствіемъ, но вслѣдъ затѣмъ лицо его снова приняло обычное спокойное выраженіе. Опустившись на подушку и глядя прямо передъ собою, онъ продолжалъ ослабѣвшимъ, но поразительно спокойнымъ голосомъ:

— Въ такомъ случаѣ моя рукопись принадлежитъ отнынѣ вамъ. Возьмите ее съ собою и прочитайте, когда заблагоразсудится. Я даю вамъ право пользоваться заключающимися въ ней свѣдѣніями для вашего историческаго труда, но прошу сохранить въ тайнѣ главные факты до тѣхъ поръ, пока остается въ живыхъ мой младшій братъ. Онъ—послѣдній представитель рода Стародубскихъ, который съ нимъ и потухнетъ, потому что братъ мой вдовъ, бездѣтенъ и въ такихъ годахъ, когда уже не думаютъ о второмъ бракѣ. Когда

онъ умреть, вы сдѣлаетесь свободнымъ отъ даннаго мнѣ обѣщанія и тогда въ вашей волѣ будетъ или воспользоваться для вашей книги важными и совершенно никому неизвѣстными до сихъ поръ фактами, разсказанными въ моей рукописи, или же напечатать самую рукопись, если только это окажется возможнымъ къ тому времени. Вамъ не кажутся стѣснительными эти условія?

— Я свято ихъ исполню, Евгеній Михайловичъ,—отвѣчалъ я дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ берите тетрадь и проститесь навсегда. Слабость моя все увеличивается... Чувствую теперь, что не доживу и до ночи. Уѣзжайте не стѣсняясь. Я хочу умереть, какъ и жилъ—совершенно одинокимъ.

Умирающій еще разъ протянулъ мнѣ исхудалую руку и произнесъ едва слышно.

— Будьте счастливы... Спасибо вамъ!

. . . .

Это было нашимъ послѣднимъ свиданіемъ. Стародубскій не ошибся. На слѣдующій день мнѣ сообщилъ о его смерти молодой библіотекарь, привезшій мнѣ самъ многотомную «Histoire Parlementaire» Бюшэ и Ру, которую покойный велѣлъ мнѣ передать, какъ его посмертный подарокъ.

Двѣ недѣли спустя я уѣхалъ изъ Е—ва въ Петербургъ съ рукописью Евгенія Михайловича Стародубскаго. Воспользоваться ею для моего труда о первой французской революціи мнѣ не удалось потому, что трудъ этотъ такъ и остался неоконченнымъ. Волю покойника я могу исполнить только однимъ путемъ. Павла Михайловича Стародубскаго нѣтъ болѣе на свѣтѣ и потому я считаю себя въ правѣ напечатать возможно близкій, сохраняющій характерныя особенности подлинника переводъ разсказа Евгенія Михайловича, написаннаго своеобразнымъ французскимъ языкомъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

VAE VICTIS!

... Этотъ грозный крикъ грубаго галла, побѣдившаго надменный Римъ, преслѣдуетъ меня уже давно и наполняетъ горькимъ раскаяніемъ мою душу, измученную неизгладимыми воспоминаніями. Я истощилъ всѣ средства забыть о прошломъ, которыя доставляли мнѣ большія деньги и знатность моего происхожденія, всѣ софизмы, которыми возможно было свалить на увлеченіе молодости и чувствительность страстнаго сердца отвѣтственность за ужасное дѣло, совершенное мною столько лѣтъ назадъ и до сихъ поръ мнѣ памятное во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Тщетныя попытки! безплодныя усилія! Проживъ цѣлыхъ полжизни, я ощущаю то же горькое, терзающее мою душу раскаяніе, которое закралось въ нее съ того дня, когда я понялъ и оцѣнилъ послѣдствія мною совершеннаго.

Я живо помню этотъ, давно уже минувшій день. Наполеонъ Буонапарте, во главѣ ополчившейся на насъ Европы, вторгся въ предѣлы дорогого, нѣжно любимаго отечества. Дерзкій корсиканецъ быстро подвигался на Москву и передъ нимъ непрерывно отступали русскія войска, въ ряды которыхъ я явился сражаться за честь родной страны. Намъ неизвѣстна была стратегическая цѣль нашего быстраго отступленія. Западня, въ которую завлекали врага наши полководцы, казалась намъ постыднымъ бѣгствомъ. Двигаясь къ первопрестольной столицѣ, мы оставляли за собой опустошенныя поля, пылающіе города, добровольно создаваемую мерзость запустѣнія—послѣднія средства отпора націи столь же героической, сколько и несчастной...

На бивуакѣ, у зажженныхъ костровъ товарищи мои по оружію бесѣдовали о чудесной судьбѣ человѣка, котораго вся Европа звала «императоромъ Наполеономъ». Я молча слушалъ эту бесѣду и вдругъ вспомнилъ, кто именно былъ первымъ виновникомъ этого неслыханно быстраго возвышенія ничтожнаго офицера республиканской арміи, менѣе чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ обивавшаго пороги людей, сдѣлавшихся впослѣдствіи его раболѣпными приспѣшниками...

Въ ту незабвенную эпоху причиною моихъ трѣвожныхъ думъ былъ патріотизмъ. Я страдалъ, какъ русскій. Позднѣе то же воспоминаніе заставляло часто меня лить горькія слезы, какъ человѣка. Мнѣ довелось присутствовать при зрѣлищѣ нашихъ побѣдъ, сдѣлавшихся сигналомъ безпощадной всеевропейской реакціи. Я былъ свидѣтелемъ послѣднихъ годовъ царствованія, начавшагося при такихъ отрадныхъ предзнаменованіяхъ. Сердце мое обливалось кровью отъ слуховъ, доходившихъ въ мое добровольное уединеніе о событіяхъ, погубившихъ въ концѣ 1825 года почти всѣхъ моихъ прежнихъ друзей...

Съ тѣхъ поръ я уединился еще полнѣе, стараясь дѣлать какъ можно болѣе добра, но сознавая тщету усилій, которымъ приходится бороться съ условіями жизни, составляющими прямое наслѣдіе вторженія въ Россію Буонапарте и перемѣны, вызванной этимъ событіемъ во взглядахъ государя, первые годы царствованія котораго сулили такое свѣтлое и прекрасное будущее Россіи.

Одиночество мое продлится до самой смерти моей и пока я живъ, никто не узнаетъ его истинныхъ побудительныхъ причинъ. Не считаю, однако, себя въ правѣ унести мою тайну въ могилу. Слѣдующій далѣе разсказъ будетъ

единственною исповѣдью, возможною для человѣка моихъ убѣжденій. Да послужитъ она урокомъ для тѣхъ, кто отдается увлеченію своихъ страстей, не думая о послѣдствіяхъ такого увлеченія.

I.

Отецъ мой, Михаилъ Евграфовичъ Стародубскій былъ другомъ и политическимъ послѣдователемъ идей графа Никиты Панина. Въ блестящую эпоху царствованія императрицы Екатерины II-й, онъ ожидалъ отъ «Семирамиды Сѣвера» обширныхъ преобразованій въ либеральномъ смыслѣ, и чтобы подготовить во мнѣ достойнаго слугу великаго и святого дѣла, послѣдовалъ примѣру нѣсколькихъ русскихъ вельможъ, отправившихъ своихъ сыновей на воспитаніе во Францію. По просьбѣ самой императрицы извѣстный Гриммъ отыскалъ мнѣ въ Парижѣ наставника, рекомендованнаго ему барономъ Гольбахомъ. Девяти лѣтъ отъ роду я былъ привезенъ въ Парижъ однимъ изъ чиновниковъ нашего посольства при дворѣ короля Людовика XVI и сданъ на руки почтеннаго Проспера Ландэ,

профессора математики въ одной изъ высшихъ парижскихъ школъ.

Ландэ былъ горячимъ приверженцемъ педагогическихъ теорій, изложенныхъ Жанъ-Жакомъ Руссо въ его «Эмилѣ». Въ основу моего воспитанія онъ положилъ широкую свободу личнаго почина и страстную любовь къ «добродѣтели» въ томъ особомъ смыслѣ, который придавалъ этому слову знаменитый женевскій философъ. Черезъ четыре года послѣ моего прибытія во Францію, будучи еще 13-тилѣтнимъ ребенкомъ, 4-го мая 1789 года я смотрѣлъ съ какимъ-то сладкимъ сердечнымъ трепетомъ на шествіе представителей государственныхъ сословій, направлявшихся изъ собора Парижской Богоматери въ церковь св. Людовика, гдѣ должно было быть совершено торжественное молебствіе передъ открытіемъ ихъ засѣданій. Шествіе представителей открывали депутаты «третьяго сословія», въ числѣ которыхъ находился и мой почтенный наставникъ. Всѣ они были одѣты въ черное, съ шелковыми плащами того же цвѣта на плечахъ. Слѣдомъ за ихъ многочисленной группой, состоявшей почти изъ 600 человѣкъ, шли депутаты духовенства, сначала каноники въ черныхъ рясахъ и четыреугольныхъ шапкахъ, потомъ епископы въ своемъ фіолетовомъ

облаченіи и наконецъ кардиналы въ красныхъ мантіяхъ и шляпахъ. Третью группу составляли представители дворянства въ роскошныхъ, шитыхъ золотомъ, серебромъ и шелками кафтанахъ. Шествіе замыкалъ самъ король Людовикъ XVI, встрѣченный довольно восторженно народною толпою. Все это я вижу и теперь съ отчетливостью воспоминанія о событіи, происшедшемъ всего нѣсколько недѣль назадъ.

Вечеромъ того же дня, въ скромно убранной, но просторной квартирѣ Проспера Ландэ, жившаго въ узкой и коротенькой улицѣ du Bac, собралось довольно многочисленное общество друзей и хорошихъ знакомыхъ хозяина. Въ числѣ гостей находился знаменитый впослѣдствіи Роммъ, изобрѣтатель республиканскаго календаря. Онъ явился съ своимъ воспитанникомъ, 15-ти-лѣтнимъ русскимъ вельможею, графомъ А***., который немедленно подсѣлъ ко мнѣ. Мы пустились съ увлеченіемъ толковать о «великомъ событіи», только-что совершившемся «на пользу и благо всего человѣчества». Мой юный собесѣдникъ восторженно отзывался о графѣ Мирабо, генералѣ Лафайетѣ и превозносилъ до небесъ Некэра. Я слушалъ внимательно, завидуя въ тайнѣ обширности «политическихъ познаній» этого

отрока и не подозрѣвая, конечно, что онъ повторяетъ только чужія слова.

Въ самый разгаръ этой, въ сущности довольно комической бесѣды, кто-то произнесъ у меня за спиною тономъ добродушной насмѣшки:

— И вы тоже занимаетесь политикой, мои юные друзья. Это весьма похвально!

Я быстро обернулся. За моимъ стуломъ стоялъ не старый еще человѣкъ, очень щеголевато одѣтый и густо напудренный. Онъ смотрѣлъ на меня пристально, прищуренными, очевидно близорукими глазами. Физіономія этого господина сразу мнѣ не понравилась. Сильно покатый большой лобъ, вздернутый носъ, тонкія блѣдныя губы, маленькій, выдающійся впередъ подбородокъ представляли въ общей сложности нѣчто совсѣмъ не привлекательное. Мой собесѣдникъ, повидимому, не раздѣлялъ, однако же, моего впечатлѣнія. Онъ радостно покраснѣлъ и, почтительно приподнявшись со стула, сказалъ:

— Воспитанникамъ такихъ людей, какъ господа Просперъ Ландэ и Роммъ, было бы стыдно не интересоваться дѣломъ, которому служатъ ихъ достоуважаемые наставники, господинъ де-Робеспьеръ!

Напудренный господинъ снисходительно

улыбнулся и отошелъ отъ насъ, закинувъ высоко голову.

— Кто это такой?—спросилъ я съ любопытствомъ графа А***.

— Максимиліанъ де-Робеспьеръ, адвокатъ изъ Арраса. Г. Роммъ утверждаетъ, что ему суждено сдѣлаться однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ поборниковъ либеральныхъ реформъ...

Событія, послѣдовавшія за этою первою встрѣчею съ человѣкомъ, имя котораго пріобрѣло вскорѣ такую громкую и мрачную извѣстность, живо сохранились до сихъ поръ въ моей памяти до малѣйшихъ подробностей, но передавать здѣсь этихъ воспоминаній я не стану, такъ какъ они не имѣютъ прямой связи съ предметомъ моего разсказа-исповѣди. Достаточно будетъ упомянуть, что въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ я былъ очевидцемъ почти всѣхъ драматическихъ перипетій, приведшихъ къ низверженію монархіи Бурбоновъ. Въ началѣ 1790 года мнѣ было доставлено изъ нашего посольства извѣстіе о кончинѣ моего отца и передано приказаніе немедленно возвратиться въ Россію, но я наотрѣзъ отказался исполнить это приказаніе. У голландскаго банкира Ванъ-Деръ-Кока, отца извѣстнаго впослѣдствіи французскаго рома-

ниста Поль-де-Кока, лежала крупная сумма денегъ, внесенная на мое имя покойнымъ отцомъ моимъ для уплаты жалованья Просперу Ландэ и моихъ личныхъ издержекъ. Ванъ-Деръ-Кокъ былъ пріятель моего наставника и такой же восторженный поклонникъ либеральныхъ реформъ, какъ и онъ. Оба они уговорили меня тѣмъ легче остаться во Франціи, что мнѣ самому вовсе не хотѣлось уѣзжать изъ страны, въ которой происходили событія, совершенно овладѣвшія моимъ отроческимъ мозгомъ, насквозь проникнутымъ идеями Жанъ-Жака Руссо. Вскорѣ послѣ этого русское посольство выѣхало изъ Парижа и всѣ мои связи съ родиной временно порвались. Подъ вліяніемъ Проспера Ландэ, изъ русскаго барина, на половину офранцуженнаго съ ранняго дѣтства, быстро выработался скороспѣлый фанатикъ тѣхъ новыхъ идей, которыми пресыщена была въ ту эпоху атмосфера проснувшейся отъ многовѣкового гнета Франціи...

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія люди начинали жить гораздо ранѣе, чѣмъ въ настоящее время. Тогдашняя образованная молодежь почти не знала переходной эпохи, раздѣляющей нынѣ раннее дѣтство отъ юности, претендующей на полнопра-

віе и самостоятельность. Никому не казалось страннымъ видѣть 16-ти-лѣтнихъ полковниковъ и римскихъ прелатовъ. Примѣры ранняго выступленія на общественное поприще были необыкновенно многочисленны и казались дѣломъ совершенно естественнымъ, вполнѣ законнымъ. Между молодыми офицерами, сопровождавшими генерала Лафайетта въ Америку, было нѣсколько 15-ти и 14-ти-лѣтнихъ мальчиковъ, которые дрались какъ герои. При многихъ европейскихъ дворахъ того времени, не исключая и нашего русскаго, появлялись отъ времени до времени могущественные фавориты, награждаемые генеральскими чинами и лентами чуть не въ отроческомъ возрастѣ. Общее настроеніе эпохи было таково, что рѣшительно никто не удивлялся этимъ скороспѣлымъ возвышеніямъ. Въ русской арміи, боровшейся въ 1812 году съ Буонапарте, насчитывалось нѣсколько «боевыхъ» генераловъ 22-хъ и 23-хъ-лѣтняго возраста. Въ Англіи нѣсколько позднѣе сталъ во главѣ министерства 20-ти-лѣтній юноша. Свѣтскій человѣкъ 30-ти лѣтъ отъ роду считался уже «пожилымъ». Молодость не только не служила помѣхою для политической и служебной карьеры, но еще часто считалась лучшимъ правомъ на нее.

Въ революціонной Франціи и подавно ничто не мѣшало очень молодымъ людямъ являться дѣятельными участниками совершавшихся событій. Просперъ Ландэ искренне радовался, видя мое увлеченіе этими событіями. Онъ не только не мѣшалъ мнѣ посѣщать политическіе клубы и засѣданія такъ-называемыхъ «секцій», но еще самъ облегчалъ мнѣ доступъ въ эти собранія. По его рекомендаціи я былъ принятъ, въ концѣ 1792 года, въ члены знаменитаго клуба якобинцевъ, и въ день моего пріема предсѣдатель засѣданія, Барреръ, произнесъ нѣсколько напыщенныхъ фразъ о похвальномъ примѣрѣ, который подаетъ «русскій вельможа, добровольно отрекшійся отъ своего высокаго положенія». Напыщенныя фразы Баррера чрезвычайно польстили моему самолюбію и съ этого достопамятнаго для меня дня, я сталъ серьезно считать своею священною обязанностью принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ страны, оказавшей мнѣ такое широкое гостепріимство.

Для всякаго, кто былъ членомъ знаменитаго клуба якобинцевъ въ эту эпоху, возможность такого участія необыкновенно облегчалась самими обстоятельствами. Грозный клубъ, по своей полной политической безотвѣтственности, былъ настоящимъ хозяиномъ судебъ

страны, властью той нравственной опеки, въ которой онъ держалъ конвентъ, очень рѣдко осмѣливавшійся идти въ разрѣзъ съ волею шумнаго собранія, собиравшагося по вечерамъ въ бывшей «трапезѣ» древняго монастыря ордена св. Іакова. Этими вечерними собраніями какъ-то незамѣтно установилось непосредственное, ежедневное воздѣйствіе народныхъ массъ на «державную» палату представителей. Въ засѣданіяхъ клуба обсуждалось все, что̀ происходило за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ въ конвентѣ, и подготовлялись матеріалы для почтительныхъ по формѣ, но не допускавшихъ возраженія по своей сущности, «петицій», съ которыми делегаты клуба безпрестанно являлись въ палату, смѣло говоря отъ имени всей страны и искренно вѣря, что они имѣютъ на это право.

Предоставленный совершенно самому себѣ, вполнѣ обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи и рѣшительно ничѣмъ не занятый, потому что Просперу Ландэ, сохранившему свое званіе народнаго представителя, положительно некогда было продолжать принятую имъ на себя роль моего наставника, — я проводилъ цѣлые дни въ томъ лихорадочно-озабоченномъ бездѣльѣ усерднаго зрителя событій, которое было въ ту пору единственнымъ занятіемъ

достаточной парижской молодежи республиканскаго лагеря. Это политическое ротозѣйство, ставившееся въ заслугу моимъ сверстникамъ, до такой степени поглощало все мое время, что я возвращался домой только по вечерамъ, проводя цѣлые дни въ саду и въ окружающихъ его крытыхъ галлереяхъ Пале-Ройяля, называвшагося тогда «Пале-Эгалитé» и сдѣлавшагося съ самаго начала революцiи главнымъ центромъ политическихъ новостей и слуховъ. У меня вскорѣ завелось множество знакомыхъ и даже прiятелей въ толпѣ постоянныхъ посѣтителей различныхъ кафе и тогда уже занимавшихъ почти сплошь фасадъ зданiя, извѣстный подъ именемъ «галереи Божолэ». Въ саду Пале-Эгалитé и познакомился я впервые съ семействомъ, которому суждено было судьбою разыграть такую важную, такую рѣшительную роль въ моей жизни...

II.

Знакомство это состоялось совершенно случайно, лѣтомъ 1792 года. Толпа, постоянно тѣснившаяся въ саду, была особенно многочисленна и какъ-то лихорадочно настроена толками, ходившими уже нѣсколько дней, о намѣреніи роялистовъ взорвать галерею Божолэ, какъ главный сборный пунктъ «патріотовъ». Объ этомъ сказочномъ «заговорѣ» толковали почти всѣ. Въ самый разгаръ толковъ раздался выстрѣлъ — явленіе весьма обыкновенное для времени, когда каждый ходилъ не иначе какъ съ заряженными пистолетами въ карманѣ, а часто и прямо за поясомъ, въ видѣ предосторожности. Мнѣ уже не разъ доводилось слышать выстрѣлы въ саду Пале-Эгалитé и быть свидѣтелемъ равнодушнаго отношенія публики къ этимъ выстрѣламъ. На этотъ разъ случилось, однако же, нѣчто совершенно противоположное. Напуганная слу-

хами о подкопѣ подъ галлереей Божоле, вся толпа, наполнявшая садъ, ринулась въ сторону деревянныхъ построекъ, замѣненныхъ впослѣдствіи поперечною галлереею герцога Шартрскаго, и къ боковымъ выходамъ изъ продольныхъ галлерей въ улицы, окружающія зданіе Пале-Эгалитé. Постоянно присутствуя на разныхъ уличныхъ зрѣлищахъ, которыя сплошь и рядомъ кончались подобною давкою, я зналъ хорошо всѣ пріемы, необходимые для того, чтобы благополучно вырваться изъ напирающей въ одну сторону толпы. Прислонившись къ столбу лѣвой продольной галлереи и выставивъ впередъ локти, я пропускалъ мимо себя тѣснящихся мужчинъ и женщинъ, спокойно ожидая, когда кончится напоръ толпы. Въ то время, какъ я усердно работалъ локтями, раздался около меня женскій раздирающій крикъ и у самыхъ моихъ ногъ упала на каменный помостъ галлереи женщина, старавшаяся укрыться отъ давки. Быстрымъ движеніемъ, не отдѣляясь спиною отъ стѣны, чтобы самому не быть сбитымъ съ ногъ, я наклонился и помогъ ей встать. Поднявшись съ помоста, незнакомка повисла на моей рукѣ и, прижимаясь ко мнѣ всѣмъ тѣломъ, глядѣла молча вокругъ себя помутившимися отъ страха глазами.

Это была очень красивая и очень молоденькая брюнетка, одѣтая съ тою обязательною простотою, которою отличались туалеты парижскихъ женщинъ эпохи, провозгласившей «отсутствіемъ патріотизма» изящество женскихъ туалетовъ. Дешевенькое полосатое платье легкой шерстяной матеріи, черный шелковый передникъ, бѣлая кисейная косынка, скрещенная на груди и завязанная большимъ бантомъ сзади на таліи, равно какъ и широкополая соломенная шляпка съ высокой конической тульей, обвязанной широкою черною лентой, и украшенная трехцвѣтной кокардой, составляли нарядъ, не дававшій ни малѣйшей возможности догадаться объ ея общественномъ положеніи.

Такъ какъ толпа продолжала напирать въ нашу сторону, избѣгая, однако же, проникать въ галлерею, то я успѣлъ высвободиться изъ давки и отвести мою спутницу въ глубину этой галлереи къ самымъ магазинамъ. Видя себя въ безопасности, незнакомка наконецъ опомнилась отъ испуга и, выпустивъ мою руку, произнесла свѣжимъ, почти дѣтскимъ голосомъ:

— Благодарю васъ, гражданинъ, безъ васъ я не знаю, что̀ бы со мной сталось.

— Услуга съ моей стороны не велика, —

отвѣчалъ я, улыбаясь и глядя съ удовольствіемъ на ея хорошенькое личико. — Вы не ушиблись, гражданка?

— Руку немного ушибла, но это пустяки, пройдетъ. Гораздо хуже то, что я отстала отъ моего отца и не знаю теперь, какъ его найти.

— И это небольшая бѣда. Черезъ нѣсколько минутъ публика опомнится отъ своего безпричиннаго испуга. Тогда вашъ батюшка, конечно, вернется въ садъ искать васъ. Вамъ лучше всего выждать его здѣсь въ галлереѣ. Если я могу быть вамъ полезнымъ еще чѣмъ-нибудь — располагайте мною.

Молодая дѣвушка еще разъ поглядѣла на меня своими большими черными глазами, улыбнулась и приняла поданную ей мою руку. Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ по направленію къ галлереѣ Божолэ и очутились на одной изъ тѣхъ широкихъ площадокъ, которыя служатъ какъ бы сѣнями для лѣстницъ, ведущихъ во второй этажъ Пале-Ройяля.

Толпа все еще продолжала тѣсниться у деревянныхъ построекъ, раздѣлявшихъ на двое внутреннюю площадь зданія, но въ этой массѣ охваченнаго паническимъ страхомъ народа уже начиналось обратное движеніе. Многіе оглядывались, и видя, что галлерея Божолэ остается цѣлою и невредимою, проталкива-

лись на свободу, возвращаясь въ глубь сада. Спутница моя внимательно слѣдила за этимъ «отливомъ» и черезъ нѣсколько минутъ сказала мнѣ:

— Вы были правы. Вотъ и мой отецъ. Онъ ищетъ меня. Пойдемте къ нему на-встрѣчу.

Мы вышли изъ галлереи въ садъ и, ускоряя шагъ, двинулись къ стоявшему подъ одной изъ липъ пожилому господину, тревожно оглядывавшемуся въ разныя стороны. Въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ моя спутница весело крикнула:

— Папа, я здѣсь! — и оставивъ мою руку, подбѣжала къ отцу.

Я остановился, не зная, слѣдовать ли мнѣ за нею.

Но молодая дѣвушка тотчасъ же повернулась въ мою сторону и громко сказала:

— Что же вы, гражданинъ, развѣ такъ разстаются съ людьми, которымъ оказали услугу?

Я подошелъ, слегка приподнимая шляпу. Совершенно обнажать голову въ публичныхъ мѣстахъ, даже разговаривая съ женщиною, было тогда опасно. Чрезмѣрная вѣжливость навлекала подозрѣніе въ «аристократизмѣ».

— Рекомендую тебѣ моего спасителя, — сказала незнакомка, обращаясь къ отцу. Тотъ протянулъ мнѣ руку съ словами:

— Искренно благодарю васъ, гражданинъ, и радуюсь пріятному случаю познакомиться съ защитникомъ красоты и невинности. Меня зовутъ Камиль Рено. Я держу магазинъ письменныхъ принадлежностей въ улицѣ de la Lanterne. Вы очень обяжете насъ, если удостоите своимъ посѣщеніемъ наше скромное жилище.

Я поблагодарилъ гражданина Рено и, въ свою очередь, назвалъ себя, произнеся по давно уже усвоенной привычкѣ мою фамилію на французскій манеръ, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Дѣвица Рено удивленно приподняла свои густыя брови и спросила меня:

— Вы, значитъ, не французъ, гражданинъ?

— Нѣтъ, гражданка, я русскій по происхожденію, но воспитывался здѣсь во Франціи.

— Русскій!.. Но вѣдь это ужасно интересно! Мнѣ еще никогда не приходилось встрѣчаться съ русскими, — весело хлопая въ ладоши, вскричала молодая дѣвушка, но тотчасъ же остановилась, и, сконфузившись, премило потупила глазки, перебирая рукою край своего шелковаго передника.

Гражданинъ Рено улыбнулся и, потрепавъ красивою рукою зарумянившуюся щеку дочери, сказалъ:

— Какая ты болтушка, Сесиль. Что подумаетъ о тебѣ гражданинъ Стародубскій! Вѣдь

этакъ онъ пожалуй и не пожелаетъ удостоить своимъ посѣщеніемъ семейство, гдѣ его считаютъ интереснымъ только по его національности.

Я, конечно, разсыпался въ увѣреніяхъ моего искренняго желанія «имѣть честь» и пр. Говорилось это отъ искренняго сердца, потому что чѣмъ больше глядѣлъ я на хорошенькую Сесиль Рено, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе она мнѣ нравилась.

Отецъ молодой дѣвушки вынулъ изъ жилетнаго кармана массивные часы въ черепаховой съ серебромъ оправѣ и прервалъ меня словами:

— А если такъ, то не удостоите ли вы насъ чести отобѣдать съ нами сегодня же? Погода прекрасная, до улицы de la Lanterne не особенно далеко и мы поспѣемъ какъ разъ къ обычному часу нашей скромной трапезы.

Я сталъ было отговариваться безпорядкомъ моего наряда, сильно пострадавшаго отъ борьбы съ напоромъ испуганной толпы, но Сесиль не дала договорить мнѣ начатой фразы. Съ развязностью избалованнаго ребенка она подхватила меня подъ руку и сказала:

— Никакія извиненія приняты не будутъ. Извольте расплачиваться за ваше великодушіе и геройство! У батюшки вы найдете все

необходимое, чтобы поправить вашъ туалетъ.

Мы вышли втроемъ изъ Пале-Эгалитѐ въ одну изъ тѣхъ узкихъ и кривыхъ улицъ, которыя окружали его со стороны противуположной зданію Лувра. На узкомъ тротуарѣ этой улицы гражданинъ Рено пропустилъ насъ впередъ съ словами:

— Старость должна уступить первое мѣсто молодости!

— Особенно, когда это даетъ старости возможность наблюдать за молодостью,—смѣясь, замѣтила Сесиль, поворачивая къ отцу свое лукаво улыбающееся личико.

Гражданинъ Рено погрозилъ ей шутя пальцемъ.

— Значитъ, мы совершимъ прогулку подъ надзоромъ полиціи,—продолжала смѣяться молодая дѣвушка, уже обращаясь ко мнѣ.—Васъ это не стѣсняетъ, гражданинъ?

— Ни мало,—отвѣчалъ я, стараясь въ одно и то же время попасть ей въ тонъ и говорить тѣмъ языкомъ, которымъ говорили наиболѣе извѣстные ораторы якобинскаго клуба.—Для людей съ чистымъ сердцемъ, стремящихся идти всегда по пути добродѣтели, не страшно всевидящее око охранителей общественнаго порядка и благонравія.

Спутница моя приподняла слегка свои густыя черныя брови, услышавъ эту тираду, и спросила:

— Вы въ самомъ дѣлѣ русскій, или только шутили?

— Вовсе не шутилъ. Я назвалъ вамъ мое настоящее имя и національность.

— Я потому спрашиваю, — продолжала она,—что вы ужь очень изящно выражаетесь на нашемъ языкѣ, что̀ большая рѣдкость между иностранцами.

— А развѣ вы ихъ много видали?

— Въ магазинъ къ батюшкѣ часто заходятъ эти господа. У насъ бываетъ, кромѣ того, иногда гражданинъ Клоотсъ, «ораторъ человѣческаго рода», о которомъ вы, вѣроятно, слыхали. Онъ, правда, говоритъ очень краснорѣчиво, но съ такимъ страннымъ произношеніемъ и выдумываетъ иногда такія смѣшныя слова. Вы знаете, вѣдь онъ прусскій баронъ!

Эти послѣднія слова были сказаны съ поразившимъ меня оттѣнкомъ какого-то невольно прозвучавшаго дѣтскаго самодовольства.

— А вы, гражданинъ, не имѣете никакого титула?—спросила вслѣдъ затѣмъ Сесиль.

— Предки мои носили княжескій титулъ,— отвѣчалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ,—

но отказались отъ него, когда этотъ титулъ сталъ раздаваться царями ихъ любимцамъ. Съ тѣхъ поръ нашъ родъ сталъ извѣстенъ въ Россіи просто подъ именемъ Стародубскихъ.

— Но это не помѣшало, однакожъ, ему остаться знатнымъ родомъ?—спросила Сесиль, какъ-то тревожно поглядывая на меня.

— Нисколько не помѣшало. Мой покойный отецъ занималъ весьма высокое положеніе въ Россіи.

— Покойный! значитъ, вы сирота! Что же вы дѣлаете здѣсь у насъ вмѣсто того, чтобы занять принадлежащее вамъ по праву рожденія мѣсто въ вашемъ отечествѣ?

— Я не признаю подобныхъ правъ... Воспитанный на мудрыхъ правилахъ вашего великаго Жанъ-Жака, я не желаю возвратиться въ страну рабства и самовластія, когда судьба дала мнѣ возможность присутствовать при великомъ зрѣлищѣ восходящей зари освобожденія человѣческаго рода отъ вѣковыхъ предразсудковъ.

Молодая дѣвушка еще разъ пристально посмотрѣла на меня и о чемъ-то задумалась. Мы сдѣлали молча нѣсколько шаговъ и стали переходить какую-то улицу, какъ вдругъ за нами раздалось:

— Сесиль! Куда же ты?.. Своей улицы не узнала?

Молодая дѣвушка подняла голову и смѣясь посмотрѣла на короткій и узенькій переулокъ, на самой серединѣ котораго висѣлъ единственный фонарь, поддерживаемый веревкою, протянутою отъ стѣны до стѣны поперегъ улицы.

— А вѣдь правда!—сказала она.—Это наша улица.

Мы повернули направо и черезъ нѣсколько шаговъ остановились передъ небольшимъ магазиномъ съ вывѣской: «Papeterie des amis de la liberté. C. Renault».

Отецъ моей спутницы выдвинулся впередъ и, открывъ дверь, произнесъ, обращаясь ко мнѣ:

— Благоволите переступить этотъ гостепріимный порогъ, великодушный защитникъ красоты и слабости!

Сесиль весело засмѣялась и кинувъ въ сторону отца слова:

— Двѣ лжи заразъ, батюшка: я дурна собою и сильна, какъ рыночный носильщикъ (un fort de la Halle), — побѣжала вверхъ по крутой винтообразной лѣстницѣ, громко крича:

— Мама! мама! мы привели гостя, поставьте лишній приборъ!

Минутъ черезъ десять я сидѣлъ уже за большимъ круглымъ обѣденнымъ столомъ въ низенькой и тѣсной комнаткѣ, выходившей единственнымъ своимъ окномъ на узкій квадратный дворикъ высокаго дома, похожій на внутренность выложеннаго камнемъ колодца. Гражданка Рено, которой дочь уже успѣла разсказать все случившееся, привѣтливо угощала меня бараньимъ рагу, упрашивая «не погнушаться скромной трапезой не избалованныхъ фортуною гражданъ».

III.

Прошло нѣсколько дней прежде чѣмъ я рѣшился снова посѣтить семейство Рено, несмотря на усердное упрашиванье всѣхъ членовъ его «не забывать дороги въ «Papeterie des amis de la liberté». Мнѣ очень хотѣлось воспользоваться этимъ радушнымъ приглашеніемъ, потому что бархатные глазки хорошенькой Сесили произвели на меня сильное дѣйствіе во время обѣда, но именно поэтому-то и казалось мнѣ неловкимъ слишкомъ спѣшить. Почти ежедневно послѣ скромнаго обѣда въ одномъ изъ недорогихъ ресторановъ Пале-Эгалитé, проходилъ я до угла улицы de la Lanterne и прочитывалъ издали вывѣску магазина Рено, но поворачивать въ улицу все еще не рѣшался. Это могло бы продолжаться до безконечности, еслибъ однажды, въ ту самую минуту, когда я остановился на углу роковой улицы, чья-то сильная рука не ударила

меня сзади по плечу и за спиною у меня не раздался самоувѣренный громкій голосъ бумажнаго торговца, говорившій:

— Вы, конечно, идете къ намъ, гражданинъ? Милости просимъ; у насъ сегодня, какъ нарочно, маленькое семейное собраніе по случаю того, что я выбранъ членомъ наблюдательнаго комитета нашей секціи.

Я въ одно и то же время очень обрадовался и сильно смутился. Отговориться неподходящимъ для вечерняго собранія нарядомъ было невозможно, потому что съ перваго же дня встрѣчи съ хорошенькой дочерью гражданина Рено я сталъ ходить обѣдать въ Пале-Эгалитé, одѣтый точно на парадный вечеръ, такъ что даже обратилъ однажды этимъ на себя вниманіе моего, постоянно озабоченнаго политическими дѣлами воспитателя, который сказалъ мнѣ, улыбаясь:

— На охоту за красотой собираешься? Берегись, Эженъ, у насъ въ Парижѣ на этой охотѣ дичь съѣдаетъ гоняющихся за нею Немвродовъ!

Нѣкоторыя мелкія подробности событій, пережитыхъ въ молодости, удивительно сохраняются въ памяти. Я до сихъ поръ вижу съ величайшею отчетливостью тотъ нарядъ, въ которомъ я вторично явился въ гости къ

гражданину Рено. На мнѣ былъ свѣтло-сѣрый суконный фракъ съ серебряными большими пуговицами и узкими фалдами почти до ногъ, тѣлеснаго цвѣта короткія штаны, бѣлый жилетъ съ широкими отворотами, шелковые чулки, испещренные свѣтло-голубыми горошинами по бѣлому фону и лакированные башмаки съ серебряными пряжками. Войлочная шляпа той формы, которую ввели въ моду жирондисты, украшалась широкою бархатною лентою и обязательною тогда для всѣхъ трехцвѣтною кокардою. Мои густые, свѣтло-каштановые волосы были слегка напудрены и падали кудрями на высокій, подпирающій затылокъ, воротъ фрака. Отъ самой послѣдней моды въ этомъ нарядѣ было только одно отступленіе. Я не рѣшался еще надѣвать высокаго, скрывающаго до половины подбородокъ галстуха и замѣнялъ его кисейнымъ узкимъ шарфомъ, обшитымъ по концамъ кружевами, по модѣ послѣднихъ лѣтъ павшей монархіи.

Въ маленькой гостиной гражданина Рено я нашелъ дѣйствительно довольно многочисленное общество. Хозяинъ представилъ меня поочередно своей сестрѣ, старой дѣвѣ съ суровыми чертами лица и одѣтой по устарѣвшей модѣ послѣднихъ временъ царствованія Лю-

довика XVI-го, своему старшему сыну и еще тремъ гостямъ мужескаго пола, «гражданамъ» Кардиналю, Сэнтанаксу и Гэрлю, которые вмѣстѣ съ молодымъ Рено сидѣли за карточнымъ столомъ, играя въ безигъ. Въ другомъ углу гостиной помѣщалась группа, состоявшая изъ молодой нарядной женщины, бренчавшей что-то небрежно на клавесинѣ, дочери хозяина, перевертывавшей ей листы нотъ, и довольно высокаго, нескладно сложеннаго, длинноносаго господина, облокотившагося на клавесинъ и очевидно любезничавшаго съ своими собесѣдницами. Хозяйки дома не было въ комнатѣ. Ея крикливый голосъ слышался по временамъ въ сосѣдней столовой, гдѣ раздавалось звяканье разставляемой посуды.

Когда кончилось мое представленіе игрокамъ въ безигъ, хорошенькая Сесиль отошла отъ клавесина и, подходя ко мнѣ, развязно и весело сказала:

— Здравствуйте, мой рыцарственный спаситель!

При этихъ словахъ господинъ и дама, оставшіеся у клавесина, съ любопытствомъ поглядѣли на меня. Молодая дѣвушка взяла меня за руку и подвела къ нимъ, говоря:

— Гражданинъ Стародубскій, гражданка Сентъ-Амарантъ, гражданинъ Клоотсъ.

Оба эти имени были мнѣ знакомы. Г-жа Сентъ-Амарантъ, хотя очевидно не та, которая стояла передо мною, была извѣстна въ Парижѣ въ то время, какъ хозяйка гостепріимной гостиной, въ которой часто собирались охотники до крупной игры и веселаго общества; имя Клоотса уже успѣло прогремѣть подъ присвоеннымъ имъ себѣ титуломъ «оратора человѣческаго рода». Мой воспитатель Проспэръ Ландэ очень часто говорилъ съ своими друзьями объ этомъ загадочномъ эксцентрикѣ, котораго онъ считалъ почему-то прусскимъ шпіономъ. Гостинную г-жи Сентъ-Амарантъ Ландэ тоже не долюбливалъ, утверждая, что въ ней подъ предлогомъ игры и любезничанья съ хорошенькими женщинами собираются заговорщики-монархисты.

Услышавъ мое имя, Клоотсъ быстро оглянулъ меня своими маленькими, постоянно бѣгающими глазками и спросилъ съ довольно сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Вы, вѣроятно, принадлежите къ польской національности, гражданинъ?

— Нѣтъ, я русскій по происхожденію.

— Русскій!—и глаза Клоотса забѣгали еще быстрѣе.—Но это отлично! Въ нашей группѣ делегатовъ человѣческаго рода передъ великою французскою націею недоставало до сихъ

поръ именно представителя вашей національности! Надѣюсь, что когда мы поближе познакомимся, вы не откажетесь пополнить этотъ пробѣлъ?

Молодая женщина, сидѣвшая у клавесина, засмѣялась и сказала:

— Ораторъ человѣческаго рода не теряетъ времени! Онъ вербуетъ себѣ адептовъ даже въ чужихъ гостинныхъ.

Клоотсъ широко, но нѣсколько сконфуженно улыбнулся и отошелъ къ играющимъ въ карты.

Сесиль Рено подвинула мнѣ стулъ и сказала, обращаясь къ своей подругѣ:

— Ты уже знаешь, Люцинда, что гражданинъ Стародубскій почти спасъ мнѣ недавно жизнь, но я тебѣ еще не сообщала, что мой героическій защитникъ — очень важный русскій вельможа.

— Вотъ какъ,—пѣвучимъ и привѣтливымъ голосомъ произнесла молодая женщина, поднявъ на меня свои большіе сѣрые глаза на выкатѣ. — Что же вы, однако, дѣлаете здѣсь въ Парижѣ, господинъ русскій вельможа?

Слово «господинъ» прозвучало какъ-то странно для моего уха, уже успѣвшаго отвыкнуть отъ этого «монархическаго» величанія, котораго всѣ обыкновенно избѣгали въ разговорахъ, замѣняя его словомъ «гражданинъ». Я

невольно вспомнилъ еще разъ слова моего наставника о семействѣ Сентъ-Амарантъ и воздержался отвѣтить моей собесѣдницѣ въ «республиканскомъ» духѣ, а просто сказалъ:

— Изучаю любопытное и поучительное зрѣлище, представляемое въ настоящее время великимъ городомъ.

— Любопытное — сколько хотите, но поучительное — врядъ ли, — возразила красивая Люцинда, нѣсколько понижая голосъ и оглядываясь въ сторону Клоотса.

Сесиль Рено, пристально глядѣвшая на меня въ это время и вѣроятно замѣтившая, что слова ея подруги произвели на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, предупредила мой отвѣтъ.

— Ну, что за охота пускаться въ политическіе споры! И безъ того не знаешь, куда дѣться отъ подобныхъ разсужденій по цѣлымъ днямъ! Разскажите лучше намъ что-нибудь о вашемъ далекомъ отечествѣ, гражданинъ Стародубскій.

— Увы! я не могу сообщить вамъ ничего особенно интереснаго по этому предмету, — отвѣчалъ я хорошенькой хозяйкѣ, которая казалась мнѣ все болѣе и болѣе привлекательною. — Я оставилъ Россію еще ребенкомъ и всѣ мои воспоминанія ограничиваются родительскимъ домомъ.

— Который, вѣроятно, правильнѣе было бы назвать дворцомъ, не такъ ли?— спросила Сесиль съ поразившимъ меня блескомъ глазъ.— У васъ было, конечно, множество рабовъ, всегда готовыхъ исполнить ваши малѣйшіе капризы и прихоти?

— У родителей моихъ было дѣйствительно много крѣпостныхъ слугъ,—отвѣчалъ я уклончиво, искренно стыдясь воспоминанія о рабол҄ѣпномъ исполненіи нашей дворней всѣхъ моихъ ребяческихъ фантазій; но Сесиль не унималась.

— И этихъ рабовъ строго наказывали, когда они недостаточно поспѣшно исполняли вашу волю? — продолжала она допрашивать меня.

— Почему, однако, это васъ такъ сильно интересуетъ, гражданка? Или вамъ хочется постыдить меня невольными грѣхами моего дѣтства?

— О нѣтъ! Я спрашиваю васъ объ этомъ потому, что обстановка, въ которой вы родились и выросли, должна такъ мало походить на все, что̀ я знаю изъ личнаго опыта моей, еще короткой жизни! Чувствовать себя въ правѣ повелѣвать другими должно быть очень пріятно для самолюбія.

Люцинда Сентъ-Амарантъ, прислушивавшая-

ся къ нашему разговору, не переставая бренчать на клавесинѣ, засмѣялась и сказала:

— Ну какая же ты республиканка, Сесиль, послѣ этого? Зачѣмъ же горячиться, доказывая мнѣ всѣ прелести свободы, равенства и братства?

— Это совсѣмъ другое, — торопливо, но нѣсколько сконфуженно перебила ее Сесиль.— Я говорю о невольномъ, инстинктивномъ чувствѣ, а не о принципахъ. Гражданинъ Стародубскій, конечно, пойметъ разницу...

— Вы не ошибаетесь, гражданка, — поспѣшилъ я отвѣтить, — жажда власти есть чувство, прирожденное человѣческому существу. Только разумъ указываетъ намъ на неправоту этого чувства. Великій Руссо...

— Господи! еще поклонникъ этого противнаго Жанъ-Жака! — воскликнула Люцинда Сентъ-Амарантъ.—Видно, мама права, говоря, что несносный женевецъ свелъ съ ума своими бреднями всю вселенную.

Я уже собирался вступиться за моего любимаго писателя, какъ вдругъ за моею спиною раздался голосъ Клоотса, говорившаго:

— Наша божественная Юнона неисправима! Она продолжаетъ говорить самыя ужасныя вещи, преисполняющія скорбью сердца ея страстныхъ поклонниковъ.

Названіе «Юнона» было очень удачно выбрано для дѣвицы Сентъ-Амарантъ. Ея роскошный станъ, матовая бѣлизна ея кожи съ легкимъ желтоватымъ оттѣнкомъ слоновой кости, большіе сѣрые глаза на выкатѣ, довольно низкій лобъ, обрамленный вьющимися каштановыми волосами и слишкомъ «дебелая» для молодой дѣвушки шея, дѣйствительно, дѣлали ее похожею на «волоокую Геру» Иліады.

Люциндѣ, однако же, повидимому не понравилась слащавая шутка «оратора человѣческаго рода», она сдвинула свои густыя, прямыя брови и, повернувшись къ Клоотсу, нетерпѣливо пожала плечами, не отвѣтивъ ни слова.

Пруссакъ опять сконфузился, и стараясь скрыть свое смущеніе, подсѣлъ ко мнѣ и пустился разспрашивать о Россіи.

Это начинало мнѣ надоѣдать. Я шелъ къ Рено вовсе не затѣмъ, чтобы разыгрывать роль рѣдкаго звѣря, на котораго каждому любопытно посмотрѣть. Добродушно - назойливый Клоотсъ, которымъ я еще недавно восхищался съ чужихъ словъ, казался мнѣ теперь столь же скучнымъ, какъ и красивая Люцинда Сентъ-Амарантъ. Оба они точно сговорились не допустить меня до бесѣды съ черноглазой дочерью хозяина. Послѣ нѣсколькихъ несвяз-

ныхъ отвѣтовъ Клоотсу я всталъ и подошелъ къ столу, за которымъ хозяинъ дома игралъ въ безигъ, называя королей «тиранами», а валетовъ—«слугами деспотизма». Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я разсѣянно глядѣлъ на игру, въ которой ничего не понималъ. Изъ этого скучающаго созерцанія меня извлекла Сесиль, подошедшая съ вопросомъ: люблю ли я карточную игру? На мой отвѣтъ, что я не имѣю о ней ни малѣйшаго понятія, она замѣтила смѣясь:

— И прекрасно дѣлаете! По моему, нѣтъ ничего нелѣпѣе этого страннаго препровожденія времени.

Произнося эти слова, она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону, очевидно приглашая меня послѣдовать за нею. Мы очутились въ амбразурѣ окна какъ разъ противъ клавесина, у котораго Клоотсъ снова любезничалъ съ Люциндой Сентъ-Амарантъ, широко улыбаясь и показывая свои скверные, желтые зубы.

Разговоръ о Россіи Сесиль не возобновляла болѣе. Она стала разспрашивать меня о томъ, чѣмъ я занимаюсь и какъ провожу время въ Парижѣ. Услыхавъ, что я недавно поступилъ членомъ въ клубъ якобинцевъ, она какъ будто нѣсколько удивилась.

— Неужели вамъ нравятся ужасныя вещи,

которыя проповѣдують ораторы этого вертепа?— спросила она съ недовольнымъ выраженіемъ лица.

— Я не нахожу въ нихъ ничего ужаснаго,— отвѣчалъ я, невольно рисуясь передъ моею хорошенькой собесѣдницей.—Якобинцы ужь конечно болѣе безупречные граждане, чѣмъ жирондисты съ ихъ театральной героиней, гражданкой Роланъ.

Сесиль вскинула на меня глазами изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, хотѣла что-то сказать, но удержалась, и вдругъ, засмѣявшись совершенно по-дѣтски, тронула меня рукою за плечо со словами:

— Однако, что̀ это право за разговоръ между молодою дѣвушкою и молодымъ человѣкомъ! Или Люцинда дѣйствительно права, увѣряя, что всѣ мы спятили съ ума и потеряли возможность интересоваться чѣмъ бы то ни было, кромѣ политики?

Въ этой фразѣ какъ будто слышалось приглашеніе перейти къ разговору о «чувствахъ». Я былъ вовсе не прочь отъ такого перехода, но не зналъ какъ начать. Собесѣдница моя помогла мнѣ.

— Вы намѣрены долго еще прожить во Франціи?—спросила она.

— Я разсчитываю навсегда поселиться въ

вашей прекрасной странѣ и заслужить лестное право гражданина единой и нераздѣльной республики.

— А ваши русскія богатства? Неужели вы отъ нихъ откажетесь? Вамъ не жалко будетъ разстаться съ обширными помѣстьями и зàмками?

— Отказываться вполнѣ надобности не предстоитъ: помѣстья и замки, какъ вы выражаетесь, можно обратить въ деньги, а съ деньгами жить вездѣ хорошо.

— Значитъ, вы и женитесь у насъ здѣсь во Франціи, на одной изъ моихъ соотечественницъ?

— Если найду себѣ подругу по сердцу, то конечно да!

— Подругу по сердцу. Вы удовольствуетесь этимъ условіемъ?

— Но развѣ оно не самое важное?

— А состояніе, а общественное положеніе? Русскій вельможа, конечно, не возьметъ себѣ въ жены первую попавшуюся мѣщаночку.

— Что вы это говорите, гражданка Сесиль! Развѣ мы не находимся въ странѣ, навсегда покончившей съ устарѣлыми идеями неравенства всѣхъ общественныхъ положеній!

— На словахъ,—конечно. На дѣлѣ оно, однако же, не совсѣмъ такъ; мой отецъ хвалится,

напримѣръ, тѣмъ, что онъ искренній поклонникъ идей равенства, но будьте увѣрены, что онъ никогда не согласился бы на мой бракъ съ чернорабочимъ, даже еслибъ я его полюбила.

— Это совсѣмъ другое дѣло. Чернорабочій никогда, конечно, не будетъ достоинъ сдѣлаться супругомъ такого прелестнаго существа, какъ вы, несмотря на всѣ свои гражданскія доблести, тогда какъ у васъ во Франціи, для человѣка съ самыми утонченными нравственными требованіями, вовсе не трудно найти достойную подругу жизни между молодыми дѣвушками самой скромной общественной среды.

Сесиль Рено выслушала эту тираду, глядя мнѣ прямо въ глаза своими огненными черными глазами. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, она краснѣла все болѣе и болѣе, и вдругъ какъ-то нервно засмѣявшись, сказала:

— Однако, вы чудакъ не малый, какъ я вижу!

Фраза, была несомнѣнно насмѣшливая, но тонъ ея прямо противорѣчилъ смыслу произнесенныхъ словъ. Въ немъ слышалось что-то ласкающее и вызывающее въ одно и то же время. Молодая дѣвушка очевидно поддавалась неудержимому приливу инстинктивнаго кокетства.

Игроки въ безигъ, кончивъ партію, вышли изъ-за стола, и всѣ мы, по приглашенію хозяина, отправились въ маленькую столовую, гдѣ гражданка Рено окончила свои хлопотливыя приготовленія къ изобильному ужину. За столомъ меня усадили между дечерью хозяина и Люциндой Сентъ-Амарантъ. Съ перваго же блюда начались тосты, сигналъ къ которымъ подалъ Клоотсъ. Я, однакоже, не слышалъ почти ни слова изъ произносимыхъ рѣчей, потому что Сесиль продолжала кокетничать со мною тѣмъ особеннымъ, чисто-французскимъ способомъ, въ которомъ вызывающій задоръ интонацій странно-гармонически соединяется съ сантиментальнымъ смысломъ произносимыхъ фразъ и съ весьма недвусмысленными прикосновеніями колѣнъ и ногъ подъ столомъ. Французская дѣвушка, позволяющая себѣ подобныя продѣлки, вовсе еще не доказываетъ ими своей нравственной испорченности въ общепринятомъ значеніи этого слова. Очень часто продѣлки эти бываютъ результатомъ какого-то страннаго инстинкта, развивающагося отчасти отъ типическихъ особенностей воспитанія женщинъ во Франціи, отчасти отъ употребленія съ дѣтства въ питье вина, только на половину разбавляемаго водою. Мнѣ, уже успѣвшему привыкнуть къ нравамъ страны,

въ которой я превратился изъ ребенка въ юношу, манера держаться моей сосѣдки вовсе не казалась неприличною, и новаго представляла только то, что предметомъ ея кокетливыхъ «авансовъ» былъ я самъ, до тѣхъ поръ не имѣвшій еще случая попасть въ подобное положеніе и знакомый только съ болѣе откровеннымъ кокетствомъ легко-доступныхъ красавицъ Пале-Эгалитé.

Къ концу ужина, когда «ораторъ человѣческаго рода», сильно подвыпившій, заплетающимся языкомъ сталъ доказывать, что Парижъ есть «центръ вселенной», я былъ уже окончательно влюбленъ въ Сесиль Рено и рѣшилъ, что она сдѣлается моею женою. Рѣшимость эта должно быть придавала моему лицу довольно странное выраженіе, потому что Люцинда Сентъ-Амарантъ вдругъ расхохоталась, поглядѣвъ на меня, и сказала, глядя мнѣ прямо въ глаза своими глазами «волоокой Геры»:

— Я не знала, что уроженцы холоднаго сѣвера надѣлены такимъ легко воспламеняющимся темпераментомъ.

Сесиль еще болѣе покраснѣла отъ этой шутки своей пріятельницы и посмотрѣла на Люцинду съ досадливымъ упрекомъ.

Я ушелъ изъ скромной квартиры гражданина Рено въ блаженномъ состояніи, знако-

момъ каждому юношѣ, искренно влюбившемуся въ первый разъ въ жизни. Плохо освѣщенный жалкими масляными фонарями, Парижъ показался мнѣ вдругъ необыкновенно изящнымъ и красивымъ. Вмѣсто того, чтобы идти прямо домой, я отправился зачѣмъ-то на площадь Революціи, какъ называлась въ то время нынѣшняя площадь Согласія, и облокотясь на каменный парапетъ набережной Сены, сталъ любоваться дивною панорамою береговъ этой рѣки. Передо мною въ ночномъ сумракѣ высились вдали громадные силуэты башни Сенъ-Жакъ де-ла Бушри и собора Парижской Богоматери. Правѣе, изъ-за массивныхъ башенъ тюрьмы Консьержери поднимался узорный шпицъ Святой Капеллы, а ближе къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, виднѣлось приземистое зданіе дворца Мазарини съ его характернымъ куполомъ. На темномъ фонѣ рѣки мелькали огоньки фонарей, прикрѣпленныхъ къ носовой части торговыхъ судовъ, ошвартовавшихся у берега. Что-то особенно радостное было на нынѣшній разъ въ этой хорошо мнѣ знакомой картинѣ. Настроеніе, мною овладѣвшее, было такъ глубоко и сильно, что его не измѣнило даже зрѣлище, представившееся моимъ глазамъ, когда я повернулся спиною къ рѣкѣ. Посреди площади, почти по со-

сѣдству съ колоссальною гипсовою статуею Свободы, вытягивались надъ высокимъ деревяннымъ помостомъ два вертикальные столба «луизетты», какъ называли еще тогда гильотину, по имени перваго ея изобрѣтателя, доктора Луи. Утромъ того дня было совершено нѣсколько казней и назавтра предвидѣлось подобное же событіе, вслѣдствіе чего смертоносное орудіе оставалось неприбраннымъ, хотя еще только близилось то время, когда ему суждено было сдѣлаться постояннымъ «украшеніемъ» площади Революціи. Я никогда не ходилъ смотрѣть на эти расправы республиканскаго правосудія, не потому, чтобы сознавалъ ихъ ужасъ и возмутительный произволъ, а просто потому, что испытывалъ какое-то инстинктивное отвращеніе отъ подобныхъ зрѣлищъ. Когда при дневномъ свѣтѣ мнѣ случалось мимоходомъ видѣть окрашенную въ красный цвѣтъ «луизетту», я находилъ отвратительнымъ и несогласнымъ съ величіемъ идеи «законной кары» эту неуклюжую машину. Теперь же при ночномъ освѣщеніи, скрадывавшемъ ея красный цвѣтъ и какъ-то увеличивавшемъ размѣры ея столбовъ, она произвела на меня совершенно иное впечатлѣніе. Новое, «усовершенствованное» орудіе казни стояло у подножія статуи Свободы какъ бы

напоминаніемъ о страшной, но роковой развязкѣ долгихъ столѣтій безжалостнаго гнёта привиллегированнаго меньшинства надъ цѣлой націей. Глядя на этотъ символъ республиканскаго равенства, я думалъ о томъ, что скоро и мнѣ представится случай доказать моею женитьбою на дочери мелкаго бумажнаго торговца полное усвоеніе мною идеи упомянутаго равенства... Еслибъ кто-нибудь сказалъ мнѣ въ то время, что на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ я стою теперь, мнѣ придется перенесть всего черезъ годъ съ небольшимъ самую ужасную минуту моей жизни, я конечно не повѣрилъ бы такому зловѣщему предсказанію...

IV.

За первымъ вечеромъ, проведеннымъ мною въ семействѣ почтеннаго Камилля Рено, послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. Моя юношеская робость совершенно испарилась отъ впечатлѣній этого памятнаго вечера. Наивное кокетство хорошенькой Сесили придало мнѣ смѣлости. Намѣренія мои оставались вполнѣ чистыми, но почему-то мнѣ казалось теперь, что осуществить ихъ не будетъ стоить никакого труда. Дочь бумажнаго торговца не была, очевидно, слишкомъ суровою республиканкою. Ея настойчивые разспросы о моемъ знатномъ происхожденіи и въ особенности ея близость съ Люциндой Сентъ-Амарантъ, почти не скрывавшей своихъ монархическихъ симпатій, въ одно и то же время смущали и радовали меня. Мои юношескія мечты, сосредоточивавшіяся до тѣхъ поръ на радужныхъ ожиданіяхъ «всемірныхъ» послѣдствій отъ событій, совершавшихся у меня на глазахъ, пріобрѣли вдругъ

двойственный характеръ. Мечтая о счастіи обладать прелестною дѣвушкой, заполонившей мое сердце, я какъ-то совершенно забывалъ о средѣ, въ которой мнѣ приведется испытывать это счастіе. Были даже минуты, когда Сесиль представлялась мнѣ въ роскошной обстановкѣ моего петербургскаго дома, посреди сливокъ русскаго придворнаго общества, и однажды я задался неожиданно для самого себя вопросомъ, не слѣдуетъ ли мнѣ, по возвращеніи въ отечество, ходатайствовать о возстановленіи княжескаго титула древняго рода Стародубскихъ? «Княгиня Цецилія»! какъ бы порадовало это громкое наименованіе очаровательную подругу моей жизни...

Въ семействѣ Камилля Рено на мои частыя посѣщенія всѣ смотрѣли очень благосклонно. Самъ бумажный торговецъ былъ доволенъ ими, кажется, безъ всякой задней мысли—по крайней мѣрѣ касавшейся его хорошенькой дочери. Многое заставляетъ меня полагать нынѣ, что гражданинъ Рено дорожилъ моимъ случайнымъ знакомствомъ болѣе всего съ политической точки зрѣнія. Его шумный республиканизмъ имѣлъ въ себѣ много напускного. Добродушный лавочникъ страшно боялся быть заподозрѣннымъ въ недостаткѣ «гражданской доблести» и дѣлалъ все возможное, чтобы не

попасть въ роковой списокъ «подозрительныхъ». Посѣщенія воспитанника Проспера Ландэ, юноши, уже «имѣвшаго честь» быть членомъ всемогущаго клуба якобинцевъ, были лишнимъ «козыремъ» въ игрѣ наивно лукаваго коммерсанта. Весь Парижъ хорошо зналъ, что мой наставникъ находится въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Максимиліану Робеспьеру, а это громкое имя, вмѣстѣ съ именемъ Марата, считалось тогда лучшею защитою отъ всякихъ подозрѣній въ политической неблагонадежности. Камилль Рено любилъ разспрашивать меня о всемогущемъ другѣ Проспера Ландэ, и всегда заводя бесѣду о «неподкупномъ Максимиліанѣ», кончалъ ее восклицаніемъ:

— Какой великій человѣкъ! Римлянинъ! Настоящій римлянинъ!

Гражданка Рено была ласкова со мною безъ всякихъ заднихъ мыслей; эту добрую и малообразованную женщину просто льстило появленіе въ ея скромной гостиной «знатнаго иностранца», обходящагося съ нею какъ съ равною и усердно похваливающаго тѣ немудрыя гастрономическія лакомства, въ искуствѣ приготовленія которыхъ она считала себя не имѣющею соперницъ.

Гораздо менѣе просты и понятны были от-

ношенія ко мнѣ Сесили Рено. Чѣмъ ближе знакомился я съ этою привлекательною дѣвушкой, тѣмъ болѣе загадоченъ казался мнѣ ея характеръ. Она то вовсе повидимому не интересовалась происходившими въ Парижѣ событіями, болтая по цѣлымъ вечерамъ со мною и съ Люциндой Сентъ-Амарантъ о всякомъ вздорѣ, то вдругъ увлекалась политикой и съ горящими отъ внутренняго волненія глазами начинала защищать жирондистовъ, надъ которыми во второй половинѣ мая 1793 года собиралась грозная туча, вызвавшая вскорѣ затѣмъ ихъ бѣгство въ провинцію. Однажды, въ послѣднихъ числахъ мая, я зашелъ въ Камиллю Рено вечеромъ. Бумажнаго торговца не было дома, жена его возилась на кухнѣ за приготовленіемъ «рубцовъ по-кански» (tripes à la mode de Caen), на которые я былъ спеціально званъ въ этотъ день. Въ маленькой гостиной я засталъ Сесиль вдвоемъ съ Люциндой Сентъ-Амарантъ, которая громко хохотала, отмахиваясь руками отъ какихъ-то горячихъ упрековъ своей пріятельницы.

— Ты просто съ ума сошла, моя дорогая,— произнесла Люцинда въ то время, когда я вступилъ въ гостиную. Я—защитница Робеспьера! Да съ чего ты это взяла?

— Онъ бываетъ у васъ и твоя мать ста-

раетея искать его расположенія, — отвѣтила Сесиль, еще не замѣчая меня и угрюмо потупившись.

— Да помилуй! Онъ былъ у насъ всего только два раза вмѣстѣ съ этимъ противнымъ Дантономъ, который не даетъ мнѣ прохода своими мерзкими ухаживаніями. Матушка, по извѣстнымъ тебѣ причинамъ, должна была сдѣлать ему хорошій пріемъ, но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы мы считали его желаннымъ гостемъ!

— Такого чудовища не слѣдуетъ пускать къ себѣ на порогъ!—вскричала Сесиль, сверкнувъ своими черными глазами, и порывисто вставъ съ мѣста, замѣтила наконецъ мое присутствіе. Вмѣсто обычнаго веселаго привѣта, она сухо мнѣ поклонилась и, кивая головою въ мою сторону, прибавила, обращаясь къ Люциндѣ:

— Вотъ тебѣ пособникъ въ защитѣ этого кровопійцы!

Люцинда еще громче расхохоталась, увидавъ мое недоумѣвающее лицо, и сказала, обращаясь ко мнѣ:

— Это мы изъ-за вашего Робеспьера чуть-чуть не подрались. Сесиль обвиняетъ меня въ пристрастіи къ этому идолу парижскихъ дураковъ-патріотовъ за то, что я не прихожу

въ негодованіе отъ его вражды къ жирондистамъ.

— Вы напрасно называете гражданина Робеспьера «моимъ»,—сказалъ я, садясь на обычное мое мѣсто у окна.—Я очень уважаю этого знаменитаго трибуна, но особенной симпатіи къ нему не чувствую. Что же касается до его обличеній преступной крамолы жирондистовъ, то обличенія эти врядъ ли можно объяснить просто враждою. Представители Жиронды сами подаютъ къ нимъ поводъ.

— Берегитесь трогать жирондистовъ при Сесили!—вскричала, все еще продолжая смѣяться, Люцинда.—Вы рискуете нажить себѣ смертнаго врага въ страстной поклонницѣ красавца Барбару!

При этомъ имени Сесиль поблѣднѣла и мрачно проговорила сквозь зубы:

— Люцинда! Смотри, какъ бы намъ не поссориться серьёзно!

Слова эти были сказаны такимъ тономъ, что дѣвица Сентъ-Амарантъ какъ-то сразу смолкла, досадливо пожавъ плечами.

Сесиль, очевидно дѣлая надъ собою усиліе, пробовала заговорить со мною о постороннихъ вещахъ, но разговоръ не клеился и я не чувствовалъ себя въ состояніи его поддерживать. Имя Барбару, произнесенное Люциндой съ ка-

кой-то особенной интонаціей, смутило меня до нельзя. Весь тогдашній Парижъ былъ полонъ разсказами о неотразимомъ впечатлѣніи, которое производилъ на женщинъ своею необыкновенной красотой этотъ молодой представитель Жиронды. Живя постоянно въ добровольномъ одиночествѣ, я не могу, конечно, сравнивать этого впечатлѣнія съ тѣмъ, которое производили позднѣе на женщинъ Западной Европы и Россіи знаменитые пѣвцы и актеры, но судя по тому, что̀ мнѣ доводилось слышать и читать на этотъ счетъ, оно часто бываетъ очень похоже на культъ, предметомъ котораго былъ въ 1792 и 1793 годахъ въ Парижѣ краснорѣчивый красавецъ Барбару. Измѣнившееся лицо Сесили навело меня вслѣдствіе этого на самыя тревожныя размышленія. Змѣя ревности впервые укусила мое молодое сердце.

Люцинда Сентъ-Амарантъ замѣтила повидимому впечатлѣніе, произведенное на меня ея намекомъ, потому что въ дальнѣйшей бесѣдѣ наводила нѣсколько разъ разговоръ на необыкновенную удачу въ любовныхъ похожденіяхъ «воскового херувимчика изъ Жиронды», какъ она называла Барбару. Сесиль Рено выслушивала эти выходки молча, но именно ея молчаніе еще болѣе смущало меня, и тя-

желое чувство, мною овладѣвшее, стало, наконецъ, такъ невыносимо, что я подъ предлогомъ головной боли ушелъ домой гораздо ранѣе обыкновеннаго, къ великому огорченію гражданки Рено, собиравшейся угостить меня пресловутыми «рубцами».

Цѣлую недѣлю не возвращался я въ улицу de la Lanterne, заставляя себя усиленно слѣдить за достопамятными событіями, совершавшимися въ теченіе этихъ семи дней. Я присутствовалъ въ клубѣ якобинцевъ на засѣданіи 29 мая, во время котораго участь депутатовъ Жиронды рѣшила пламенная рѣчь Робеспьера объ опасностяхъ, грозящихъ республикѣ со стороны ея «внутреннихъ враговъ». Въ этой длинной рѣчи было всего двѣ или три фразы, прямо относившіяся къ жирондистамъ, но когда ораторъ кончилъ, всѣ поняли, что участь этихъ несчастныхъ рѣшена. Требованія, съ которыми выступили два дня спустя вожаки парижской коммуны, настаивавшіе на немедленномъ арестованіи представителей Жиронды, не удивили уже никого. Почва къ этой мѣрѣ была подготовлена обвинительною рѣчью Робеспьера.

Когда нѣсколько дней спустя послѣ демонстраціи коммуны, произведенной 31 мая, я рѣшился, наконецъ, снова посѣтить семейство

Рено, меня привело въ ужасъ блѣдное, страшно измѣнившееся лицо Сесили. Молодая дѣвушка не то что состарѣлась, а какъ-то возмужала, прелестный ребенокъ превратился въ женщину. Сесиль встрѣтила меня на этотъ разъ ласково, но въ этой ласковости проглядывало очевидное равнодушіе. Когда я, не зная съ чего начать разговоръ, освѣдомился у нея о здоровьѣ Люцинды Сентъ-Амарантъ, она отвѣтила мнѣ:

— Мы перестали видѣться съ Люциндой. Наши дороги разошлись.

Вечеръ прошелъ въ ничтожной и вялой болтовнѣ о всевозможныхъ пустякахъ. Камилль Рено, вскорѣ поднявшійся изъ магазина въ маленькую гостиную, нѣсколько разъ пробовалъ наводить рѣчь на событія послѣднихъ дней, но Сесиль постоянно перебивала его на полусловѣ, и снова обращала разговоръ на мелочи, около которыхъ онъ вертѣлся до прихода ея отца. Это скоро наскучило бумажному торговцу, и онъ ушелъ, говоря, что ему еще необходимо побывать на вечернемъ засѣданіи секціи.

Послѣ ухода отца, Сесиль Рено стала еще менѣе разговорчива. Она разсѣянно слушала мой разсказъ о новой пьесѣ, только-что поставленной на сценѣ французскаго театра и вызвавшей негодованіе публики своими враждеб-

ными намеками на современное положеніе дѣлъ. Въ самой серединѣ этого разговора, она вдругъ перебила меня словами:

— Скажите мнѣ, гражданинъ Стародубскій, неужели вамъ не приходитъ до сихъ поръ охоты вернуться въ отечество?

— Вамъ уже извѣстно, гражданка, что я рѣшился болѣе туда не возвращаться,—отвѣчалъ я.—Не скрою, однако же, что съ нѣкоторыхъ поръ моя рѣшимость нѣсколько ослабѣла, и что несмотря на политическое положеніе Россіи, я вижу условія, при которыхъ я могъ бы вкушать счастіе даже и въ этой, столь отставшей отъ остальной Европы странѣ. Человѣкъ эгоистъ, его личное счастіе заслоняетъ все остальное. Если бы я могъ вернуться въ Россію не одинъ, а съ тою, которая дороже для меня всего на свѣтѣ, я согласился бы доставить цѣной такого возвращенія моей любимой подругѣ все, чего не можетъ ей предложить изгнанникъ, добровольно отказавшійся отъ выгодъ того общественнаго положенія, въ которомъ онъ родился.

Эту длинную тираду я проговорилъ, путаясь на каждомъ словѣ и едва переводя духъ отъ волненія. Всего за десять минутъ передъ тѣмъ мнѣ и въ голову не приходило, что я могу такъ сразу завести разговоръ о планахъ на

будущее, внушенныхъ мнѣ моею страстью къ Сесили Рено.

Молодая дѣвушка слушала меня съ грустно-насмѣшливою улыбкою. Она, очевидно, поняла, къ чему я веду рѣчь, потому что вдругъ выпрямившись и глядя въ сторону, сказала:

— Не скоро еще въ такомъ случаѣ вернетесь вы въ Россію! Въ ваши лѣта рано думать о подругѣ жизни, и гражданинъ Проссперъ Ландэ врядъ ли поощритъ ваши матримоніальныя мечтанія.

Меня бросило въ жаръ отъ этого намека на мой слишкомъ молодой возрастъ, о которомъ до сихъ поръ никогда не говорила Сесиль, обращаясь со мною, какъ съ совершенно взрослымъ человѣкомъ. Ребяческая досада захватила мнѣ духъ и заставила сдѣлать величайшую глупость.

— Молодой человѣкъ, самостоятельно располáгающій почтенной цифрой годового дохода, всегда будетъ достаточно взрослымъ для того, чтобы нашлись охотницы раздѣлить съ нимъ этотъ даръ фортуны,—отвѣчалъ я развязнымъ тономъ посѣтителя модныхъ кафе Пале-Эгалитѐ.

Не успѣлъ я еще окончить эту несчастную фразу, какъ уже горько въ ней раскаялся. Сесиль встала съ своего мѣста, видимо сдер-

живая свое негодованіе, и поклонившись мнѣ однимъ наклоненіемъ головы, произнесла какимъ-то металлическимъ голосомъ:

— Прощайте, гражданинъ Стародубскій!

Я схватился за шляпу, и нехотя двигаясь къ двери, отвѣчалъ:

— До свиданія, гражданка Сесиль.

— Не «до свиданія», а «прощайте», — повторила молодая дѣвушка, и быстро вышла изъ комнаты.

Съ этого рокового вечера я перестал быть у Камилля Рено...

V.

Любовь моя къ Сесили, однако же, не только не ослабѣла, а еще болѣе разгорѣлась съ той минуты, какъ я убѣдился, что предметъ этой любви равнодушенъ ко мнѣ. У очень молодыхъ людей часто встрѣчается это упорство чувства, въ которомъ юношеское самолюбіе играетъ столь же вліятельную роль, какъ и сердце. Надежды добиться взаимности я и не думалъ терять. Мнѣ казалось только, что необходимо измѣнить путь къ достиженію намѣченной цѣли. Я рѣшился «наказать» Сесиль Рено притворнымъ равнодушіемъ.

Цѣлыя пять недѣль выдерживалъ я характеръ, стараясь развлекаться всѣми доступными мнѣ средствами, которыхъ, впрочемъ, было не особенно много. Самымъ вѣрнымъ изъ нихъ являлось, конечно, посѣщеніе засѣданій конвента и клубовъ, въ которыхъ все болѣе и болѣе сосредоточивалась не только политиче-

ская, но и общественная жизнь Парижа. Не видавшіе того, что̀ довелось мнѣ видѣть въ этотъ періодъ моей молодости, не могутъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія, до какихъ размѣровъ доходило это сосредоточеніе. Достаточно было провести часъ или два въ засѣданіи клуба якобинцевъ, для того, чтобы знать почти все происшедшее въ теченіе цѣлаго дня въ огромномъ городѣ. Зала, гдѣ происходили эти шумныя засѣданія, сдѣлалась понемногу главнымъ центромъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ новости, всѣ городскіе толки и отголоски всего, что̀ волновало умы цѣлаго парижскаго населенія. Надо было особую привычку, чтобы разобраться въ томъ хаосѣ, который представляли эти засѣданія съ ихъ безконечными рѣчами, безпрестанно прерываемыми то появленіемъ всевозможныхъ депутацій, то эксцентрическими выходками нѣкоторыхъ чудаковъ «патріотовъ», то безобразнымъ гамомъ трибунъ, наполненныхъ женщинами, являвшимися туда съ разными рукодѣліями и получившими вслѣдствіе этого кличку «вязальщицъ» (les tricoteuses). Въ скептическихъ кружкахъ элегантныхъ посѣтителей кофеенъ Пале-Эгалитѐ, равно какъ и въ степенныхъ гостиныхъ такихъ серьезныхъ республиканцевъ, какъ мой наставникъ Просперъ Ландэ и его

лучшій другъ Роммъ, къ шумнымъ засѣданіямъ клуба якобинцевъ относились не безъ насмѣшливости и даже не безъ нѣкотораго пренебреженія, но на мой молодой умъ они производили необыкновенно сильное впечатлѣніе. Было что-то таинственно-могущественное въ этомъ сборищѣ людей, которое, неизвѣстно какимъ образомъ, сдѣлалось настоящимъ рѣшителемъ судьбы цѣлой страны. Когда въ убого-убранной и плохо освѣщенной залѣ нашего клуба покорно являлись «къ отвѣту» оффиціальные законодатели Франціи, всякій изъ присутствующихъ членовъ испытывалъ невольное чувство гордости. Во мнѣ лично чувство это еще усиливалось моимъ не французскимъ происхожденіемъ. Въ клубѣ якобинцевъ я сознавалъ себя частью того «царственнаго народа», который властно распоряжался судьбами своего отечества, открыто заявляя притязаніе довести до такого же «верховенства» и другіе народы Европы. Послѣ баллотировки какого-нибудь важнаго вопроса, я уходилъ изъ клуба съ сознаніемъ, что день мой не пропалъ даромъ.

Пусть не смѣются надъ только-что сказаннымъ люди другой эпохи, которымъ доведется, можетъ быть, читать мои признанія. Имъ не понять того подъема духа, который испыты-

вали тысячи моихъ сверстниковъ, раздѣлявшихъ мой образъ мыслей или хотя бы тѣ неясныя стремленія, которыя охватили почти всю мыслящую молодежь послѣднихъ десяти лѣтъ XVIII-го вѣка. Внимательное изученіе исторіи Европы съ начала нынѣшняго столѣтія легко укажетъ, что такіе юные мечтатели, какимъ былъ я въ 1793 году, далеко не всѣ прожили безслѣдно для блага человѣчества...

Вечеромъ 13-го іюля я, по обыкновенію, собирался посѣтить засѣданіе якобинцевъ. Утро этого дня я провелъ въ такъ называемомъ латинскомъ кварталѣ, занимаясь въ публичной библіотекѣ Пантеона, получившей позднѣе названіе библіотеки С. Женевьевы. Возвращаться домой послѣ занятій мнѣ почему-то не захотѣлось. Около 5-ти часовъ, т. е. непривычно поздно по тогдашнему времени, я пообѣдалъ не спѣша въ одномъ изъ ресторановъ, расположенныхъ по сосѣдству съ Люксембургскимъ Садомъ, и потомъ отправился бродить по этому красивому саду, гдѣ встрѣтился съ моимъ молодымъ соотечественникомъ, графомъ А***. Мы долго гуляли по тѣнистымъ аллеямъ, любуясь переливами солнечнаго заката на верхушкахъ вѣковыхъ деревьевъ. Уже начинало темнѣть, когда мы вышли изъ сада и, простившись, разошлись въ разныя стороны.

Мой путь лежалъ по улицѣ des Cordeliers, носящей нынѣ названіе улицы de l'Ecole de Médecine. Было около восьми часовъ вечера, когда я вошелъ въ эту узкую и короткую улицу. Еще на перекресткѣ я замѣтилъ въ противуположномъ ея концѣ необыкновенное скопленіе народа. Изъ собравшейся толпы раздавались какіе-то смутные крики.

Я поспѣшно пошелъ въ сторону сборища и черезъ нѣсколько минутъ очутился передъ небольшимъ трехъ-этажнымъ домомъ, въ которомъ, повидимому, случилось что-то необыкновенное. На порогѣ входной двери стоялъ высокій человѣкъ въ синей курткѣ съ засученными рукавами и говорилъ охрипшимъ голосомъ:

— Она было хотѣла удрать, да я ее, подлянку, за самыя груди ухватилъ и такъ крѣпко стиснулъ, что она тутъ и сѣла! Тоже гадина барахтаться вздумала!

Я только-что хотѣлъ освѣдомиться, о чемъ разсказываетъ этотъ человѣкъ, какъ раздались голоса: «Дорогу! посторонитесь!» и меня перегналъ блѣдный какъ полотно, страшно взволнованный господинъ въ черномъ нарядѣ, опоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ и державшій въ правой рукѣ длинную трость, увитую трецвѣтными лентами. По этимъ двумъ

эмблемамъ я тотчасъ же узналъ полицейскаго комиссара. Совершенно инстинктивно, я двинулся вслѣдъ за нимъ и, подталкиваемый сзади толпою, очутился сначала на лѣстницѣ трехъэтажнаго дома, а потомъ въ довольно большой комнатѣ съ однимъ окномъ, выходящимъ на дворъ. Комиссаръ остановился и взволнованнымъ голосомъ спросилъ?

— Гдѣ убійца?

— Пожалуйте сюда, гражданинъ комиссаръ, — сказала высокая черноволосая женщина, указывая дверь налѣво. Красивое лицо этой женщины было искажено гнѣвомъ и сдерживаемымъ страданіемъ. Она кусала свои полныя, красивыя губы, очевидно стараясь удержать рыданія.

Комиссаръ двинулся налѣво и этимъ движеніемъ далъ мнѣ возможность увидѣть нѣчто ужасное, скрываемое отъ меня до тѣхъ поръ его широкою спиною...

Прямо противъ входной двери была другая, открытая настежь и за нею, при свѣтѣ двухъ простыхъ сальныхъ свѣчей, виднѣлась небольшая комната съ поломъ, залитымъ кровью и водою. Посреди этой комнаты стояла ванна, покрытая до половины своей длины окровавленною простынею. Изъ непокрытой части ванны высовывалось обнаженное, усѣян-

ное гнойными струпьями туловище человѣка, голова котораго была опрокинута назадъ. На правой сторонѣ груди подъ самою ключицею виднѣлась зіяющая рана, изъ которой еще продолжала сочиться черная кровь... Несмотря на весь ужасъ этого зрѣлища, я почти машинально подвинулся впередъ, чтобы разглядѣть лицо убитаго. Это безобразное, но характерное лицо было мнѣ хорошо знакомо и по клубу якобинцевъ, и по множеству портретовъ, продававшихся въ парижскихъ улицахъ. Въ ваннѣ лежало тѣло знаменитаго Марата!

Я ненавидѣлъ и презиралъ этого бѣсноватаго революціонера, величавшаго себя громкимъ именемъ «друга народа», но видъ его бездыханнаго трупа произвелъ на меня всетаки невыразимо-удручающее впечатлѣніе, не потому единственно, что это былъ трупъ человѣка, насильственно лишеннаго жизни, а главнымъ образомъ потому, что въ только-что происшедшемъ трагическомъ событіи, точно такъ же, какъ и въ недавней, всѣмъ еще памятной въ то время, насильственной смерти Мишеля Лепельтье, невольно мерещились каждому симптомы чего-то угрожающаго для порядка вещей, которому я былъ преданъ всѣми силами моей юношеской души.

Дверь налѣво, въ которую вошелъ комис-

саръ, осталась открытою. Протолкавшись черезъ толпу, наполнявшую переднюю и дававшую мнѣ безпрекословно дорогу, вѣроятно потому, что меня считали полицейскимъ агентомъ, сопровождающимъ комиссара, я очутился въ довольно изящно убранной гостиной, тоже наполненной народомъ. На позолоченномъ и обитомъ голубымъ шолкомъ диванѣ сидѣлъ полицейскій комиссаръ, опершись локтями на круглый столъ, покрытый вышитою шерстями по канвѣ скатертью. Передъ столомъ стояла связанная дѣвушка высокаго роста, съ растрепанными волосами, въ разорванномъ на груди платьѣ. Два вооруженныхъ простолюдина въ красныхъ фригійскихъ колпакахъ держали ее за судорожно вздрагивавшія плечи. Въ то время, какъ я входилъ, дѣвушка эта, отвѣчая на вопросъ коммиссара, произнесла:

— Меня зовутъ Марія-Анна-Шарлота де-Кордэ, въ прежнее время (ci-devant) д'Армонъ. Я — уроженка прихода Сенъ-Сатюрнэнъ де Линьери, эпархіи Сэсъ.

— Сколько вамъ лѣтъ отъ роду?—продолжалъ допрашивать комиссаръ.

— Двадцать-шесть лѣтъ безъ пятнадцати дней.

— Ваши занятія?

— Живу своими доходами.

— Мѣсто жительства?

— Городъ Канъ.

— Чтò побудило васъ совершить это ужасное убійство?

Молодая дѣвушка помолчала минуту и, двинувъ плечами, на которыхъ по прежнему продолжали лежать руки ея стражей, отвѣчала звучнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Я видѣла Францію, внезапно охваченною огнемъ междоусобной войны. Будучи убѣждена, что главный виновникъ этого ужаснаго бѣдствія—Маратъ, я рѣшилась пожертвовать собою, лишь бы спасти мою страну.

— Кто были ваши сообщники?

— У меня ихъ вовсе не было.

— Вы никому не сообщали о вашемъ намѣреніи?

— Рѣшительно никому.

Комиссаръ приказалъ обыскать убійцу и только въ эту минуту, замѣтивъ, что комната полна народомъ, пригласилъ всѣхъ, кромѣ свидѣтелей событія, удалиться. Я вышелъ вмѣстѣ съ другими. Въ передней на соломенномъ стулѣ сидѣла та черноволосая женщина, которая указала при нашемъ входѣ дорогу комиссару. Она была по прежнему мрачна и тупо глядѣла себѣ на ноги широко открытыми черными глазами. Кто-то возлѣ меня произнесъ:

— Это Симонна Эврарь, подруга Марата; не легко ей должно быть бѣдняжкѣ!

Важное значеніе мелкихъ подробностей историческаго событія почти никогда не сознается его, непредупрежденными заранѣе, свидѣтелями. Самая сущность совершившагося неожиданнаго факта до такой степени сильно потрясаетъ умъ и сердце, что очень многимъ не приходитъ даже въ голову воспользоваться своимъ положеніемъ очевидца того, о чемъ впослѣдствіи будетъ упоминаться на страницахъ исторіи. Такъ было и со мною въ достопамятный вечеръ 13 іюля 1793 года. Проходя вторично переднюю квартиры Марата, я почти пропустилъ безъ вниманія раздавшееся у моего уха имя Симонны Эврарь, и только позднѣе, когда Парижъ, фанатизированный трагическою гибелью «друга народа», заговорилъ о «вдовѣ Марата», вспомнилось мнѣ съ поразительною ясностью сурово-красивое лицо черноволосой женщины, сидѣвшей на соломенномъ стулѣ въ передней домъ № 30-й, улицы des Cordeliers...

Какъ-то машинально спустился я съ лѣстницы и вышелъ на улицу. У входной двери все еще ораторствовалъ высокій человѣкъ въ синей курткѣ, разсказывавшій толпѣ, вѣроятно, уже въ сотый разъ, какъ онъ «ухватилъ за самыя

за груди подлянку» и проч. Голосъ его охрипъ, внутреннее волненіе очевидно уже улеглось, но онъ считалъ нужнымъ притворяться по прежнему взволнованнымъ и неестественно всхлипывалъ, говоря:

— И вѣдь подъ самую ключицу угодила, потаскушка этакая! И двухъ минутъ горемычный не прожилъ... Только успѣлъ вскрикнуть, да и духъ вонъ!

Я нѣсколько разъ видѣлъ потомъ этого человѣка въ разныхъ клубахъ, куда его водили показывать, какъ очевидца смерти Марата и главнаго участника въ задержаніи Шарлоты Кордэ. Его звали гражданинъ Ба (Bas). У Марата онъ служилъ чернорабочимъ при типографіи газеты «L'Ami du Peuple» и при квартирѣ редактора этой газеты.

Публика, собравшаяся на тротуарѣ, была такъ занята разсказомъ гражданина Ба, что не обратила никакого вниманія на выходившаго изъ дома, и мнѣ удалось пробраться безпрепятственно сквозь толпу на противуположную сторону улицы, но въ ту минуту, когда я вступилъ на тротуаръ, чья-то рука схватила меня за плечо и женскій, хорошо знакомый мнѣ голосъ спросилъ какимъ-то страстнымъ восторженнымъ шопотомъ:

— Правда-ли, что это сдѣлала женщина?

Я обернулся и увидалъ стоящую передо мною блѣдную, задыхающуюся отъ волненія Сесиль Рено...

Неожиданность встрѣчи и условія, при которыхъ она произошла, не дали мнѣ въ первую минуту удивиться странности присутствія молодой дѣвушки въ такой, по тогдашнему, поздній часъ на улицѣ, довольно отдаленной отъ ея дома. На вопросъ, мнѣ сдѣланный, я отвѣчалъ простымъ наклоненіемъ головы, инстинктивно протягивая руку Сесили, съ цѣлью вывести ее изъ толпы, становившейся все гуще и гуще.

Молодая дѣвушка съ своей стороны нашла это совершенно натуральнымъ. Она взяла меня подъ руку и покорно пошла со мною. Сначала мы оба молчали, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Сесиль остановилась и спросила глухимъ голосомъ:

— Молодая?

— По ея словамъ, ей двадцать-пять лѣтъ,— отвѣчалъ я коротко.

— И хороша собой?

— Я не разсмотрѣлъ.

Спутница моя нетерпѣливо пожала плечами, но продолжала свой отрывистый допросъ.

— Спокойна? Страха не обнаруживаетъ? Чѣмъ объяснила она свой поступокъ?

— Желаніемъ спасти страну отъ междоусобной войны, но это вѣроятно ложь. Несчастная должна быть орудіемъ реакціонеровъ.

— Она героиня!—воскликнула вдругъ, сверкая глазами, Сесиль:—слышите ли? Героиня!

— Что же, однако, геройскаго въ нанесеніи удара беззащитному и больному человѣку?

— А казнь, которая ожидаетъ убійцу, а ужасъ заключенія?

Только теперь сообразилъ я странность нашей встрѣчи, и вмѣсто того, чтобы отвѣчать прямо Сесили, спросилъ ее наконецъ:

— Все это хорошо, гражданка, но скажите пожалуйста, какимъ образомъ очутились вы въ улицѣ des Cordeliers?

— Ахъ, Боже мой, можно ли разспрашивать о такомъ вздорѣ въ подобную минуту! Скажите лучше, какъ ее зовутъ?—нетерпѣливо перебила она.

— Я не разслышалъ хорошенько, что-то въ родѣ Кордье или Кордэ. Но вы не отвѣтили на мой вопросъ?

— Я была у одной пріятельницы, она живетъ какъ разъ противъ дома, гдѣ жилъ этотъ извергъ. На улицѣ стали шумѣть и собираться, я и спустилась внизъ... Но довольно объ этомъ; разсказывайте о ней.

— Да мнѣ нечего болѣе разсказывать. Въ

комнатѣ, гдѣ шелъ допросъ убійцы, я провелъ всего нѣсколько минутъ.

Сесиль Рено замолчала и опустила голову.

Я успѣлъ уже нѣсколько опомниться отъ только-что испытанныхъ сильныхъ впечатлѣній, временно заглушившихъ мои личныя чувства. Неожиданная встрѣча съ тою, о которой я не переставалъ мечтать съ тѣхъ поръ, какъ она почти выгнала меня отъ себя, начинала меня радовать, и я уже удивлялся, почему въ первую минуту видъ любимой мною дѣвушки оставилъ меня почти равнодушнымъ. Болѣзненно-сильное воспоминаніе о кровавой драмѣ улицы des Cordeliers быстро отодвигалось на задній планъ, смѣняясь радостнымъ чувствомъ близости Сесили и возможности говорить съ нею безъ постороннихъ свидѣтелей. Пройдя нѣсколько минутъ молча, я наклонился къ моей спутницѣ и спросилъ ее:

— Вы все еще сердитесь на меня, гражданка Сесиль?

Она подняла голову и разсѣянно взглянула мнѣ въ лицо, говоря:

— За что?

— Мы, кажется, разстались далеко недружелюбно въ послѣдній разъ, когда я имѣлъ честь быть у вашего батюшки.

— Ахъ, это вы о тогдашнемъ,—слабо улыб-

нулась она.—Я давно уже забыла объ этихъ пустякахъ, гражданинъ Стародубскій. Это было такъ давно!

— Для меня, конечно, показалось цѣлымъ вѣкомъ время, прошедшее съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ, но все-таки пять недѣль врядъ ли такой промежутокъ, чтобы про него можно было сказать: «это было такъ давно!»—замѣтилъ я съ невольною досадою въ голосѣ.

— Пять недѣль! Онѣ показались мнѣ чуть ли не пятью годами! Я столько пережила, столько перестрадала за это короткое по вашему время!

— Вы страдали! Развѣ съ тѣхъ поръ, какъ я не имѣлъ счастія васъ видѣть, васъ постигло какое-нибудь семейное горе?

Сесиль грустно покачала головой.

— Нѣтъ, въ семьѣ у насъ пока все благополучно. Горе, мною испытанное—мое личное, никого не касающееся горе,—сказала она, потупивъ голову.

Я невольно вспомнилъ слова Люцинды Сентъ-Амарантъ и почти противъ воли, едва слышно спросилъ, пристально глядя на молодую дѣвушку:

— Барбару?

Она выпрямилась, нахмурила брови и, вы-

свободивъ свою руку изъ-подъ моей, сухо отвѣчала:

— Это до васъ не касается.

Мы опять прошли молча нѣсколько шаговъ. Сесиль первая прервала это новое, страшно тяжелое для меня молчаніе.

— Послушайте, гражданинъ Стародубскій,— заговорила она отрывисто и какъ бы дѣлая усиліе надъ собой.— Если вы хотите, чтобы мы остались друзьями, никогда не дѣлайте мнѣ болѣе подобныхъ вопросовъ, не то мы поссоримся съ вами окончательно, какъ поссорилась я съ Люциндой. До того, что̀ причинило мнѣ столько горя—вамъ не должно быть никакого дѣла...

— Позвольте, гражданка Сесиль, перебилъ я ее.—Я былъ настолько откровененъ съ вами, что меня очень удивляетъ только-что вами сказанное...

— Вы хотите дать мнѣ понять, что имѣете право испытывать ревность?—нервно засмѣялась она.—Излишній трудъ! Ревность не у мѣста, когда дѣло идетъ о чувствѣ, не только не раздѣляемомъ, но даже неизвѣстномъ тому, кто его внушилъ. Человѣка, имя котораго вы произнесли, я знала только по виду и ни разу даже не имѣла случая говорить съ нимъ. Онъ вовсе и не догадывался, что гдѣ-то, въ узкой

и мрачной улицѣ de la Lanterne существуетъ ничтожная мѣщаночка, думающая день и ночь о блестящемъ законодателѣ, кумирѣ нашихъ модницъ, героѣ безчисленныхъ любовныхъ похожденій! Я сама не придавала моему чувству того смысла, который оно получило съ тѣхъ поръ, какъ надъ тѣмъ, о комъ мы говоримъ, повисла грозная туча опасностей, накликанная клеветами Марата и вашего любезнаго Робеспьера. Теперь мнѣ страшно тяжело, но время лучшій докторъ. Оно излечитъ, надѣюсь, и меня.

— А если его цѣлительная рука окажется безсильною?— спросилъ я съ невольнымъ замираніемъ сердца.

— Тогда... но что объ этомъ говорить заранѣе! Разскажите мнѣ лучше подробнѣе все, что̀ вы видѣли въ квартирѣ Марата.

Становилось очевиднымъ, что придать разговору желаемый мною оборотъ было въ эту минуту невозможнымъ. Я уныло повиновался и сталъ передавать всѣ подробности, удержавшіяся въ моей памяти. Сесиль слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, и когда я упомянулъ, что платье на дѣвушкѣ, убившей Марата, было изорвано и на лицѣ ея замѣтны были слѣды нанесенныхъ ударовъ, спутница моя воскликнула съ негодованіемъ:

— Негодяи! Вотъ какъ они обращаются съ слабыми женщинами!

Я не возразилъ ничего, отчасти потому, что боялся раздражить еще болѣе Сесиль, отчасти же и потому, что описывая положеніе, въ которомъ я видѣлъ убійцу, я самъ начиналъ невольно испытывать жалость къ этой избитой и грубо оскорбленной гражданиномъ Ба молодой женщинѣ.

Между тѣмъ, мы достигли уже улицы de la Lanterne. У дверей бумажнаго магазина Камилля Рено, Сесиль подала мнѣ руку и сказала:

— А теперь—разстанемтесь. Я не приглашаю васъ сегодня зайти къ намъ, потому что не хочу, чтобы знали, гдѣ мы съ вами встрѣтились. Матушка моя не одобряетъ моихъ посѣщеній къ пріятельницѣ, у которой я была. Заходите на дняхъ, но не говорите ничего о нашей сегодняшней встрѣчѣ...

VI.

Я вышелъ изъ улицы de la Lanterne въ самомъ смутномъ настроеніи духа. Сесиль Рено, съ которой я только-что разстался, такъ мало походила на живую и веселую дѣвушку, беззаботно кокетничавшую со мной въ маленькой гостиной Камилля Рено! Передо мной вставала какая-то сложная загадка, но я былъ слишкомъ юнъ и слишкомъ по-юношески влюбленъ, чтобы долго затрудняться ея таинственнымъ смысломъ, да кромѣ того чувствовалъ страшное нравственное утомленіе отъ всего пережитаго мною за вечеръ. Мнѣ вдругъ захотѣлось спать и я поспѣшно пошелъ домой, стараясь не думать ни о разговорѣ съ Сесиль, ни о страшномъ зрѣлищѣ, видѣнномъ мною въ квартирѣ Марата.

Когда я вернулся, наставника моего не было ма и я прямо прошелъ въ свои комнаты. ετверть часа спустя я уже спалъ какъ убитый.

На другое утро я проснулся очень поздно, чувствуя себя сильно утомленнымъ. День былъ пасмурный, но удушливо-жаркій. Когда я открылъ окно, съ улицы донесся до меня смутный говоръ. Всѣ куда-то спѣшили. У проходящихъ были, то смущенныя, то исполненныя гнѣвомъ лица. Имя Марата повторялось безпрестанно въ толпѣ, валившей въ сторону набережной Сены.

Я одѣлся на скорую руку и отправился въ кабинетъ къ Просперу Ландэ.

Наставникъ мой ходилъ большими шагами по комнатѣ и, увидавъ меня, спросилъ какимъ-то измѣнившимся голосомъ:

— Слыхалъ ты, Эженъ, что случилось вчера вечеромъ?

— Лучше чѣмъ слыхалъ, я случайно былъ самъ въ квартирѣ Марата черезъ нѣсколько минутъ послѣ его ужасной смерти. — И не дожидаясь дальнѣйшихъ распросовъ, я началъ мой разсказъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ наканунѣ.

Просперъ Ландэ слушалъ меня молча и насупившись. Когда разсказъ былъ конченъ, онъ произнесъ, уныло опустивъ голову.

— Какое страшное, непоправимое несчастіе!

— Совершенное злодѣяніе, конечно, ужасно, — робко замѣтилъ я, — но почему вы счи-

таете его непоправимымъ несчастіемъ, мнѣ, признаюсь, не совсѣмъ понятно. Вы сами столько разъ говорили о страшномъ вредѣ, который приноситъ Маратъ республикѣ своими преувеличеніями и своимъ постояннымъ поддразниваньемъ дурныхъ страстей черни. Ножъ убійцы положилъ теперь конецъ всему...

— Ошибаешься, мой милый Эженъ,—сказалъ Ландэ, качая головою.—Убитый Маратъ опаснѣе живого. Теперь-то именно и начнется настоящій разгаръ тѣхъ дурныхъ страстей, о которыхъ ты сейчасъ упомянулъ. Всѣ негодяи и проходимцы сдѣлаются маратистами изъ боязни быть заподозрѣнными въ сочувствіи его убійцѣ. Бѣдной Франціи придется пережить долгіе дни настоящихъ ӧргій людоѣдовъ. Мы, люди порядка и разумной свободы, будемъ безсильны удержать бѣшеный потокъ народной ярости.

Увы! мой почтенный наставникъ былъ правъ! То, что̀ довелось мнѣ видѣть во второй половинѣ іюля 1793 года, кажется мнѣ теперь какимъ-то горячечнымъ бредомъ. Обоготвореніе памяти Марата, его торжественныя похороны, скорѣе похожія на театральный спектакль, чѣмъ на возданіе послѣдняго долга покойному, его своеобразная могила въ саду клуба кордельеровъ, сдѣлавшаяся цѣлью настоящаго

паломничества, уличная торговля шелковыми платками съ изображенiемъ «друга народа» и серебряными кольцами съ тѣмъ же изображенiемъ, все, однимъ словомъ, разжигало страсти. Парижъ раздѣлился на маратистовъ и антимаратистовъ, въ разнохарактерной группѣ которыхъ республиканцы умѣреннаго оттѣнка смѣшались съ замаскированными монархистами. Процессъ Шарлоты Кордэ съ его трагическою рязвязкою вызвалъ такое потрясенiе умовъ, о которомъ врядъ ли могутъ составить себѣ понятiе люди, не дышавшiе заразительною нравственною атмосферою, создаваемою удавшимся политическимъ злодѣянiемъ. Людей равнодушныхъ къ только-что совершившемуся событiю, послѣ казни Шарлоты Кордэ, въ Парижѣ, кажется, вовсе не оставалось. Городъ разбился на два лагеря. Въ одномъ шла открыто горячая проповѣдь жестокаго мщенiя, способнаго навести «цѣлительный» страхъ на предполагаемыхъ соумышленниковъ казненной, въ другомъ быстро распространился тайный культъ политическихъ убiйствъ, совершаемыхъ съ цѣлью «спасти страну отъ ужасовъ, которые совершаются единомышленниками Марата». Непричастными къ этому увлеченiю оставались только нѣкоторые изъ руководящихъ членовъ конвента и въ ихъ чи-

слѣ мой наставникъ, Просперъ Ландэ, но и эта группа понимала невозможность держаться въ сторонѣ отъ происходящаго. Въ клубѣ якобинцевъ, въ теченіе трехъ дней, предшествовавшихъ похоронамъ Марата, Робеспьеру приходилось вмѣшиваться нѣсколько разъ въ пренія о посмертныхъ почестяхъ убитому. Я присутствовалъ на засѣданіи, происходившемъ на другой день послѣ кроваваго подвига Шарлотты Кордэ, и хорошо помню, что на меня весьма тяжелое и смутное впечатлѣніе произвело то замѣчательное искусство, съ которымъ Робеспьеръ старался отрезвить собраніе, увлекшееся громкими фразами маратистовъ, требовавшихъ настоящаго апоѳеоза для своего убитаго вождя. Знаменитый ораторъ показалъ себя въ этомъ случаѣ настоящимъ дипломатомъ. Приготовляясь противиться мѣрамъ, которыя уже одобрилъ клубъ, но которыхъ, какъ онъ хорошо зналъ, не сочтетъ возможнымъ принять конвентъ, Робеспьеръ началъ съ заявленія, что если онъ рѣшается возставать противъ чрезмѣрныхъ почестей вѣрному слугѣ республики, павшему отъ руки ея враговъ, то смѣлость эту придаетъ ему убѣжденіе, что и ему самому грозитъ та же участь, которой только случайно подвергся прежде его Маратъ. Это вступленіе дало Робеспьеру

благовидный предлогъ говорить и противъ принятія государствомъ обязанности уплатить долги, оставленные Маратомъ, и противъ предложенія похоронить убитаго въ Пантеонѣ.

Прослушавъ эту рѣчь, я вышелъ изъ клуба сильно разочарованный. Мнѣ казалось, что Робеспьеръ говорилъ подъ вліяніемъ зависти и досады на то, что ужасная смерть Марата выдвинула убитаго на первый планъ. Только гораздо позднѣе, перечитывая рѣчь Робеспьера въ «Journal des débats des Jacobins», сообразилъ я политическую умѣстность этой мастерской импровизаціи, создавшей столько враговъ ея автору. Только гораздо позднѣе сдѣлался также понятенъ мнѣ вполнѣ разговоръ, происходившій при мнѣ 16 іюля вечеромъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ театральной церемоніи похоронъ Марата.

Просперъ Ландэ чувствовалъ себя въ этотъ день не совсѣмъ здоровымъ и не пошелъ на церемонію, въ которой долженъ былъ участвовать конвентъ. По его настоянію и я остался дома, потому, что Ландэ опасался возможности уличныхъ безпорядковъ и даже рѣзни, къ которой готовились по слухамъ и «реакціонеры» и наиболѣе озлобленные изъ маратистовъ. Около восьми часовъ вечера въ кабинетъ моего наставника, гдѣ мы сидѣли съ нимъ вдво-

емъ, съ шумомъ вошелъ Максимиліанъ Робеспьеръ, въ парадномъ нарядѣ члена конвента и съ чернымъ крепомъ на шляпѣ. Онъ досадливо швырнулъ эту шляпу на столъ и порывисто бросился въ большое кресло, стоявшее у заколоченнаго на лѣто камина.

— Ну что!—спросилъ Просперъ Ландэ,—много глупостей понадѣлано?

— Безъ счету!—отвѣчалъ хриплымъ голосомъ Робеспьеръ, утирая сильно надушеннымъ батистовымъ платкомъ свои тонкія, сильно пересохшія губы.—Эти болваны устроили настоящее тріумфальное шествіе. Нашъ милѣйшій Давидъ далъ полную волю своей артистической фантазіи. Гробъ несли на высочайшемъ катафалкѣ двѣнадцать носильщиковъ. Вокругъ цѣлая толпа молокососовъ и дѣвчонокъ въ бѣломъ одѣяніи съ вѣтвями кипариса въ рукахъ. За гробомъ—конвентъ почти въ полномъ составѣ, депутаціи отъ всѣхъ республиканскихъ клубовъ, массы народу..

— Да гдѣ же весь этотъ кортежъ могъ развернуться? спросилъ Ландэ.—Вѣдь отъ храма, гдѣ стояло тѣло Марата, до сада клуба кордельеровъ не будетъ и ста шаговъ?

— А Давидъ-то на что? Онъ придумалъ совершенно особый маршрутъ, давшій возможность развернуться безконечному шествію.

Изъ улицы des Cordeliers процессія вышла на улицу de Thionville, перешла Сену по Новому мосту, свернула на набережную de la Ferraille, вторично перешла рѣку черезъ Pont-au-Change, двинулась къ зданію французскаго театра (нынѣшній Одеонъ) и оттуда уже пошла въ садъ клуба кордельеровъ, гдѣ приготовлена была могила. Точно католическія мощи таскали по всему этому пространству! И хоть бы шли въ порядкѣ, а то право даже стыдно было смотрѣть на эту безобразную ораву, кажется, вовсе забывшую, что она участвуетъ въ погребальной церемоніи. А Давидъ-то радуется! «Такъ и слѣдуетъ», говоритъ, «это народныя похороны друга народа»! Противно даже вспомнить!

— Да кто тебя просилъ идти? сказался бы больнымъ, какъ я.

— Нельзя! и безъ того уже мои благожелатели обвиняютъ меня въ зависти къ покойнику. Дюплэ и его дочери тоже уговаривали меня не ходить, но я не послушался и не раскаяваюсь въ этомъ, несмотря на всю досаду, которую возбудило во мнѣ видѣнное.

— Волноваться, однако, чрезъ мѣру не изъ-за чего. Сегодняшняя дурь скоро выскочитъ изъ головы парижанъ. Ты знаешь пословицу:

«долой съ глазъ, вонъ изъ сердца»,—флегматически замѣтилъ Ландэ.

— Въ томъ-то и бѣда, что разные Бентаболи, Шàли и Дюфурни позаботились, чтобы твоя пословица оказалась на этотъ разъ вздоромъ. При содѣйствіи Давида они тамъ въ саду кордельеровъ настоящую часовню устроили! Склепъ изъ нагроможденныхъ скалъ, пирамида съ надписью «Маратъ», неугасимая лампада, освѣщающая окровавленную рубашку и полное собраніе сочиненій покойнаго,—на эту декорацію въ теченіе всего лѣта будетъ ходить смотрѣть населеніе сосѣднихъ кварталовъ. Станутъ каждый вечеръ разные прощалыги нести всякій кровожадный вздоръ на тэму «отомстимъ за друга народа!» Не угодно ли управлять страною при такихъ условіяхъ!

— Трудно-то это, конечно, трудно, но по моему все-таки возможно,—медленно проговорилъ мой наставникъ.—Здравый смыслъ народа...

— Полно, пожалуйста, Ландэ! — перебилъ Робеспьеръ. — Много ли насъ, сохранившихъ здравый смыслъ? Каждый день какая-то таинственная рука разрушаетъ все, чтò удается намъ создать неусыпными трудами въ конвентѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отдаляется время, когда возможно будетъ намъ

вернуться къ господству строгой законности. Вчера—бѣгство жирондистовъ, сегодня — это безсмысленное злодѣйство фанатизированной женщины. Извольте бороться при такихъ условіяхъ со всѣми этими проходимцами революціи, которые, подобно Тальяну, Фушэ и Каррье, безчестятъ своими безсмысленными преувеличеніями дѣло, которому они служатъ! Ухитритесь доказать народу, кричащему: «отомстимъ за Марата», что его злѣйшіе враги — Эберъ, Шометтъ, Клоотсъ и другіе юродивые, столь сильно смахивающіе на подкупленныхъ агентовъ контръ-революціи! Нѣтъ! Дѣло, за которое мы взялись — настоящая скала Сизифа! Право, ужь лучше поскорѣй кончить, какъ Маратъ. Хоть послѣ смерти пожалѣютъ о тебѣ и воздадутъ должное твоей памяти...

— Кстати, Максимиліанъ, — сказалъ Проспeръ Ландэ, указывая на меня головою,— вотъ этотъ юноша разсказывалъ мнѣ вчера, что ты третьяго дня пророчилъ себѣ такую участь въ клубѣ якобинцевъ. Ты въ самомъ дѣлѣ ожидаешь чего-нибудь подобнаго?

— Еще бы, мало развѣ у меня враговъ!

— Но вѣдь ты не Маратъ, въ кровожадности тебя никто не заподозривалъ.

— Дай время! Найдутся ловкіе люди, которые съумѣютъ свалить на мою отвѣтствен-

ность всѣ гнусности и ужасы, совершаемые друзьями Тальяна и Фушэ. Шарлотта Кордэ не останется безъ подражательницъ!

Робеспьеръ порывисто всталъ съ кресла и зашагалъ по комнатѣ, задумчиво склонивъ голову. Послѣ нѣсколькихъ минутъ такой прогулки, онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ, положилъ мнѣ руку на плечо и, пристально взглянувъ мнѣ въ лицо своими близорукими глазами, сказалъ:

— Что дѣлаете вы у насъ, молодой человѣкъ? Зачѣмъ не возвращаетесь въ свое отечество?

— Жду развязки великихъ событій, — отвѣчалъ я съ раздраженіемъ въ голосѣ, потому что моему молодому энтузіазму крайне не симпатичнымъ казался пессимизмъ Робеспьера.

— Какъ бы вамъ не обмануться въ вашихъ радужныхъ ожиданіяхъ,—сардонически замѣтилъ онъ.

Проспeръ Ландэ сидѣлъ задумавшись. При послѣднихъ словахъ своего знаменитаго друга, онъ поднялъ голову и сказалъ мнѣ:

— А въ самомъ дѣлѣ, Эженъ, не лучше ли вернуться тебѣ въ Россію?

— Вы знаете, мой почтенный менторъ, что я рѣшился безповоротно сдѣлаться гражданиномъ единой и нераздѣльной республики,—

былъ мой почтительный, но твердый отвѣтъ.

Робеспьеръ улыбнулся не безъ презрительности и сказалъ, досадливо пожимая плечами:

— Еще одна изъ язвъ нашей бѣдной республики. Со всѣхъ концовъ свѣта являются у нея неугомонные поклонники и своими восторгами только раздражаютъ противъ насъ монархическую Европу.

Я вспыхнулъ отъ такого незаслуженнаго оскорбленія, но удержался отъ слишкомъ рѣзкаго отвѣта и сказалъ только:

— Мнѣ странно слышать такія рѣчи въ устахъ автора «деклараціи правъ человѣка».

Робеспьеръ беззвучно засмѣялся, присѣлъ на письменный столъ, стоявшій по срединѣ кабинета, и сложивъ руки на груди, сказалъ тѣмъ, нѣсколько гнусоватымъ голосомъ, которымъ онъ отвѣчалъ въ конвентѣ ораторамъ, не заслуживавшимъ, по его мнѣнію, чести серьезнаго опроверженія.

— Не дурно, юноша! Но совѣтую не забывать, что подъ словомъ «человѣкъ» я подразумѣвалъ только «француза», и что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, будутъ ли свободными гражданами или рабами люди другихъ національностей. Проповѣдывать космополитизмъ въ революціи, я предоставляю го-

сподину барону де-Клоотсу, прусскому дворянину и оратору рода человѣческаго. Никогда не теряйте этого изъ виду!

— Постараюсь исполнить вашъ совѣтъ, господинъ де-Робеспьеръ, — отвѣчалъ я, уже совсѣмъ забывъ всякую осторожность.

Робеспьеръ, однакоже, вовсе не оскорбился моей выходкой. Щуря болѣе обыкновеннаго свои близорукіе глаза, онъ беззвучно засмѣялся и, остановившись передо мною, сказалъ:

— Вы сильно ошибаетесь, молодой человѣкъ, думая уколоть меня словомъ «господинъ» и частичкою «де». Я вовсе не изъ тѣхъ, которые полагаютъ, что повторять сто разъ въ обыкновенномъ разговорѣ великое слово «гражданинъ» и урѣзывать, а иногда и совершенно искажать свое родовое имя, значитъ доказывать искренность своихъ республиканскихъ убѣжденій. Придавать такое значеніе подобнымъ пустякамъ я предоставляю жирондистамъ, этимъ великимъ охотникамъ до театральныхъ эффектовъ въ политикѣ...

VII.

Прошло нѣсколько дней послѣ похоронъ Марата, а я все еще не рѣшался посѣтить семейство Камилля Рено, несмотря на усилившееся до болѣзненности желаніе повидать Сесиль. На этотъ разъ меня удерживала уже не боязнь холоднаго пріема со стороны предмета моего обожанія. Несмотря на мою молодость и неопытность въ любовныхъ дѣлахъ, я все-таки догадывался, что наша встрѣча передъ домомъ Марата и своеобразный разговоръ, послѣдовавшій за этою встрѣчею, должны были невольно сблизить меня съ дочерью бумажнаго торговца тою роковою близостью, которая устанавливается всегда между людьми, посвященными въ одну и ту же тайну. Сесиль просила меня не говорить ни слова ея роднымъ о томъ, что я встрѣтилъ ее въ улицѣ des Cordeliers вечеромъ 13 іюля, и этого было достаточно для того, чтобы видя меня свято исполняющимъ свое обѣщаніе, она невольно стала бы обра-

щаться со мною какъ съ болѣе или менѣе близкимъ ей человѣкомъ. Именно поэтому-то я и медлилъ явиться, точно за должной мнѣ наградой. У очень молодыхъ, искренно влюбленныхъ людей, часто встрѣчаются подобныя проявленія утонченной деликатности.

Въ концѣ концовъ мнѣ удалось наконецъ убѣдить себя, что я преувеличиваю мою боязнь показаться навязчивымъ и, собравшись съ духомъ, я отправился въ улицу de la Lanterne ровно на десятый день послѣ казни Шарлоты Кордэ, на которой я не присутствовалъ, но толки о которой продолжали волновать весь Парижъ.

Въ бумажномъ магазинѣ я засталъ Камилля Рено, угрюмо завертывавшаго покупки двухъ посѣтителей, стоявшихъ у выручки. Увидавъ меня, онъ привѣтливо, но грустно кивнулъ мнѣ головою, говоря:

— Пройдите на верхъ, гражданинъ, жена и дочь будутъ вамъ очень рады. Онѣ часто вспоминали о васъ за это время. Моя бѣдная Сесиль немного больна, но не въ постели и вамъ можно будетъ ее увидать.

Я быстро, шагая черезъ ступеньки, поднялся по крутой винтообразной лѣстницѣ, соединявшей магазинъ съ маленькой гостиной.

— Наконецъ-то, раздался привѣтливый го-

лось старушки Рено, едва голова моя появилась въ отверстій пола, къ которому вела изъ магазина винтовая лѣстница.—А мы ужъ думали съ дочерью, что вы совсѣмъ насъ позабыли, гражданинъ Эженъ.

Сесиль, сидѣвшая у окна въ большомъ креслѣ, слабо улыбнулась и не вставая протянула мнѣ руку, говоря:

— Простите бѣдной выздоравливающей, что она такъ плохо исполняетъ обязанности гостепріимства.

Молодая дѣвушка была очень блѣдна и ея большіе черные глаза казались еще болѣе отъ осунувшихся щекъ.

— Отчего вы въ самомъ дѣлѣ такъ давно у насъ не были? спросила она, пристально глядя на меня.

— Ужъ такое нынѣ время, гражданка Сесиль,—отвѣчалъ я.—Событія слѣдуютъ такъ быстро одно за другимъ, что просто не успѣваешь жить своею собственною жизнью и повиноваться своимъ личнымъ желаніямъ.

Старуха Рено, стоявшая въ это время за кресломъ дочери, вдругъ стала дѣлать мнѣ какіе-то загадочные знаки.

Увидѣвъ мое изумленное лицо, Сесиль повернула голову и, замѣтивъ пантомину матери, какъ-то искусственно засмѣялась.

— Мамаша хочетъ васъ предупредить, что докторъ запретилъ заводить со мною разговоръ объ этихъ событіяхъ, — сказала она.—Я вѣдь была, говорятъ, опасно больна эти дни, бредила разными ужасами. Исполняя предписаніе моего эскулапа, приглашаю васъ вести со мной самый обыкновенный, заурядный разговоръ... Только о чемъ же мы будемъ въ такомъ случаѣ бесѣдовать? О модахъ что ли? Вы часто бываете, кажется, въ саду Пале-Эгалите... Не видать ли тамъ какихъ-нибудь новыхъ женскихъ нарядовъ?

Стараясь поддѣлаться подъ искусственно-легкомысленный тонъ, которымъ молодая дѣвушка сдѣлала этотъ послѣдній вопросъ, я отвѣчалъ, садясь на сосѣдній съ ея кресломъ стулъ:

— Самая послѣдняя новость по этой части— чепчики и пелеринки à la Charlotte Corday.

Старуха Рено досадливо шевельнулась на своемъ стулѣ и спички ея вязанья заходили съ необыкновенной быстротой въ короткихъ пальцахъ ея полныхъ рукъ, покрытыхъ мелкими веснушками.

Сесиль сверкнула глазами и судорожно ухватилась за ручку своего кресла.

— Скоро же насталъ часъ возмездія!—сказала она глухимъ голосомъ.—Всего нѣсколько

дней назадъ я видѣла, какъ остервенѣвшая толпа грубо оскорбляла героическую женщину, давшую свое имя этой новой модѣ!

— Вы видѣли? Неужели...

— Въ томъ-то именно и бѣда,—ворчливо и со слезами въ голосѣ перебила меня старушка Рено.—Не углядѣла я, а эта сумасшедшая и ускользнула на площадь Революціи. Въ ту же ночь и слегла бѣдняжка, да вотъ съ тѣхъ поръ и мается.

Лицо молодой дѣвушки опять приняло равнодушно-спокойное выраженіе. Она протянула матери руку черезъ спинку кресла и сказала ласковымъ, но какимъ-то однотоннымъ голосомъ:

— Увѣряю васъ, моя дорогая, что теперь уже все прошло. Вы и папа—правы. Лучше вовсе не думать о томъ, чтò совершается вокругъ насъ, а то еще пожалуй сойдешь съ ума. Давайте же болтать о пустякахъ, гражданинъ Стародубскій.

Не легко оказывалось однакоже исполнить такое приглашеніе. Въ тогдашней парижской жизни не было и слѣда поразительной раздробленности интересовъ, которая позволяетъ современнымъ французамъ жить совершенно въ сторонѣ отъ политическихъ событій самаго потрясающаго характсра и апплодировать за-

дорному куплету любимой водевильной актрисы въ то самое время, когда въ сосѣдней улицѣ воздвигаются баррикады и свистятъ пули междуусобной войны. Общественная жизнь Парижа въ 1793 и 1794 году вся сосредоточивалась на политическихъ интересахъ. Театры, общественныя собранія, публичные балы и даже моды имѣли непремѣнно то или другое соотношеніе съ происходившимъ въ конвентѣ, въ клубахъ и на роковой площади Революціи, Литература вторила всеобщему настроенію. Въ самыхъ скромныхъ уголкахъ громаднаго города сказывалась невольно, почти машинально, тревога за будущее. Чуть не ежедневно повторявшіяся засѣданія знаменитыхъ «секцій», на которыя парижская община раздробила весь городъ, охватывали мелкими петлями своей частой сѣти все населеніе, заставляя его волей-неволей участвовать въ политической жизни страны.

Разговоръ тянулся вяло и принужденно до тѣхъ поръ, пока старушка Рено не спустилась внизъ къ мужу, тяжело ступая по узкимъ ступенькамъ винтообразной лѣстницы.

Какъ только мы остались вдвоемъ, Сесиль протянула мнѣ руку и глядя мнѣ прямо въ глаза добрымъ, ласковымъ взглядомъ, сказала:

— Спасибо вамъ за скромность; матушка

вдвое бы болѣе безпокоилась, еслибъ знала, что я была не только на площади Свободы, но и въ улицѣ des Cordeliers. Вы добрый, хорошій человѣкъ, гражданинъ Эженъ, и я искренно раскаяваюсь въ томъ, что обошлась съ вами тогда такъ рѣзко. Не сердитесь на меня, прошу васъ! Я давно уже больна нравственно и только въ самое послѣднее время чувствую желаніе излечиться отъ этой болѣзни. Мнѣ становится страшно самой-себя, тѣхъ мыслей, которыя толпятся въ моей бѣдной головѣ, тѣхъ смутныхъ стремленій, которыя волнуютъ мое измученное сердце. Простите меня и, если ваши чувства не измѣнились—помогите мнѣ выздоровѣть!

Послѣ всего происшедшаго между нами, эти слова молодой дѣвушки пріобрѣтали совершенно особое, радостное для меня значеніе. Я поцѣловалъ протянутую мнѣ блѣдную, исхудалую руку и сказалъ только:

— Я все тотъ же, Сесиль.

Мы не проговорились болѣе ни однимъ словомъ о главномъ смыслѣ этой короткой бесѣды, но я инстинктивно почувствовалъ, что между нами установилась та особенная близость, которая слѣдуетъ почти всегда у молодыхъ людей за первымъ взаимнымъ признаніемъ въ любви. Черезъ нѣсколько минутъ

гражданка Рено и ея почтенный супругъ поднялись изъ магазина, погремѣвъ тамъ предварительно запорами ставень и дверей, и Сесиль тотчасъ же оживленно заговорила со мною о томъ, что продолжающіеся жары дѣлаютъ Парижъ положительно неудобообитаемымъ и что ей очень бы хотѣлось провести остатокъ лѣта гдѣ-нибудь за городомъ.

— Очень бы это было хорошо, спору нѣтъ,— сказала печально старушка Рено,—но ты знаешь, моя бѣдная кошечка, что у насъ нѣтъ ни средствъ, ни досуга ѣхать на дачу.

— Я могла бы провести нѣсколько недѣль въ Немурѣ у тетушки, мама,—возразила Сесиль. — Ея маленькій домикъ стоитъ на самомъ концѣ города и выходитъ садомъ прямо въ поля. Тётя Тереза конечно согласится взять меня къ себѣ на время. Я бы ей помогла по хозяйству и въ огородѣ.

— Но, дурочка, вѣдь Немуръ далеко! Тебѣ бы пришлось совершить цѣлое путешествіе. Съ кѣмъ я туда тебя отправлю?

— Это еще можно было бы уладить,—сказалъ, задумчиво постукивая пальцами по столу, Камилль Рено,—ты бы отвезла ее въ Немуръ и вернулась сюда, устроивши дѣвочку у сестры Терезы. На такую поѣздку тебѣ понадобилось бы всего пять-шесть дней, а я бы

и безъ тебя справился съ магазиномъ. Бѣда не въ отдаленности Немура, а въ томъ, что у меня въ настоящую минуту нѣтъ свободныхъ денегъ на поѣздку. Мои маленькія сбереженія я употребилъ на покупку по сходной цѣнѣ большой партіи статуэтокъ Мишеля Лепельтье и Марата, въ надеждѣ выгодно распродать ихъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, но моя надежда что-то плохо сбывается до сихъ поръ. Маратами я еще торгую кое-какъ, а Мишелямъ Лепельтье, кажется, суждено остаться нераспроданными въ нашей кладовой.

— Нужно очень было покупать этихъ уродовъ,—проворчала себѣ подъ носъ старушка.

Бумажный торговецъ испуганно оглянулся и проговорилъ съ нѣсколько комическимъ испугомъ:

— Какъ ты неосторожна, моя дорогая. Развѣ можно такъ отзываться объ изображеніяхъ мучениковъ свободы!

Сесиль засмѣялась и перебила отца словами:

— Не ссорьтесь изъ-за меня, нельзя—такъ нельзя. Вотъ немного поправлюсь, стану уходить на цѣлые дни въ Люксамбургскій садъ.

Я не вмѣшался ни однимъ словомъ въ этотъ разговоръ, но рѣшилъ на другой же день, что Сесиль поѣдетъ въ Немуръ. Вечеромъ въ про-

токолахъ клуба якобинцевъ, подъ рубрикой «патріотическіе дары» появились слѣдующія строки:

«Гражданинъ С* (желаетъ остаться неизвѣстнымъ) заявилъ желаніе пожертвовать клубу для разсылки по сельскимъ общинамъ партію бюстовъ Марата́ и Мишеля Лепельтье, для того, чтобы въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ единой и нераздѣльной республики патріоты могли созерцать черты великихъ мужей, принесшихъ свою жизнь въ жертву на алтарь отечества».

Дѣлая это заявленіе, я сообщилъ очередному секретарю клуба адресъ Papeterie des amis de la liberté, какъ магазина, въ которомъ можно сдѣлать эту покупку, и внесъ значительную сумму, взятую мною утромъ у моего банкира Кока. Два дня спустя я посѣтилъ опять семейство Рено. Бумажный торговецъ былъ теперь въ восторгѣ отъ удавшейся «спекуляціи». Сесиль и ея мать готовились къ отъѣзду.

Я сталъ особенно усердно посѣщать засѣданія моего клуба. Въ этихъ засѣданіяхъ часто случалось, что имѣя отправить что-либо въ какой-нибудь провинціальный городъ, очередной президентъ для соблюденія экономіи спрашивалъ, нѣтъ ли между присутствующими

члена, отъѣзжающаго въ этотъ городъ и желающаго взять на себя доставку посылаемаго? Якобинцы и въ особенности Робеспьеръ были въ это время особенно озабочены происходившимъ въ Ліонѣ. Въ одномъ изъ засѣданій, фанатикъ «маратизма», Бентаболь прочиталъ полученный имъ откуда-то безъименный доносъ, утверждавшій, что «ліонскіе заговорщики» поддерживаютъ сношенія съ парижскими монархистами при помощи цѣлаго ряда агентствъ, устроенныхъ въ разныхъ пунктахъ на дорогѣ между двумя городами и что недавно новое агентство открылось въ Немурѣ. Кто-то изъ присутствуюшихъ, немурскій уроженецъ, сталъ возражать, доказывая ложность доноса и непоколебимый патріотизмъ городскихъ властей этого города. Робеспьеръ, ненавидѣвшій Бентаболя, принялъ сторону немурцевъ, ручаясь за ихъ политическую благонадежность. Пренія кончились протоколомъ, признававшимъ ложность доноса, и клубъ рѣшилъ, что копія съ этого протокола будетъ отправлена въ Немуръ съ особымъ «делегатомъ». Когда засѣданіе кончилось, я подошелъ къ секретарю и заявилъ, что имѣя нужду съѣздить въ Немуръ, готовъ взять на себя роль «делегата», не вводя клубъ въ издержки на проѣздъ уполномоченнаго. Предложеніе мое тотчасъ же было

принято и, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, я получилъ на другой же день формальное приглашеніе «немедленно отправиться въ Немуръ съ конфиденціальнымъ порученіемъ». Просперъ Ландэ охотно отпустилъ меня, говоря:—«Всякій, кто можетъ уѣхать въ настоящее время изъ Парижа, поступаетъ весьма благоразумно, удаляясь хоть на время изъ этого политическаго пёкла».

Вечеромъ того же дня я уже сидѣлъ въ одномъ изъ почтовыхъ экипажей, содержавшихъ сообщенія между Парижемъ и Ліономъ.

VIII.

Послѣ лихорадочнаго оживленія парижской уличной жизни Немуръ показался мнѣ совершенно мертвымъ городомъ. Почтовый экипажъ, гремя по скверной мостовой главной улицы, остановился на главной городской площади поздно вечеромъ на второй день моего путешествія. Выйдя изъ душнаго и тряскаго рыдвана, я очутился передъ дверью гостинницы «Золотаго Льва»—лучшей въ городѣ, по увѣренію моего автомедона. Толстая краснощекая хозяйка гостинницы, сопровождаемая заспаннымъ прислужникомъ въ «карманьолкѣ», вышла мнѣ на встрѣчу и по широкой деревянной лѣстницѣ съ расшатанными ступенями провела меня въ обширную закопченную залу, слабо освѣщенную двумя масляными лампами подъ большими зелеными колпаками. Въ этой залѣ, въ компаніи нѣскольких мѣстныхъ патріотовъ, глубокомысленно читавшихъ небольшіе листки туземной газеты «Le Sans-Culotte

de Nemours», пришлось мнѣ ожидать, пока къ моимъ услугамъ будетъ готова «лучшая комната въ отелѣ», какъ объявила, пріятно улыбаясь, хозяйка, очевидно обрадованная прибытіемъ постояльца,—событіемъ, не часто повторявшимся въ лѣтописяхъ ея скромнаго заведенія. «Лучшая комната» оказалась чѣмъ-то въ родѣ обширнаго сарая съ бревенчатымъ закоптѣлымъ потолкомъ, краснымъ кирпичнымъ поломъ, плохо затворявшимися большими окнами, въ которыхъ, вмѣсто обыкновенныхъ стеколъ, были вдѣланы въ толстый свинцовый переплетъ опиленныя донышки бутылокъ зеленоватаго стекла. Въ углу комнаты, на особомъ помостѣ возвышалась огромная кровать съ балдахиномъ изъ пожелтѣвшей отъ времени зеленой шерстяной матеріи и цѣлою грудою подушекъ. Отъ чистаго бѣлья, только-что постланнаго на эту постель и еще полусырого, пахло сквернымъ мыломъ и лавендою. Несмотря на это, я съ наслажденіемъ взобрался при помощи стула на это монументальное ложе, думая о предстоящей мнѣ на утро радостной встрѣчѣ съ предметомъ моей юношеской любви.

Спалъ я крѣпко, но проснулся рано. Утро было пасмурное, по небу ходили желтоватыя тучи, предвѣщавшія грозу. Я распахнулъ окно

и съ любопытствомъ сталъ осматривать главную площадь города, на которую выходила гостинница. Прямо передо мною, на неуклюжихъ каменныхъ столбахъ возвышалась огромная аспидная крыша, служившая навѣсомъ для городского рынка. Налѣво стоялъ городской каѳедральный соборъ, довольно красивое зданіе романо-готической архитектуры съ фундаментомъ и папертью, вросшими въ землю, съ наглухо заколоченнымъ стрѣльчатымъ порталомъ, надъ которымъ огромными черными буквами была намалевана надпись: «сія національная собственность продается на сломъ или для произвольнаго употребленія». Прямо противъ собора, по правую сторону рынка, на небольшомъ трехъ-этажномъ домѣ среднevѣковой архитектуры, съ пузатыми желѣзными рѣшетками, защищающими окна нижняго этажа, развѣвалось полинялое отъ дождей и пыли трехцвѣтное знамя на древкѣ, оканчивавшемся краснымъ флигійскимъ колпакомъ. На фронтонѣ этого дома красовалась золотая надпись: «мэрія». Для того, чтобъ исполнить «порученіе», данное мнѣ клубомъ якобинцевъ, мнѣ нужно было сдѣлать только нѣсколько шаговъ.

Но я не спѣшилъ выполненіемъ моей миссіи и спокойно оставилъ лежать на днѣ моего

чемодана красиво переписанный протоколъ, выражавшій довѣріе якобинцевъ къ патріотизму города Немура. Одѣвшись на скорую руку и выпивъ въ общей залѣ стаканъ бѣлаго вина по тогдашнему французскому обычаю, я освѣдомился у хозяйки, гдѣ расположено «огородное заведеніе» гражданки Терезы Рено.

— Когда выйдете на площадь, сверните въ улицу направо и идите по ней до тѣхъ поръ, пока не выйдете въ поле, потомъ сверните налѣво вдоль каменныхъ заборовъ, вторая калитка и будетъ калитка тетки Рено,— отвѣчала хозяйка, хлопотавшая около цѣлой массы зелени и двухъ или трехъ куръ, только-что принесенныхъ съ рынка долговязымъ прислужникомъ. Надо полагать, что важность этихъ хозяйственныхъ занятій помѣшала ей обратить вниманіе на странность вопроса щеголевато одѣтаго молодого человѣка, пріѣхавшаго изъ Парижа и начинающаго свое знакомство съ Немуромъ съ огороднаго заведенія какой-то тетки Рено.

Узкою и кривою улицей, точно стиснутой двойнымъ рядомъ старыхъ домовъ, съ выдвигающимися впередъ вторыми и третьими этажами, я въ какія-нибудь десять минутъ дошелъ до окраины города, встрѣтивъ только

нѣсколько простоволосыхъ туземокъ, вѣроятно отправлявшихся на единственный въ Немурѣ рынокъ соборной площади. Передо мной теперь развертывался обширный горизонтъ полей и луговъ, ограниченныхъ далеко-далеко непрерывною цѣпью лѣсистыхъ холмовъ. Направо и налѣво тянулись, составляя пограничную городскую черту, невысокіе заборы изъ свѣтло-сѣраго камня, за которыми виднѣлась густая темноватая листва вѣковыхъ деревьевъ. Налѣво, довольно близко отъ того мѣста, на которомъ я стоялъ, перспектива оканчивалась опушкою лѣса, ростущаго очевидно на гористой мѣстности, потому что верхушки его деревьевъ возвышались однѣ надъ другими по мѣрѣ ихъ отдаленія. Широкая пыльная, выбитая колеями дорога отдѣляла поля отъ каменныхъ заборовъ.

Я свернулъ на лѣво по этой дорогѣ и, пройдя шаговъ двадцать, увидѣлъ дубовую калитку съ надписью «Тереза Рено. Продажа плодовъ и овощей. Доставка въ городъ и въ сосѣднія мѣстности». Прямо противъ этой калитки, по другой окраинѣ дороги, тянулся огороженный низенькимъ землянымъ валикомъ съ канавою впереди, обширный огородъ съ парниками и цилиндрическимъ каменнымъ колодцемъ посреди. Кругомъ все было совершенно тихо и

безлюдно. Съ поля дулъ теплый вѣтеръ, приносившій бальзамическій запахъ лѣса и луговъ, по небу быстро неслись желтоватыя облака, между которыми все чаще и чаще начинало виднѣться высокое бархатно-синее небо и пробивались ослѣпительно-яркіе солнечные лучи. Я остановился въ нерѣшительности передъ калиткой огородничихи, спрашивая себя, что мнѣ дѣлать? Отправляясь въ Немуръ, я вовсе не задавался вопросомъ о томъ, какимъ способомъ устрою я мое свиданіе съ предметомъ моей страсти. Мнѣ казалось, что достаточно добраться до города, куда уѣхала Сесиль Рено, чтобы свиданіе это сдѣлалось неизбѣжнымъ. Съ тѣмъ же убѣжденіемъ вышелъ я изъ гостинницы «Золотого Льва» и дошелъ до окраины города. Только стоя у самаго входа въ маленькій домъ Терезы Рено, понялъ я вдругъ, что до возможности свиданія съ Сесиль еще не близко и что прежде всего необходимо придумать благовидный предлогъ для визита къ ея теткѣ.

Перебирая мысленно разныя комбинаціи, я машинально отошелъ отъ калитки и сталъ подвигаться впередъ по пыльной дорогѣ, глядя себѣ подъ ноги. Эта задумчивая прогулка продолжалась нѣсколько минутъ. Сильный порывъ вѣтра, принесшій съ собою волну не-

обыкновенно пахучаго лѣсного воздуха, заставилъ меня вдругъ поднять голову и оглядѣться.

Я стоялъ на перекресткѣ двухъ дорогъ. Налѣво, путь заворачивалъ вдоль каменныхъ оградъ продолжающагося ряда садовъ, направо онъ поднимался легкою покатостью къ уступчатому лѣсу, обращаясь понемногу въ простую тропинку. Небо сдѣлалось почти совершенно безоблачнымъ и солнце сильно припекало. Лѣсная, синеватая тѣнь, въ которой исчезала тропинка, казалась особенно привлекательною. Я повернулъ направо и быстрыми шагами пошелъ къ лѣсу. Шагахъ во ста за опушкою, тропинка дѣлала новый поворотъ, продолжая подниматься въ гору. Между деревьями начали попадаться довольно большіе красноватые камни, имѣющіе форму обломковъ скалъ. Мѣстность становилась все болѣе и болѣе дикою...

Это неожиданное превращеніе сильно заинтересовало меня и я продолжалъ идти впередъ уже съ опредѣленною цѣлью, узнать, куда приведетъ меня загадочная тропинка? Минутъ черезъ пять цѣль эта оказалась достигнутою. Продолжая подниматься въ гору, я, при новомъ заворотѣ пути, вдругъ очутился у подножія цѣлой группы поразительно-

живописныхъ скалъ, нагроможденныхъ одна на другую въ хаотическомъ, но исполненномъ величія, безпорядкѣ. Лѣсъ какъ бы разступался передъ этою каменною грудою. Вѣковые дубы, буки и каштаны стояли точно на сторожѣ у стѣнъ нерукотворенной крѣпости-гиганта...

Скалы имѣли самую разнообразную, самую причудливую форму. Ихъ очертанія напоминали то бастіоны гигантской крѣпости, то фигуры фантастическихъ чудовищъ. Мѣсто казалось съ перваго взгляда совершенно дикимъ, но, внимательно вглядываясь въ нѣкоторыя мелочи, можно было угадать, что оно служитъ довольно частою прогулкою для жителей Немура. Тропинка продолжала извиваться между скалами. Нѣсколько легкихъ досчатыхъ мостиковъ было перекинуто черезъ разщелины этихъ скалъ; на зеленомъ мхѣ, покрывающемъ ихъ вершины, бѣлѣли и краснѣли апельсинныя корки, въ одномъ мѣстѣ я чуть не споткнулся о разбитую бутылку отъ вина. Эти открытія сильно меня разочаровали и я уже хотѣлъ вернуться, какъ вдругъ надъ самой моей головою раздался женскій голосъ, напѣвавшій какую-то пѣсеньку. Я посмотрѣлъ вверхъ и остановился съ замираніемъ сердца... На плоскомъ, громадномъ камнѣ, точно упав-

шемъ съ неба на остроконечныя верхушки двухъ скалъ и имѣющемъ по формѣ поразительное сходство съ черепахою, стояла Сесиль Рено, вглядывавшаяся въ даль, прикрывая одною рукою глаза отъ солнца.

У меня даже потемнѣло въ глазахъ отъ неожиданнаго наплыва счастливаго чувства. То свиданіе глазъ на глазъ съ любимою дѣвушкою, котораго я надѣялся достигнуть въ Немурѣ цѣлымъ рядомъ глубоко-обдуманныхъ хитростей и долгой предварительной подготовкой, устроивалось само собою и притомъ въ условіяхъ, наиболѣе способныхъ сохранить въ полной неприкосновенности его поэтическій характеръ! Счастіе мое было такъ велико, такъ безгранично, что я нѣсколько минутъ оставался неподвижно, точно прикованный къ мѣсту, не смѣя окликнуть Сесиль, продолжавшую глядѣть вдаль изъ-подъ руки и напѣвать свою незамысловатую пѣсенку.

Справившись наконецъ съ моимъ волненіемъ, я сдѣлалъ усиліе, чтобы крикнуть съ притворною веселою беззаботностью: «здравствуйте, гражданка Сесиль!» и сталъ быстро взбираться на скалу, гдѣ стояла молодая дѣвушка.

Сесиль Рено вздрогнула отъ звука моего голоса и какъ-то растерянно подбѣжала къ тому краю скалы, къ которому я направлялся. Она

очевидно узнала мой голосъ, потому что, увидавъ меня, прямо спросила, протягивая мнѣ обѣ руки:

— Откуда это вы? Какимъ образомъ попали въ Немуръ?

— Пріѣхалъ по порученію клуба якобинцевъ, на которое нарочно напросился, чтобы увидать васъ,—сказалъ я, крѣпко цѣлуя ея хорошенькія, уже успѣвшія сильно загорѣть руки.

Она слегка покраснѣла и улыбнулась улыбкою удовлетвореннаго самолюбія, говоря:

— Вы настоящій рыцарь, гражданинъ Эженъ!

— Въ рѣшимости удовлетворить страстное желаніе — рыцарства немного, — отвѣчалъ я, глядя ей прямо въ глаза.

Молодая дѣвушка еще болѣе покраснѣла, но скорѣе отъ удовольствія, чѣмъ отъ смущенія, потому что, не выпуская моихъ рукъ, она откинулась слегка назадъ и, улыбáясь съ кокетливою насмѣшливостью, сказала:

— Неужели же это до такой степени серьезно?

Не отвѣчая, я упалъ передъ нею на колѣни и, крѣпко сжимая ея руки, сказалъ:

— За нѣсколько дней нынѣшней разлуки я понялъ, что не могу жить безъ васъ, Сесиль. Я пріѣхалъ въ Немуръ, чтобы спросить васъ

рѣшительно и окончательно, любите ли вы меня хоть немного и согласны ли вы сдѣлаться моею женою?

Молодая дѣвушка слегка нахмурила свои красивыя брови. Ей, очевидно, что-то не понравилось въ моемъ категорическомъ вопросѣ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ противуположную сторону скалы, она присѣла на выступъ, покрытый мхомъ, и движеніемъ руки пригласила меня сѣсть подлѣ нея.

— Мнѣ все кажется, Эженъ, что вы слишкомъ спѣшите,—начала она пѣвучимъ, искусственно спокойнымъ голосомъ.—Взаимное влеченіе двухъ сердецъ—чувство сложное. Что вы мнѣ стали нравиться за послѣднее время—этого я отъ васъ не скрыла еще въ Парижѣ, но для меня самой еще не совсѣмъ ясно, что̀ такое именно мое новое чувство къ вамъ. Пока я знаю только, что мнѣ отрадно чувствовать себя любимой честнымъ, рыцарски благороднымъ юношей, который и по своему рожденію и по своимъ денежнымъ средствамъ стоитъ гораздо выше мёня. Я очень рада видѣть васъ здѣсь, очень счастлива, думая, что въ бесѣдахъ глазъ-на-глазъ въ здѣшней глуши, я буду слушать свободно, безъ всякаго стѣсненія ваши страстныя рѣчи, но значитъ ли это, что я въ состояніи заплатить за вашу любовь любовью,

доходящею до согласія сдѣлаться вашею женою,—это мнѣ, пока, еще не ясно. Оставимъ на время въ сторонѣ вопросъ о развязкѣ нашихъ нынѣшнихъ взаимныхъ отношеній. Дайте мнѣ насладиться какъ слѣдуетъ мыслью, что я могу внушать искреннюю, безграничную любовь. Говорить о бракѣ успѣемъ и въ Парижѣ, если я вернусь туда, когда почувствую себя совершенно излечившеюся отъ недавняго прошлаго.

Меня вовсе не поразила въ то время эта странная настойчивость молодой дѣвушки, сохранить за нашею встрѣчею въ Немурѣ характеръ идиллическаго любовнаго приключенія, а напротивъ, показалась даже очень привлекательною перспектива взаимныхъ отношеній, совершенно чуждыхъ такъ называемой «прозы жизни». Въ оговоркахъ и недомолвкахъ Сесили Рено я видѣлъ только деликатное желаніе сохранить за мною на нѣкоторое время полную свободу дѣйствій, и это предполагаемое желаніе сдѣлало ее еще болѣе дорогою для меня.

Мы провели около часа на черепахоподобной скалѣ въ одной изъ тѣхъ несвязныхъ и счастливыхъ бесѣдъ, отъ которыхъ у влюбленныхъ не остается обыкновенно въ памяти ни одного слова, но послѣ которыхъ они чувствуютъ себя

неизмѣримо счастливыми. Сесиль не обнаруживала никакого смущенія при моихъ робкихъ и почтительныхъ ласкахъ, позволяла мнѣ цѣловать ея руки, играть ея прекрасными черными волосами, выбивавшимися изъ-подъ широкой соломенной шляпы, сдвинувшейся на затылокъ. Когда, ободренный этимъ, я сдѣлался нѣсколько смѣлѣе и попробовалъ взять ее слегка за талію, она не разсердилась, а только смѣясь отодвинулась нѣсколько отъ меня и погрозила мнѣ пальцемъ. Въ движеніяхъ молодой дѣвушки, въ выраженіи ея прекрасныхъ глазъ было что-то напоминающее выздоравливающую больную, съ наслажденіемъ вдыхающую впервые чистый воздухъ подъ открытымъ небомъ послѣ продолжительнаго заключенія въ душной комнатѣ, пропитанной запахомъ лекарствъ. Я замѣтилъ это Сесили и, она, задумчиво улыбаясь, отвѣтила мнѣ:

— Это и дѣйствительно такъ, мой другъ. Я — бѣдная, выздоравливающая больная. Постарайтесь вылечить меня окончательно.

Въ это время въ воздухѣ раздался музыкальный звонъ большихъ часовъ немурскаго собора. Сесиль сосчитала удары и весело поднялась съ мѣста, говоря:

— Уже девять часовъ. Тетушка завтракаетъ въ половинѣ десятаго. Мнѣ пора домой.

Мы стали спускаться по обломкамъ скалъ къ тропинкѣ. Сесиль шла впереди и смѣялась неловкости, съ которою я совершалъ это обратное путешествіе, цѣпляясь за кусты и скользя по мшистой поверхности камней. Когда мы спустились, она стала передо мной, сложивши руки на груди и проговорила, смѣясь одними глазами:

— Ну, а теперь, какъ же будетъ далѣе?

— Что такое? — спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— Смѣю думать, что вы не ждете, чтобы и дальнѣйшія наши встрѣчи происходили при тѣхъ же условіяхъ, какъ нынѣшняя. Ходить на свиданія съ вами втихомолку отъ тетушки я конечно не стану.

— Ахъ, вы вотъ о чемъ!—сказалъ я, весело смѣясь.—Будьте спокойны. Я пріѣхалъ въ Немуръ съ твердымъ намѣреніемъ представиться по формѣ почетной гражданкѣ Терезѣ Ренò. Я даже и сюда попалъ именно потому, что отправился знакомиться съ вашею тетушкою, но у самой двери ея дома вдругъ сообразилъ, что еще не придумалъ благовиднаго предлога для такого знакомства.

— Въ предлогѣ и надобности вовсе нѣтъ,— возразила Сесиль.—Приходите прямо и скажите тетушкѣ, что прибывъ въ Немуръ по

дѣламъ, вы сочли долгомъ зайти освѣдомиться о моемъ здоровьи. Этого будетъ совершенно достаточно для того, чтобы вамъ былъ оказанъ радушный пріемъ, подъ условіемъ, однакоже, что вы не будете величать ни тетушку, ни меня при ней, титуломъ «гражданки». Старушка ненавидитъ это слово, которое здѣсь въ Немурѣ употребляютъ только одни санкюлоты, составляющіе отребье мѣстнаго населенія.

У калитки маленькаго домика огородничихи Сесиль радушно простилась со мною словами:

— Приходите около полудня. Я предупрежу тетушку, что встрѣтилась съ вами здѣсь, на дорогѣ, и что вы заявили мнѣ о вашемъ намѣреніи посѣтить ее.

IX.

Съ послѣднимъ ударомъ большого колокола немурскаго собора, возвѣщавшимъ полдень, я судорожно приподнялъ и быстро опустилъ тяжелую скобу-молотокъ, украшавшую входную дверь жилища Терезы Ренò. За дверью тотчасъ же послышался характерный звукъ приподнятой щеколды, который указывалъ, что стучащійся можетъ свободно войдти. Черезъ минуту я очутился на небольшомъ, узорно вымощенномъ разноцвѣтными кирпичами дворикѣ. Налѣво отъ меня виднѣлось довольно вычурное крыльцо, съ двумя противоположными другъ-другу всходами. Прямо и направо дворикъ былъ огороженъ желѣзною рѣшеткою, отдѣлявшею его отъ густого и довольно обширнаго сада; крыльцо вело къ стариннымъ, обитымъ вырѣзными желѣзными скобами дверямъ двухъ-этажнаго домика, построеннаго, очевидно, въ XVII-мъ столѣтіи. Дверь была

пріотворена и изъ-за нея выглядывала сухощавая фигура пожилой женщины въ черномъ платьѣ и батистовомъ чепцѣ, изъ подъ котораго выбивались курчавые, почти совершенно сѣдые волосы. Увидавъ меня, эта женщина спросила довольно рѣзко и грубо:

— Что вамъ угодно, сударь?

Слово «сударь» сразу дало мнѣ понять, что спрашивающая—сама хозяйка дома. Я вѣжливо снялъ шляпу и, дѣлая усиліе, чтобы не забыть совѣтъ Сесили, отвѣчалъ:

— Я пріѣзжій изъ Парижа, хорошій знакомый г-на Камилля Ренô, и имѣю отъ него порученіе къ его дочери, дѣвицѣ Сесили. Могу я видѣть г-жу Терезу Рено и засвидѣтельствовать ей свое почтеніе?

Старуха подошла къ периламъ крыльца, пристально поглядѣла на меня и сказала:

— Тереза Ренó передъ вами. Благоволите войти.

Я быстро взбѣжалъ на крыльцо и послѣдовалъ за хозяйкой въ большую, низкую комнату съ потолкомъ, поддерживаемымъ почернѣлыми отъ времени рѣзными дубовыми балками. Полъ комнаты былъ красный, кирпичный. Вдоль одной изъ поперечныхъ стѣнъ ея возвышался монументальный каминъ, облицованный желтоватымъ мраморомъ. Стоявшій по

срединѣ овальный столъ на точеныхъ спиральныхъ ножкахъ и огромный поставецъ, загроможденный расписною фаянсовою посудою, бывшею въ большомъ употребленіи лѣтъ пять назадъ, указывали, что комната эта служитъ столовою. Въ то время, какъ я дошелъ до стола, въ противоположной двери появилась Сесиль, съ лицемѣрнымъ удивленіемъ, воскликнувшая:

— Господинъ Эженъ Стародубскій! Какими судьбами!

Я отвѣчалъ банально-вѣжливымъ и притворно-равнодушнымъ тономъ, что отправляясь по дѣламъ въ Немуръ, я «счелъ долгомъ» освѣдомиться у ея батюшки, не имѣетъ ли онъ какихъ-нибудь порученій къ ней и что онъ просилъ меня лично справиться о ея здоровьи. Сесиль выслушала мою тираду, смѣясь глазами, но не улыбаясь, низко присѣла и сказала:

— Добро пожаловать, сударь... съ позволенія тетушки, конечно.

Тереза Ренô отвѣчала безмолвнымъ наклоненіемъ головы и движеніемъ руки пригласила меня сѣсть, а сама тотчасъ же вышла и за дверями громко приказала подать въ столовую сахарной воды.

Такъ началось мое знакомство съ почтенной огородничихой, не отличавшейся вообще

словохотливостью. Молчаливость не мѣшала ей однакоже быть гостепріимною. Черезъ нѣсколько минутъ, когда она вернулась къ намъ, я немедленно получилъ приглашеніе «пообѣдать чѣмъ Богъ послалъ» и конечно принялъ это приглашеніе.

Вслѣдъ за тѣмъ, по желанію Сесили, мы спустились на вымощенный разноцвѣтнымъ кирпичемъ дворикъ и прошли въ садъ, благоухавшій ароматомъ безчисленныхъ цвѣточныхъ куртинъ и зрѣющихъ плодовъ. Широкая, посыпанная крупнымъ рѣчнымъ пескомъ аллея вела къ крутой площадкѣ, плотно обсаженной высокими каштановыми деревьями, подстриженными такъ, что ихъ густая листва изображала высокую зеленую башню съ зубцами наверху и большою дверью. Внутри башни, прислоненная къ стволамъ деревъ, шла круглая каменная скамья, поросшая мхомъ. Сквозь вторую сводчатую дверь, расположенную напротивъ первой, виднѣлся обширный огородъ съ парниками, шпалерами фруктовыхъ деревьевъ, прислоненными къ каменной стѣнѣ ограды и грядами, на которыхъ подъ стеклянными колпаками созрѣвали на солнцѣ колоссальныя дыни — любимое лакомство французской буржуазіи того времени.

Тереза Рено только на минуту присѣла вмѣстѣ съ своею племянницею и со мною на каменную скамью этого тѣнистаго и укромнаго уголка. Перебросившись со мною нѣсколькими незначущими фразами о прекрасной погодѣ, она встала и отправилась въ огородъ, осматривать гряды съ зрѣющими дынями. Мы остались вдвоемъ съ Сесиль, которая тотчасъ же протянула мнѣ свою хорошенькую ручку, говоря:

— Ну, вотъ вы и проникли въ непріятельскую крѣпость. Теперь остается съумѣть въ ней удержаться.

— Что же для этого надо дѣлать, приказывайте! — отвѣчалъ я, глядя ей прямо въ глаза влюбленнымъ взоромъ.

— Прежде всего не забывать ни на минуту, что вы въ гостяхъ у почтенной женщины, глубоко ненавидящей республику и убѣжденной въ гибельности для Франціи нынѣ существующаго порядка вещей. Тётя Тереза — убѣжденная роялистка. Если она согласилась на мой пріѣздъ сюда, несмотря на размолвку съ моимъ отцомъ, то единственно для того, чтобы дать мнѣ возможность «вырваться изъ революціоннаго ада», какъ называетъ она Парижъ. Говорить ей о порученіи, которое вы выпросили себѣ отъ клуба якобинцевъ, вамъ

отнюдь не слѣдуетъ, да впрочемъ и не придется, потому, что она не любопытна и разспрашивать о причинѣ вашей поѣздки въ Немуръ не станетъ. За обѣдомъ и вообще при тётѣ старайтесь какъ можно меньше упоминать о Парижѣ и о знакомыхъ моего отца, а въ особенности о баронѣ Клоотсѣ, котораго она считаетъ чуть ли не самимъ дьяволомъ. Если вы хотите скорѣе попасть къ ней въ милость, откажитесь на время отъ вашей обычной скромности и побольше говорите о знатности вашего рода и о вашихъ помѣстьяхъ въ Россіи.

Я засмѣялся при этомъ послѣднемъ совѣтѣ, и цѣлуя руку Сесили, сказалъ:

— Это будетъ для меня труднѣе всего остальнаго, но чтобы сдѣлать вамъ угодное, постараюсь напустить на себя совершенно чуждое мнѣ тщеславіе.

— Послушайте, однако, Эженъ,—возразила она, на этотъ разъ уже совершенно серьёзнымъ тономъ.—Неужели вы, дѣйствительно, такъ-таки и не интересуетесь тѣмъ, что̀ ожидаетъ васъ въ Россіи по возвращеніи туда? Вѣдь не можете же вы серьезно разсчитывать остаться на всю жизнь здѣсь, во Франціи?

— Еще очень недавно,—отвѣчалъ я, крѣпко сжимая ея руки, — таково было мое твердое

и повидимому неизмѣнное рѣшеніе. Теперь же будущее будетъ зависѣть отъ той, которую я люблю больше жизни. Если вы согласитесь стать моей женой и пожелаете ѣхать въ Россію, я, конечно, исполню ваше желаніе.

Сесиль улыбнулась довольною улыбкою и встала, говоря:

— Поживемъ, увидимъ, а теперь пойдемте осматривать садъ. Онъ стоитъ этого.

Осмотръ владѣній Терезы Рено̀ продолжался добрыхъ полчаса, но за все время я не видалъ ровно ничего, потому что не спускалъ глазъ съ моей прелестной путеводительницы. Сесиль притворно сердилась моему невниманію, говорила, что я «несносный» и заслуживаю, чтобы она столкнула меня въ тинистый прудъ, на мостикѣ черезъ который, мы въ это время стояли. Я съ невыразимо-счастливымъ чувствомъ слушалъ ея шутливые упреки и упорно продолжалъ ихъ заслуживать.

День прошелъ незамѣтно, но я рѣшительно не въ состояніи вспомнить, что̀ мы именно дѣлали и говорили въ этотъ блаженный день. Знаю только, что когда я вернулся вечеромъ въ гостинницу «Золотого Льва», то моя неуютная и мрачная комната показалась мнѣ необыкновенно изящною и веселою.

Двѣ недѣли, которыя я провелъ въ Немурѣ,

прошли какъ волшебный сонъ. Въ мѣстномъ отдѣленіи клуба якобинцевъ я былъ только однажды, чтобы исполнить принятое мною на себя порученіе. Все остальное время мое проходило или въ укромномъ домикѣ огородничихи или въ прогулкахъ по окрестностямъ, предпринимаемыхъ съ затаенною надеждою встрѣтиться снова глазъ-на-глазъ съ Сесиль Рено́.

Надежды эти не долго оставались тщетными. Молодая дѣвушка скоро склонилась на мои просьбы приходить по утрамъ въ ту красивую и дикую мѣстность, гдѣ я встрѣтилъ ее въ первый день моего пріѣзда въ Немуръ. Мы просиживали подолгу на живописно нагроможденныхъ скалахъ въ бесѣдахъ, о предметѣ которыхъ не трудно будетъ догадаться читателямъ, если таковыхъ когда-нибудь будетъ имѣть моя исповѣдь. Сесиль все болѣе и болѣе поддавалась обаянію моего юношески-страстнаго чувства. Были минуты, въ которыя мнѣ не стоило бы никакого труда злоупотребить тѣмъ физическимъ возбужденіемъ, которое производили въ ней мои пылкія рѣчи и страстныя, съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе робкія, ласки. Если я уѣхалъ изъ Немура, не нарушивъ священнѣйшей обязанности порядочнаго человѣка, которому слѣпо

ввѣряется молодая дѣвушка, то это зависѣло единственно отъ того, что я былъ еще очень молодъ и неопытенъ въ любовныхъ дѣлахъ.

Передъ моимъ отъѣздомъ, Сесиль дала мнѣ формальное разрѣшеніе просить ея руки у ея родителей, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, что предложеніе свое я сдѣлаю не ранѣе чѣмъ сама она вернется въ Парижъ. Заручившись этимъ согласіемъ, я уѣхалъ довольный и счастливый. Сесиль обѣщала выѣхать изъ Немура въ первыхъ числахъ сентября.

X.

Я вернулся въ Парижъ вечеромъ 12-го августа и, приведя нѣсколько въ порядокъ свой туалетъ послѣ дороги, прошелъ въ кабинетъ Проспера Ландэ поздороваться съ моимъ почтеннымъ наставникомъ.

Ландэ встрѣтилъ меня радушно, но былъ замѣтно грустенъ и озабоченъ. Онъ только-что вернулся съ знаменитаго засѣданія конвента, въ которомъ Дантонъ, въ весьма недвусмысленныхъ выраженіяхъ, потребовалъ формальнаго водворенія во Франціи терроризма. Разсказывая мнѣ объ этомъ эпизодѣ, онъ замѣтилъ, нахмуривъ брови:

— Что̀ меня всего болѣе огорчаетъ, такъ это то, что Максимиліанъ не только не далъ отпора безумному требованію Дантона, но почти поддержалъ его своею напыщенною рѣчью о близости окончательнаго торжества республики. Всѣ они точно съ ума сошли послѣ этого праздника 10-го августа, который былъ ско-

рѣе похожъ на уличный мятежъ, чѣмъ на торжественное чествованіе великой годовщины провозглашенія республики!

Помолчавъ съ минуту, Ландэ прибавилъ:

— Ты напрасно такъ скоро воротился, Эженъ. Торопиться было незачѣмъ. Для Парижа, кажется, наступаютъ опять тяжелые и мрачные дни.

Если бы могъ только знать мой добрый наставникъ, до какой степени мало заботило меня то, о чемъ онъ пророчилъ! «Мрачные и тяжелые дни»! Какой вздоръ, какая нелѣпость! Черезъ три недѣли я сдѣлаюсь формальнымъ женихомъ Сесили, до свадьбы тогда останется не долго, а затѣмъ развѣ не все равно для меня, будетъ или не будетъ царствовать въ Парижѣ потребованный Дантономъ терроръ? Когда жить въ взволнованномъ революціонными страстями городѣ окажется непріятнымъ или неудобнымъ, мы уѣдемъ куда-нибудь подалѣе, оставимъ Францію, если это будетъ нужно, вернемся въ Россію и вездѣ намъ будетъ хорошо и привѣтно!

Высказать этихъ задушевныхъ мыслей я, однакоже, не рѣшился и, чтобы не молчать, спросилъ моего наставника, не преувеличиваетъ ли онъ тѣ послѣдствія, которыя можетъ имѣть выходка Дантона?

Ландэ грустно покачалъ головою и сказалъ:

— Ничего я не преувеличиваю! Безумцы уже требуютъ немедленнаго суда и казни злополучной Маріи-Антуанетты, увѣряя, что ея существованіе—главная причина всѣхъ роялистскихъ заговоровъ. Если эта несчастная погибнетъ на эшафотѣ, республика наша сдѣлается окончательно предметомъ ненависти и омерзенія всей Европы.

Кто-то постучался въ дверь и черезъ минуту въ кабинетъ моего наставника вошелъ Максимиліанъ Робеспьеръ.

Мнѣ еще никогда не случалось видѣть на лицѣ знаменитаго трибуна того презрительно-насмѣшливаго выраженія, которое оно имѣло въ эту минуту. Швырнувъ нервнымъ движеніемъ на столъ свою шляпу и сорвавъ съ рукъ перчатки, Робеспьеръ остановился передъ Просперомъ Ландэ, сложивши руки на груди и почти прохрипѣлъ:

— Каковъ болванъ этотъ Дантонъ. А?

— А зачѣмъ ты же поддержалъ этого болвана?—нахмурившись и не поднимая глазъ, спросилъ его Ландэ.

— Это еще что за новости? Откуда ты взялъ, что я его поддерживалъ?—крикливымъ голосомъ, сверкая своими близорукими глазами, возразилъ Робеспьеръ.

— Всѣ такъ поняли по крайней мѣрѣ произнесенную тобою рѣчь.

— Значитъ, никто ее въ дѣйствительности не понялъ! Дантонъ требовалъ ни болѣе ни менѣе, какъ ареста всѣхъ «подозрительныхъ людей» и права делегатовъ мѣстныхъ собраній (assemblées primaires) распоряжаться всею Франціею, при помощи четырехъ сотъ тысячъ ими самими избранныхъ агентовъ! Чтобы образумить палату и публику, увлеченныхъ трескотнею мнимо-патріотическихъ фразъ этого краснорѣчиваго безумца, я старался указать на тѣ категоріи враговъ республики, которыхъ дѣйствительно опасно было бы оставлять на свободѣ. Это, кажется, далеко не одно и то же.

— А мнѣ кажется, что тебѣ вовсе не слѣдовало говорить о необходимости новыхъ преслѣдованій и казней, — возразилъ угрюмо Ландэ.—Роль палача и публичнаго обвинителя недостойна ни твоего характера, ни твоего таланта.

Робеспьеръ какъ-то судорожно передернулъ плечами и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, пожавъ мнѣ на ходу руку въ знакъ привѣтствія.

— Бываютъ времена, другъ Ландэ,—сказалъ онъ, наконецъ, грустнымъ тономъ,—когда

нельзя разбирать выпадающихъ намъ на долю задачъ. Живя съ дикими звѣрями, единственное средство не быть ими съѣденнымъ состоитъ въ обращеніи самому—по крайней мѣрѣ по наружности—въ дикаго звѣря.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на всемогущаго политическаго дѣятеля, обмолвившагося подобнымъ признаніемъ. Робеспьеръ замѣтилъ, несмотря на свою близорукость, изумленное выраженіе моего лица и опять саркастически улыбнулся.

— Васъ удивляютъ мои слова, молодой человѣкъ?—спросилъ онъ меня.

— И удивляютъ и огорчаютъ до послѣдней степени,—отвѣчалъ я съ тою юношескою откровенностью, которую такъ любилъ во мнѣ Просперъ Ландэ.—Тяжело убѣждаться, что даже вожди великаго движенія, предпринятаго во имя незыблемыхъ принциповъ правды и справедливости, признаютъ нужнымъ слѣдовать пословицѣ: «съ волками жить—по волчьи выть» и проповѣдуютъ іезуитское правило: «цѣль оправдываетъ средство».

Робеспьеръ засмѣялся хриплымъ, нехорошимъ смѣхомъ и, положивъ мнѣ руку на плечо, сказалъ:

— Мой другъ Ландэ сдѣлалъ изъ васъ неисправимаго мечтателя! Вы бы благоразумно

поступили, еслибъ не оставались въ томъ революціонномъ очагѣ, которое носитъ имя Парижа. Гастрономамъ революціи не слѣдуетъ присутствовать въ кухнѣ, гдѣ приготовляются тонкія кушанья, льстящія ихъ утонченнымъ вкусамъ. Всякая стряпня — а политическая тѣмъ болѣе—дѣло неопрятное и тѣмъ, кто боится замарать руки, не слѣдуетъ принимать въ ней участія.

Просперъ Ландэ при этихъ словахъ порывисто всталъ съ своего кресла и сталъ ходить по комнатѣ быстрыми шагами, проговоривъ:

— Какъ ты перемѣнился за послѣднее время, Максимиліанъ. Я не узнаю въ тебѣ ученика и послѣдователя великаго Жанъ-Жака!

— Поставилъ бы я тебя на мое мѣсто,— возразилъ Робеспьеръ,—и посмотрѣлъ бы, какъ бы ты оставался вѣренъ всѣмъ этимъ идеямъ, безъ исключенія! Руссо по прежнему остается для меня руководителемъ въ основныхъ принципахъ его великаго политическаго ученія, но именно потому, что я поставилъ задачею своей жизни окончательную побѣду этихъ принциповъ, я долженъ не уступать ни передъ чѣмъ, чтобы обезпечить эту побѣду. Я и теперь, какъ въ былые годы, убѣжденъ, что республика должна быть царствомъ добродѣ-

тели и чести, но много ли наберется у насъ въ конвентѣ людей, столь же, какъ я, убѣжденныхъ въ этомъ? Сенъ-Жюстъ, Филиппъ Леба, Кутонъ, ты да нѣкоторые изъ жирондистовъ, сбитыхъ съ толку этою интригантскою Роланъ, проповѣдующей федеративное устройство республики—вотъ и всѣ мои единомышленники. Большинство членовъ Горы—или плуты, эксплоатирующіе народныя массы, или охотники до матерьяльныхъ наслажденій, видящіе въ республиканской свободѣ, доведенной до распущенности, удобное средство безнаказаннаго удовлетворенія своихъ животныхъ инстинктовъ. И тѣ и другіе ненавидятъ меня и дѣлаютъ все возможное, чтобъ подкопаться подъ популярность, которой я никогда не искалъ, но въ которой вся моя сила, вся разгадка того вліянія, которое мнѣ приписывается. Они уже начали свое темное дѣло, избравъ меня членомъ Комитета Общественной Безопасности. Я стою тамъ въ меньшинствѣ, а между тѣмъ будь увѣренъ, что именно на меня упадетъ отвѣтственность за всѣ безполезныя жестокости, которыя будутъ совершены этимъ грознымъ комитетомъ. Я не хочу, чтобы мои враги восторжествовали, и буду бороться съ ними ихъ же собственнымъ оружіемъ. Когда побѣда окончательно ока-

жется на моей сторонѣ—будетъ еще время вернуться къ строгому примѣненію всѣхъ идей Жанъ-Жака Руссо."

— А если мы не добьемся побѣды?—спросилъ Ландэ, останавливаясь передъ Робеспьеромъ.

— Послѣдствій такой неудачи я во всякомъ случаѣ не увижу,—отвѣчалъ тотъ,—потому что, испытавъ пораженіе, неизбѣжно погибну отъ руки моихъ враговъ.

— А Франція? а торжество свободы?—продолжалъ допрашивать мой наставникъ.

Робеспьеръ помолчалъ минуту, опустивъ голову, потомъ встряхнулъ своими тщательно напудренными волосами и отвѣчалъ:

— Если такіе люди, какъ мы съ тобой, не одержатъ побѣды, то Франціи не останется другого спасенія кромѣ военной диктатуры какого-нибудь смѣлаго авантюриста, у котораго хватитъ мужества разогнать прикладами и штыками революціонную сволочь, заявляющую нынѣ претензію предписывать свои законы основателямъ единой и нераздѣльной республики!

Съ этими словами онъ взялъ со стола свою шляпу и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Я отправляюсь къ якобинцамъ. Вы тамъ сегодня не будете? Вѣдь вамъ, кажется, нужно

еще отдать клубу отчетъ о взятомъ на себя порученіи въ Немуръ?

— Я усталъ съ дороги и не пойду сегодня въ клубъ,—отвѣчалъ я.

— Хорошо бы сдѣлали, еслибы и вовсе перестали посѣщать эту проклятую говорильню,— сказалъ онъ, надѣвая шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Проспёръ Ландэ молча покачалъ головою ему въ слѣдъ и, вздохнувъ, снова усѣлся за свой письменный столъ и сказалъ мнѣ:

— Если ты усталъ, Эженъ, шелъ бы отдохнуть.

Но отдыхать я вовсе былъ не расположенъ. Вернувшись въ свою комнату, я тотчасъ же принялся писать длинное письмо Сесили. Весь остальной вечеръ прошелъ въ этомъ занятіи, прелесть котораго пойметъ всякій влюбленный, только-что разставшійся съ предметомъ своего обожанія.

XI.

Августъ мѣсяцъ кончился. Наступили первыя числа сентября. Въ Парижѣ разъигрывался послѣдовательно рядъ кровавыхъ политическихъ драмъ, о которыхъ мнѣ извѣстны были всѣ мельчайшія подробности, но которыя все-таки не возбуждали вовсе моего вниманія. Я былъ всецѣло поглощенъ ожиданіемъ. Со времени моего возвращенія изъ Немура я былъ у Камилля Рено всего только разъ, да и то не надолго. Сообщивъ бумажному торговцу объ удовлетворительномъ состояніи здоровья его дочери, я вдругъ почувствовалъ невозможность продолжать обыкновенный разговоръ съ человѣкомъ, къ которому мнѣ вскорѣ предстоитъ обратиться съ просьбою о рукѣ Сесили. Намеки на недалекое будущее такъ и просились на языкъ и, чтобы сдержать слово, данное моей невѣстѣ, я торопливо распрощался съ старикомъ подъ предлогомъ спѣшныхъ и «важныхъ» занятій, прибавивъ, что занятія эти

вѣроятно не позволятъ мнѣ явиться въ улицу de la Lanterne ранѣе первыхъ чиселъ октября.

Въ ожиданіи срока, который назначила Сесиль, я жилъ точно во снѣ, посвящая добрую половину моего времени писанію длинныхъ писемъ къ ней. Письма эти однакоже оставались безъ отвѣта. Я досадовалъ на это, но не тревожился, зная, какъ неисправно дѣйствовала въ то время почта, находившаяся въ рукахъ людей, убѣжденныхъ, что они совершаютъ патріотическій подвигъ, распечатывая и прочитывая отъ доски до доски чужія письма. Неполученіе отвѣтовъ Сесили я объяснялъ именно этою «перлюстраціею», считавшеюся дѣломъ до того законнымъ, что публика негодовала вовсе не на самый фактъ вскрытія писемъ, а на ту небрежность, съ которою исполняли свои неприглядныя обязанности люди, занимавшіеся этимъ вскрытіемъ и часто задерживавшіе письма по цѣлымъ мѣсяцамъ.

8-го сентября, я получилъ, наконецъ, письмо изъ Немура, но оно было не отъ Сесили, а отъ... Люцинды Сентъ-Амарантъ. Письмо это я сохранилъ и привожу здѣсь подлинный его текстъ:

«Пріятельница моя, имя которой вы конечно легко угадаете, проситъ меня извѣстить васъ, что неисповѣдимыя предначертанія судьбы дѣ-

лаютъ для нея священною обязанностью отказаться отъ всѣхъ лестныхъ предложеній, на которыя она дала вамъ согласіе въ Немурѣ. Мы живемъ въ такое грустное и тяжелое время, когда люди съ сердцемъ и съ чувствомъ не властны бываютъ иногда распоряжаться по произволу своимъ будущимъ. Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда въ Парижъ, съ Юга получены были извѣстія, напомнившія особѣ, о которой идетъ рѣчь, клятвы, данныя ею самой себѣ въ такое время, когда ваше сближеніе съ нею не изгладило еще, временно, воспоминаній о недалекомъ прошломъ. Святости этихъ клятвъ пріятельница моя жертвуетъ тою свѣтлою и блестящею будущностью, которую вы ей сулили. Она умоляетъ васъ простить ее за терзанія, причиненныя вашему чувствительному сердцу, и не искать видѣться съ нею, потому что ваши жизненные пути разошлись окончательно и не сойдутся болѣе никогда. Съ глубокимъ сожалѣніемъ исполняю тяжелый долгъ, налагаемый на меня обязанностями дружбы и утѣшаюсь только мыслью, что ваша молодость найдетъ врача во всемогущемъ времени».

Я не сразу понялъ настоящій смыслъ этого вычурно-сантиментальнаго посланія, а когда понялъ, то мною овладѣло чувство какого-то болѣзненнаго, невыразимо тяжелаго одуренія.

Мысли путались въ головѣ, сознаніе поразившаго меня столь внезапно несчастія никакъ не могло выразиться въ совершенно опредѣленныхъ — «конкретныхъ», какъ говорятъ нынче—óбразахъ. Я понималъ только одно—именно, что Сесиль для меня погибла; но какъ могло случиться подобное событіе и какой смыслъ скрывался въ туманныхъ намекахъ письма Люцинды, — въ этомъ я никахъ не могъ отдать себѣ отчета. Цѣлый часъ провелъ я, сидя у моего письменнаго стола, надъ посланіемъ дѣвицы Сентъ-Амарантъ, повторяя машинально въ полголоса слова: «извѣстія съ Юга... не вернется... прежнія клятвы».

И вдругъ все стало мнѣ ясно и понятно! Я вспомнилъ то, что говорилось въ клубѣ якобинцевъ о роли передаточнаго пункта между Парижемъ и Жирондою, которая приписывалась Немуру, вспомнилъ, что по нѣкоторымъ намекамъ самой Сесили, Люцинда Сентъ-Амарантъ находилась въ какихъ-то таинственныхъ сношеніяхъ съ красавцемъ Барбару, который скрывался въ это время на югѣ Франціи отъ проскрипціи, поразившей партію жирондистовъ. Бѣшеная злоба захватила мнѣ духъ и, не отдавая самъ себѣ хорошенько отчета въ томъ, чтó я собираюсь дѣлать, я стремглавъ спустился съ лѣстницы, чуть не позабывъ захва-

тить шляпы и быстрыми шагами направился въ улицу de la Lanterne, повторяя только мысленно, что «этого допустить нельзя», и смутно соображая, что самое вѣрное средство «не допустить» состоитъ въ откровенномъ объясненіи съ Камиллемъ Рено.

Но объясненію этому не суждено было состояться. Въ магазинѣ бумажнаго торговца я нашелъ за прилавкомъ какую-то совершенно незнакомую мнѣ толстую старуху въ большихъ очкахъ и съ огромной коричневой бородавкой на лбу. Старуха эта на мой вопросъ о хозяевахъ магазина отвѣтила, что «гражданинъ и гражданка Рено уѣхали три дня назадъ въ Немуръ по неотложному дѣлу и вернутся неизвѣстно когда. Магазинъ же порученъ ими ея надзору до дальнѣйшихъ распоряженій».

Отчаянію моему не было предѣловъ. Обстоятельства складывались такимъ образомъ, что дѣлали меня совершенно безсильнымъ для борьбы съ обрушившимся на меня горемъ. Внезапный отъѣздъ супруговъ Рено почему-то окончательно убѣдилъ меня, что измѣна Сесили имѣетъ связь съ тѣми преслѣдованіями, которымъ подвергались бѣжавшіе на югъ жирондисты. Пускаться при подобныхъ условіяхъ на поиски за дочерью бумажнаго торговца

значило обратить почти неизбѣжно вниманіе на нее безчисленныхъ, разсѣянныхъ по всей Франціи добровольныхъ соглядатаевъ торжествовавшей въ то время партіи Горы и сдѣлаться орудіемъ гибели всего семейства Рено. Благоразуміе и великодушіе одинаково подсказывали мнѣ, что отъ всякихъ попытокъ сближенія съ Сесилью мнѣ слѣдуетъ — по крайней мѣрѣ на время—совершенно отказаться.

То же самое, почти слово въ слово, повторилъ мнѣ и Проспѳръ Ландэ, когда, возвратясь домой и уступая непреодолимой потребности подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ, я разсказалъ ему, тщательно скрываемую мною до тѣхъ поръ отъ моего почтеннаго наставника исторію моихъ отношеній къ Сесили Рено. Неукоснительно вѣрный воспитательнымъ теоріямъ Жанъ-Жака Руссо, Ландэ не попенялъ мнѣ ни однимъ словомъ за мою скрытность и недостатокъ довѣрія къ нему и прямо принялся за обсужденіе вопроса, какъ мнѣ слѣдуетъ поступать далѣе. Всѣ его доводы клонились къ тому, что самое благоразумное и «достойное меня»—спокойно ожидать въ Парижѣ дальнѣйшихъ событій.

Надо думать, что постигшее меня внезапно горе подѣйствовало разслабляющимъ образомъ

на мои нервы и убило всю мою молодую энергію, потому что я какъ-то ужь очень скоро поддался убѣжденіямъ моего ментора. У молодыхъ людей съ очень горячимъ темпераментомъ бываютъ иногда послѣ сильныхъ потрясеній припадки полной нравственной атоніи, во время которой они оказываются совершенно неспособными дѣйствовать и находятъ какое-то болѣзненное наслажденіе въ постоянныхъ мысляхъ о тяжести поразившаго ихъ несчастія. Послѣдніе мѣсяцы 1793 г. я провелъ именно въ такомъ припадкѣ, не интересуясь ничѣмъ происходившимъ вокругъ меня и перечитывая безчисленное число разъ всевозможныя элегическія стихотворенія французскихъ поэтовъ второй половины XVIII-го столѣтія. Часто повторяемые совѣты Проспера Ландэ вернуться въ Россію и «занять тамъ подобающее мнѣ блестящее положеніе», я пропускалъ мимо ушей. Не дѣйствовали на меня и насмѣшки Максимиліана Робеспьера, продолжавшаго появляться отъ времени до времени по вечерамъ въ скромномъ кабинетѣ моего наставника, куда Ландэ затаскивалъ меня въ подобныхъ случаяхъ чуть не насильно, вѣроятно съ цѣлью дать иное направленіе моимъ мыслямъ. Робеспьеръ становился все болѣе и болѣе рѣзокъ и рѣчи его дышали

почти постоянно какимъ-то болѣзненнымъ скептицизмомъ. Онъ смѣялся надъ всѣми и надъ всѣмъ, осыпалъ безпощадными сарказмами «юродивыхъ» клуба якобинцевъ, азартно отрицалъ искренность республиканскихъ убѣжденій Дантона, Камилля Демулэна, Клоотса, Эбера и другихъ корифеевъ все разроставшагося террора, и самый этотъ терроръ не обинуясь называлъ «кровавымъ фарсомъ, который погубитъ Францію, если ему не положить конецъ безпощадной расправою съ мошенниками, прикрывающимися именемъ республики».

Эти озлобленныя выходки въ одно и то же время крайне раздражали мои нервы и казались мнѣ чѣмъ-то совершенно ненужнымъ и скучнымъ. Я слушалъ ихъ по большей части молча, но, должно быть, выраженіе моего лица бывало порою слишкомъ краснорѣчиво, потому что Робеспьеръ иногда начиналъ прямо обращаться ко мнѣ и подсмѣиваться надъ моей молчаливостью. Въ минуты такихъ поддразниваній знаменитый трибунъ, повидимому, вспоминалъ свое прошлое—сочинителя «чувствительныхъ» сонетовъ, потому что пускался въ догадки о «прелестной незнакомкѣ», плѣнившей мое «юное сердце», и начиналъ толковать какимъ-то приторно-слащавымъ тономъ

о любви и «взаимномъ влеченіи друхъ юныхъ существъ». Слушая эти выходки, Просперъ Ландэ добродушно смѣялся и, трепля по плечу своего знаменитаго пріятеля, говорилъ шутя:

— Ты не во время родился на свѣтъ, мой дорогой Максимиліанъ, не народнымъ трибуномъ, не республиканскимъ законодателемъ, а средневѣковымъ труверомъ слѣдовало бы тебѣ быть!

Однажды, на эту дружескую шутку Робеспьеръ неожиданно сверкнулъ глазами и, стукнувъ по столу кулакомъ, пронзительно прокричалъ:

— Средневѣковый труверъ скоро покажетъ вамъ, на что онъ способенъ! Я или самъ погибну на гильйотинѣ или доберусь до всѣхъ этихъ Фуше, Каррье, Тальяновъ, Шнейдѐровъ и прочей сволочи, срамящей республику въ глазахъ всего образованнаго міра!

XII.

Я употреблялъ всѣ усилія, чтобы занимать мой умъ вопросами, совершенно посторонними тому, что̀ со мною случилось. Просперъ Ландэ, сдѣлавшійся вдругъ необыкновенно внимательнымъ ко мнѣ, явился весьма кстати на помощь этимъ усиліямъ. Почтенный мой наставникъ, какъ я теперь догадываюсь, вдругъ почувствовалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти въ томъ, что, увлекшись политикой и законодательными трудами, онъ оставилъ меня почти безъ присмотра за послѣдніе три года. Въ сущности наши отношенія уже давно перестали быть отношеніями воспитателя и воспитанника. Выходило такъ, что Ландэ получалъ отъ меня свое прежнее—весьма значительное жалованье только за то, что я жилъ у него въ домѣ на хлѣбахъ и имѣлъ право, когда захочу, обращаться къ нему за совѣтами. Правомъ этимъ я, какъ можно видѣть изъ всего сказаннаго выше, не злоупотреблялъ и широко пользо-

вался предоставленною мнѣ свободою. Просперъ Ландэ понималъ, что теперь ему уже поздно возвращаться къ прежней роли моего ментора и потому онъ началъ стараться замѣнить ее ролью моего друга и какъ бы старшаго брата. Каждое утро, при нашихъ обычныхъ встрѣчахъ, Ландэ заводилъ со мной разговоръ о какомъ-нибудь интересномъ вопросѣ научнаго или философскаго характера, стараясь возбудить мою любознательность, сильно притупившуюся отъ сердечнаго горя.

Въ послѣднихъ числахъ сентября Ландэ спросилъ меня за завтракомъ:

— Ты, кажется, давно не былъ, Эженъ у твоего пріятеля, графа А*. Я видѣлся съ нимъ на дняхъ и онъ жаловался мнѣ на то, что ты его совсѣмъ позабылъ. Отчего ты перестал посѣщать этого молодого человѣка?

— Просто потому, что мнѣ вообще не хочется видѣть никого изъ моихъ прежнихъ знакомыхъ, — отвѣчалъ я лѣниво и съ затаеннымъ раздраженіемъ, которое постоянно возбуждали во мнѣ подобные вопросы Ландэ, слишкомъ ясно клонившіеся къ тому, чтобы пріискать для меня какое-нибудь развлеченіе.

— А между тѣмъ графъ А* и его наставникъ, мой пріятель Роммъ, могли бы сообщить тебѣ не мало интереснаго,—возразилъ мой нас-

періодами тоже никогда не усвоится людьми привыкшими разсчитывать на отдыхъ послѣ шестидневнаго труда. Но главный недостатокъ календаря Ромма состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что этотъ неисправимый математикъ самыя названія мѣсяцевъ предлагаетъ замѣнить простыми числами. Требовать, чтобы каждый французъ усвоилъ себѣ такую формулу, какъ напримѣръ «второе септиди четвертаго мѣсяца пятаго года единой и нераздѣльной республики» составляетъ по моему совершенно ненужное и никому никакой пользы неприносящее насиліе надъ привычками и всѣмъ умственнымъ складомъ жизни народа.

Мнѣ первый еще разъ приходилось слышать такую оцѣнку нововведенія, предложеннаго Роммомъ. Въ засѣданіяхъ конвента и клуба якобинцевъ объ этомъ нововведеніи говорили постоянно съ восторгомъ, какъ о великой побѣдѣ «науки» и «чистаго разума» надъ «жалкими предразсудками невѣжественныхъ массъ». Я не понималъ еще тогда, что жажда безслѣднаго уничтоженія всего прошедшаго и неумѣніе придумать что-нибудь новое, столь же цѣлесообразное, какъ то, что̀ желаютъ уничтожить, были единственными причинами восторга, съ которымъ конвентъ и якобинцы привѣтствовали проектъ Ромма.

На мои возраженія въ пользу этого проекта Ландэ отвѣчалъ мнѣ:

— По теоріи все это, конечно, справедливо, но въ томъ-то и бѣда, что мы чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увлекаемся всевозможными неосуществимыми теоріями и вносимъ привычку насилованія народной совѣсти въ такія вещи, гдѣ безъ него совершенно можно было бы обойтись. Довольно, кажется, и того, что для упроченія республики намъ приходится регламентировать широкими законодательными мѣрами всѣ главныя стороны общественной жизни. Недовольныхъ и безъ того слишкомъ много, незачѣмъ увеличивать ихъ числа изъ-за названія дней и мѣсяцевъ.

Конвентъ, видно, не раздѣлялъ этого мнѣнія моего почтеннаго наставника, потому что нѣсколько дней спустя, именно 5-го октября 1793 года, онъ принялъ огромнымъ большинствомъ проектъ Ромма и 6-го октября я уже получилъ «Journal des débats des Jacobins» съ помѣткою: «2-е квинтиди 1-го мѣсяца II-го года".

Сухость этой номенклатуры сразу, однакоже, бросилась всѣмъ въ глаза и черезъ двадцать дней послѣ ея оффиціальнаго утвержденія конвентъ, налагая руку на свое собственное дѣло, рѣшилъ, что тридцатидневнымъ мѣ-

сяцамъ Ромма будутъ даны «удобозапоминаемыя названія, воспроизводящія климатерическую физіономію этихъ мѣсяцевъ». Принята была номенклатура, предложенная Фабромъ д'Эглантиномъ и послѣ «перваго мѣсяца второго года» наступилъ мѣсяцъ «брюмеръ», имени котораго суждено было впослѣдствіи быть связаннымъ съ роковою эпохою переворота, погубившаго республику.

Послѣдовавъ совѣту Проспера Ландэ, я не безъ интереса слѣдилъ за различными перипетіями совершавшейся «календарной реформы» и желаніе узнать, какъ принята она публикою, заставило меня выйти отчасти изъ того добровольнаго уединенія, въ которомъ я проводилъ всю мою жизнь со времени полученія рокового письма Люцинды Сентъ-Амарантъ. Я снова сталъ прилежно посѣщать засѣданія якобинскаго клуба, становившіяся все болѣе и болѣе бурными, и возобновилъ прежнія прогулки въ садъ Пале-Эгалитé, все еще остававшійся центральнымъ пунктомъ парижской уличной жизни. Въ кофейняхъ этого сада у меня завязались нѣкоторыя случайныя знакомства. Тамъ продолжала собираться веселая молодежь, искавшая различныхъ развлеченій, по большей части далеко не похвальнаго свойства. Первое время я нѣсколько сторонился

отъ этихъ завсегдателей сада Пале-Эгалитé, но понемногу ихъ громкіе разговоры стали меня интересовать и однажды, когда безпричинно возвращавшееся воспоминаніе объ измѣнѣ Сесили Рено особенно больно защемило мое сердце, я задался неожиданно вопросомъ, не глупо ли съ моей стороны тратить лучшіе дни молодости на безплодное сожалѣніе о «невѣрной»? Поставить такой вопросъ и рѣшить его въ утвердительномъ смыслѣ было для меня дѣломъ двухъ-трехъ дней. Въ юношѣ, воспитанномъ въ строгихъ правилахъ, основанныхъ на педагогическихъ теоріяхъ Жанъ-Жака-Руссо, вдругъ заговорила кровь старорусскаго княжескаго рода Стародубскихъ, всегда славившагося неудержимостью своихъ страстей и склонностью къ широкой, эпической гульбѣ...

Легко-доступные веселые притоны Пале-Эгалитé скоро, однако же, опротивѣли мнѣ однообразіемъ тѣхъ низменныхъ удовольствій, которыхъ я жадно сталъ искать съ цѣлью заглушить окончательно, продолжавшую грызть меня тоску. Между моими новыми пріятелями нашлись безъ труда люди, готовые посвятить меня въ тайны болѣе утонченныхъ развлеченій и благодаря одному изъ нихъ я однажды вечеромъ очутился въ числѣ гостей г-жи

Сентъ-Амарантъ, содержавшей въ центрѣ города изящный игорный домъ, доступъ въ который былъ не особенно легокъ и требовалъ рекомендаціи хорошихъ знакомыхъ хозяйки. Когда изящный «мюскаденъ», скрывавшій свое аристократическое имя маркиза де-Виллье-бруэнна подъ плебейскимъ именемъ Мишоннэ, предложилъ мнѣ въ первый разъ познакомить меня съ «толстухой Сентъ-Амарантъ», я началъ съ того, что отказался на отрѣзъ. Перспектива встрѣтиться съ Люциндой просто испугала меня, но мой новый пріятель сталъ настаивать, и описывая общество, собиравшееся у «толстухи», выразилъ, между прочимъ, сожалѣніе о томъ, что дочь г-жи Сентъ-Амарантъ находится въ настоящее время въ отсутствіи, прибавивъ къ этому нѣсколько догадокъ о причинахъ этого отсутствія, вовсе не лестныхъ для нравственности молодой дѣвушки. Узнавъ, что Люцинды нѣтъ въ Парижѣ, я сталъ болѣе сговорчивъ. У меня явилась мысль, что, познакомясь съ г-жою Сентъ-Амарантъ, которой, конечно, неизвѣстны мои похожденія съ Сесиль Рено, я, можетъ быть, съумѣю вывѣдать отъ нея что-нибудь о томъ, что̀ сталось съ хорошенькою дочерью бумажнаго торговца. Поупрямившись еще нѣсколько только для фо̀рмы, я согласился на предложеніе мар-

киза де-Виллльбруэнна, который усердно доказывалъ, что мнѣ давно пора сблизиться съ людьми одного со мною общества.

«Изящныя гостинныя» г-жи Сентъ-Амарантъ, какъ было принято выражаться объ этомъ игорномъ притонѣ высшаго полета, кишили толпой самыхъ разнокалиберныхъ посѣтителей въ то время, когда мы явились туда въ одинъ изъ ненастныхъ вечеровъ второй половины ноября, т.-е. въ началѣ мѣсяца «фримера» по новому республиканскому календарю. Хозяйка, еще очень красивая и свѣжая, но немного через-чуръ полная женщина, приняла насъ очень любезно послѣ того, какъ мой спутникъ рекомендовалъ меня, слѣдуя республиканской терминологіи, «бывшимъ русскимъ вельможей». Фамилію мою маркизъ де-Виллльбруэннъ переврвлъ нещадно, такъ что я оказался уже «гражданиномъ Стадорубофскимъ», чему я, впрочемъ, очень обрадовался, такъ какъ это фантастическое прозваніе совершенно должно было сбить съ толку г-жу Сентъ-Амарантъ, если ей и доводилось слышать отъ дочери фамилію «Стародубскій», которою постоянно величали меня въ семействѣ Рено. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ хозяйкой дома, мы стали обходить длинную анфиладу богато убранныхъ комнатъ, за-

ставленныхъ длинными игорными столами, за которыми сидѣли любители «бириби» и «фараона»—двухъ азартныхъ игръ, бывшихъ наиболѣе въ модѣ въ то время.

Около игроковъ толпились любопытные, между которыми я замѣтилъ много красивыхъ женщинъ, въ еще невиданныхъ мною туалетахъ, составлявшихъ, очевидно, подражаніе женскимъ нарядамъ древнихъ римлянокъ. Эти туалеты, еще не нарушавшіе законовъ скромности, были предвѣстниками знаменитыхъ нарядовъ временъ директоріи и начинали входить въ моду, благодаря красавицѣ Терезѣ Кабаррюсъ, любовницѣ или—какъ выражались тогда—«подругѣ» Тальяна, сдѣлавшейся впослѣдствіи его женою. На улицѣ и въ мѣстахъ общественныхъ собраній, ихъ еще не было видно, потому что всякое желаніе одѣваться красиво и къ лицу считалось признакомъ «недостатка гражданскаго чувства».

Костюмы мужской части публики были чрезвычайно разнообразны и указывали прямо на разнокалиберность ея состава. Рядомъ съ щеголями, въ хорошо извѣстномъ нарядѣ «мюскаденовъ», встрѣчались темно-синіе фраки и бѣлые жилеты, составлявшіе нѣчто въ родѣ мундировъ для членовъ конвента, и неряшливыя куртки грубаго сукна, въ которыхъ любили

показываться въ публикѣ крайніе республиканцы, уже начинавшіе носить кличку эбертистовъ. Встрѣчались также и военные мундиры офицеровъ, прибывшихъ въ Парижъ съ театра военныхъ дѣйствій по какому-нибудь порученію. У одного изъ столовъ я какъ-то невольно обратилъ вниманіе на молодого артиллерійскаго капитана, оживленно разговаривавшаго съ очень юнымъ на видъ членомъ конвента, одѣтымъ въ полувоенную форму, присвоенную народнымъ представителямъ, облеченнымъ особыми порученіями (représentants du peuple en mission). Маркизъ де-Вилльбруэннъ, увидавъ этого юнаго законодателя, быстро подошелъ къ нему и съ притворною радостью воскликнулъ:

— Кого я вижу! гражданинъ Огюстенъ Робеспьеръ въ Парижѣ! Давно ли и какой добрый вѣтеръ занесъ тебя сюда!

Младшій братъ Максимиліана Робеспьера весело улыбнулся и, пожимая руку моему спутнику, отвѣчалъ:

— Привѣтъ и братство гражданину Мишоннэ! Я съ удовольствіемъ вижу, что ты остался вѣренъ своимъ привычкамъ и продолжаешь прилежно посѣщать этотъ храмъ удовольствія и капризной фортуны. Что касается до меня, то я, увы! только проѣздомъ

здѣсь и прибылъ, чтобы представить Комитету Общественной Безопасности отчетъ объ исполненной уже части данной мнѣ миссіи.

— Что не помѣшало тебѣ, однако же, заглянуть къ нашей милѣйшей Сентъ-Амарантъ,— продолжалъ маркизъ.—Такъ и надо! Полезное слѣдуетъ соединять съ пріятнымъ. Позволь тебѣ представить молодого иностранца, котораго мнѣ, послѣ долгихъ усилій, удалоcь убѣдить въ мудрости этого правила.

И, указывая на меня, онъ произнесъ съ нѣкоторою напыщенностью:

— Русскій бояринъ Стадорубофскій,—гражданинъ Робеспьеръ младшій, народный представитель.

Пожавъ мнѣ радушно руку, Огюстенъ Робеспьеръ въ свою очередь сказалъ:

— Я тоже попрошу позволенія, граждане, представить вамъ моего пріятеля и отчасти сотрудника, капитана артиллеріи Бонапарта, отличнаго офицера и горячаго патріота.

Молодой капитанъ довольно неловко поклонился намъ, бросивъ какой-то подозрительный взглядъ на черезъ-чуръ уже щеголеватый костюмъ мнимаго Мишоннэ, но какъ только Огюстенъ Робеспьеръ вступилъ съ моимъ спутникомъ въ оживленный разговоръ о какой-то Клориндѣ Сенъ-При, онъ подошелъ ко мнѣ

и сказалъ заискивающимъ голосомъ, съ довольно замѣтнымъ итальянскимъ акцентомъ:

— Мнѣ очень пріятно познакомиться съ гражданиномъ отдаленнаго сѣвера. До сихъ поръ, несмотря на все мое желаніе, случай не сводилъ меня ни съ однимъ русскимъ. Вы давно прибыли въ нашу прекрасную Францію?

— Я здѣсь выросъ и воспитывался, гражданинъ-капитанъ, отвѣчалъ я ему.—Франція съ самаго моего дѣтства сдѣлалась моимъ вторымъ отечествомъ, точно такъ же вѣроятно, какъ и для васъ, потому что вы, если не ошибаюсь, итальянецъ по происхожденію.

— Не совсѣмъ такъ,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ.——Я родомъ съ острова Корсики, который, какъ вамъ извѣстно, составляетъ нынѣ часть единой и нераздѣльной французской республики.

За этимъ вступленіемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ распросовъ о Россіи, о которой молодой артиллерійскій капитанъ имѣлъ, очевидно, самое смутное и фантастическое понятіе, но которую почему-то онъ считалъ «естественною союзницей Франціи», искренно сожалѣя о томъ, что такая «просвѣщенная государыня», какъ императрица Екатерина II-я, «перестала понимать величіе идей, нѣкогда столь ей со-

сочувственныхъ и почтенныхъ ею въ лицѣ знаменитаго Дидро». Когда я замѣтилъ, что о современномъ настроеніи русскаго правительства я не имѣю никакого понятія, уѣхавъ еще ребенкомъ изъ моего отечества, капитанъ Бонапартъ поинтересовался знать, у кого я воспитывался во Франціи и, услыхавъ имя Проспера Ландэ, спросилъ съ поразившею меня поспѣшностью:

— Воспитатель вашъ, если не ошибаюсь, находится въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ Максимиліаномъ Робеспьеромъ.

— Да, они дружны между собою.

— Такъ что вы имѣете счастіе часто встрѣчаться съ великимъ патріотомъ, надежнѣйшей опорой нашей республики!

— Мнѣ случается дѣйствительно иногда видѣться съ гражданиномъ Робеспьеромъ старшимъ,—отвѣчалъ я съ оттѣнкомъ невольной досады въ голосѣ,—но откровенно скажу вамъ, что особеннаго счастія я въ этомъ не вижу.

Бонапартъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ и на его блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ, обрамленномъ длинными прямыми волосами, мелькнула какая-то загадочная улыбка. Оглянувшись по сторонамъ, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Такъ вы не принадлежите къ числу поклонниковъ великаго трибуна?

— Я вообще не считаю нужнымъ «поклоняться» кому бы и чему бы то ни было,—отвѣчалъ я довольно рѣзко, потому что мнѣ начинали надоѣдать допросы любопытнаго корсиканца.

Собесѣдникъ мой еще разъ пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Ваше положеніе должно быть очень независимо для того, чтобы вы, въ ваши годы рѣшались громко говорить подобныя вещи!

И прежде чѣмъ я успѣлъ что-нибудь ему отвѣтить, онъ исчезъ въ толпѣ, окружавшей игорный столъ.

Оглядѣвшись кругомъ и увидавъ, что маркизъ де Виллъбруэннъ продолжаетъ оживленно бесѣдовать съ Огюстеномъ Робеспьеромъ, я двинулся далѣе и, увидавъ у слѣдующаго игорнаго стола свободное мѣсто, какъ-то неожиданно сѣлъ за игру, поддавшись нездоровому обаянію массы золота и ассигнацій, разсыпанныхъ на срединѣ этого стола. Играли въ фараонъ и я настолько зналъ правила этой азартной игры, чтобы принять въ ней участіе. Начавъ съ большой ставки, я выигралъ первый ударъ и, какъ часто случается съ новичками, продолжалъ выигрывать почти

все время, пока не кончилась игра. Испытываемое мною новое ощущеніе было очень пріятно, именно своею новостью и постоянной удачей всѣхъ моихъ, самыхъ неосторожныхъ ставокъ. О цифрѣ выигрыша я не заботился и очень удивился, когда въ концѣ игры оказалось, что я выигралъ около двадцати тысячъ франковъ.

Слухъ объ этомъ крупномъ выигрышѣ быстро разнесся въ игорныхъ залахъ и доставилъ мнѣ честь быть приглашеннымъ на ужинъ, которымъ оканчивался для «почетныхъ» посѣтителей г-жи Сентъ-Амарантъ каждый игорный вечеръ. За этимъ ужиномъ хозяйка усадила меня между собою и очень миловидною брюнеткою, которую она назвала, представляя меня ей, «гражданкою Богарнэ». По другую сторону брюнетки помѣстился Огюстенъ Робеспьеръ, тотчасъ же начавшій поддразнивать, сидѣвшаго напротивъ, капитана Бонапарта тѣмъ, что ему удалось занять ранѣе мѣсто возлѣ «прелестной Жозефины». Хорошенькая сосѣдка молодого народнаго представителя весело смѣялась и какъ-то лукаво посматривала огромными черными глазами, полускрытыми густыми и длинными рѣсницами, на хмурившагося и кусавшаго свои блѣдныя губы артиллериста. Мѣсто по дру-

гую руку хозяйки осталось свободнымъ. Красивому «мюскадену», блиставшему крупными брилліантами своихъ перстней и собравшемуся было усѣсться возлѣ хозяйки, г-жа Сентъ-Амарантъ кокетливо сказала, оттолкнувъ его своимъ вѣеромъ:

— Не сегодня, Артюръ. Это мѣсто я приберегаю для вліятельнаго гостя, который обѣщался быть къ началу ужина.

Мюскаденъ отретировался съ недовольною миною, а г-жа Сентъ-Амарантъ, любезно обращаясь ко мнѣ, сказала:

— Вы, конечно, будете очень довольны имѣть почти сосѣдомъ того, кому я берегу это мѣсто.

Почти въ ту же минуту изукрашенная золотою рѣзьбою по бѣлому фону дверь столовой съ шумомъ растворилась и раздался громкій голосъ, весело выкрикивавшій:

— А вотъ и я! Привѣтъ и братство честной компаніи!

Слова эти произнесъ человѣкъ огромнаго роста и почти невѣроятной ширины въ плечахъ, одѣтый крайне небрежно, хотя все его платье было изъ дорогихъ и модныхъ матерій. Большая голова его, крѣпко посаженная на толстой мускулистой шеѣ, была какъ-то задорно откинута назадъ. Обрамленное кое-какъ

зачесанными волосами, красное лицо дышало веселою энергіею здоровяка, любящаго и умѣющаго хорошо пожить. Крупныя, неправильныя черты этого лица были мнѣ хорошо знакомы. Во вновь прибывшемъ я сразу узналъ Дантона.

Хозяйка поспѣшно встала и пошла на встрѣчу къ знаменитому оратору, восклицая пѣвучимъ голосомъ:

— Наконецъ-то, гражданинъ-представитель! Впрочемъ лучше поздно, чѣмъ никогда.

Нѣкоторые изъ гостей г-жи Сентъ-Амарантъ тоже поднялись съ своихъ мѣстъ. Въ числѣ ихъ, какъ я замѣтилъ, былъ капитанъ Бонапартъ. Моя сосѣдка, Жозефина Богарнэ, досадливо топнула ножкой и, нахмуривъ густыя брови, сказала Огюстену Робеспьеру:

— И чего это они раболѣпствуютъ! Терпѣть не могу этого Дантона!

Молодой представитель засмѣялся и отвѣчалъ ей:

— Онъ однако же дѣлаетъ, кажется, все возможное, чтобы было напротивъ.

Дантонъ въ это время уже успѣлъ дойти до сбереженнаго ему мѣста и, грузно опустившись на указанный хозяйкою стулъ, спросилъ:

— А что, сегодня здѣсь хорошо ѣдятъ?

— Ужинъ заказанъ по вашему вкусу, граж-

данинъ,—отвѣчала кокетливо-заискивающимъ голосомъ и играя глазами, г-жа Сентъ-Амарантъ.

— Въ такомъ случаѣ можно ручаться, что все будетъ превосходно,—весело воскликнулъ Огюстенъ Робеспьеръ.—Дантонъ нашъ общій учитель въ дѣлѣ гастрономіи.

— А ты здѣсь, Огюстенъ!—отвѣчалъ ему Дантонъ, кивая дружески головою въ его сторону.—Я и не зналъ, что ты въ Парижѣ. Давно ли изъ Марсели?

— Я пріѣхалъ только вчера, — отвѣчалъ Робеспьеръ младшій.

— По дѣламъ?

— Да, съ докладомъ въ Комитетъ Общественной Безопасности.

Дантонъ налилъ себѣ полный стаканъ крѣпкаго испанскаго вина, стоявшаго передъ его приборомъ, въ граненомъ хрустальномъ графинѣ, и, положивъ безцеремонно локти на столъ, сказалъ съ какимъ-то загадочнымъ выраженіемъ лица:

— Слышалъ я, какъ вы тамъ на югѣ слезы страдальцевъ утираете. Забава пріятная, да только врядъ ли безопасная!

Огюстенъ Робеспьеръ вспыхнулъ отъ этой насмѣшки и досадливо отвѣчалъ:

— Я посланъ, какъ тебѣ извѣстно, на югъ

съ цѣлью поправить зло, причиненное черезъчуръ усердными сторонниками политики терроризма. Дѣйствуя примирительно, я только исполняю свою обязанность.

— Знаю, знаю,—отвѣчалъ Дантонъ, откидываясь на спинку стула и потягивая испанское вино.—Желаю тебѣ всякаго успѣха.

— Но не вѣришь въ него, конечно?—спросилъ вызывающимъ тономъ Огюстенъ Робеспьеръ.

Дантонъ захохоталъ такъ, что стаканы и рюмки сосѣднихъ съ нимъ приборомъ зазвенѣли.

— Разумѣется, не вѣрю,—крикнулъ онъ, ставя съ шумомъ на столъ свой опорожненный стаканъ.—Ты вотъ въ Марсели ублажаешь реакціонеровъ, да жирондистовъ, а въ Ліонѣ эти господа, ссылаясь на твое благодушіе, такія штуки затѣваютъ, что у парижанъ вскорѣ отъ нихъ затылки зачешутся. На всей линіи, отъ Ліона до Парижа, они устроили свои тайные притоны, навербовавъ себѣ въ пособницы хорошенькихъ дѣвченокъ, увлеченныхъ красивою рожицею гражданина Барбару и медоточивымъ краснорѣчіемъ гражданина Верньйо. У супруги строгонравственнаго Ролана уже сформированъ этимъ, не особенно-то нравственнымъ, путемъ цѣлый лету-

чій эскадронъ, во вкусѣ знаменитаго летучаго эскадрона Катерины Медичисъ!

Я замѣтилъ, что при этихъ словахъ хозяйка дома какъ будто смутилась и украдкой бросила испуганный взглядъ на Дантона. Вспомнивъ о письмѣ Люцинды Сентъ-Амарантъ, я тоже почувствовалъ какое-то невольное смущеніе и ждалъ, чтò отвѣтитъ Дантону Огюстенъ Робеспьеръ, но Жозефина Богарнэ не дала продолжать начавшійся разговоръ. Она съ капризною кокетливостью избалованнаго ребенка застучала ножомъ по своей тарелкѣ, воскликнувъ:

— Здѣсь не дозволяется говорить о политикѣ!

— Вы правы, гражданка,—отвѣчалъ съ тяжеловѣсною любезностью Дантонъ, дѣлая ей масляные глазки.—Въ присутствіи грацій не слѣдуетъ давать первенства Ѳемидѣ и Немезидѣ.

— И въ особенности не слѣдуетъ говорить дурно о жителяхъ юга, въ присутствіи уроженки тропическихъ странъ,—вставилъ свое слово, молчавшій до тѣхъ поръ, капитанъ Бонапартъ, умильно поглядывая на Жозефину.

— Вы клевещете на нашъ полъ, господа,—раздался голосъ съ другого конца стола.—Въ странѣ, провозгласившей равенство осно-

вой своего политическаго символа, странно утверждать, что съ нами слѣдуетъ обращаться какъ съ дѣтьми!

Это возраженіе было сдѣлано довольно красивой женщиной, лѣтъ 35-ти, бѣлокурые волосы которой были собраны на макушкѣ головы въ вычурную прическу, воспроизводившую довольно вѣрно прически древнихъ римскихъ императрицъ.

Дантонъ посмотрѣлъ въ ея сторону и, привѣтливо кивнувъ ей головою, сказалъ:

— Для васъ, гражданка Олимпія де-Гужъ, мы дѣлаемъ, конечно, исключеніе. Муза трагедіи имѣетъ право на это.

Я не безъ любопытства взглянулъ на «музу трагедіи». Имя Олимпіи де-Гужъ было мнѣ извѣстно. Вмѣстѣ съ Теруань де Миркуръ и нѣкоторыми другими горячими поклонницами республики, эта бездарная кропательница скучнѣйшихъ трагедій и поэмъ употребляла всевозможныя усилія, чтобы обращать на себя какъ можно болѣе вниманіе публики.

Дантонъ ограничился, однакоже, своимъ дубоватымъ комплиментомъ и тотчасъ же обратился къ Жозефинѣ Богарнэ, интересовавшей его очевидно гораздо болѣе, чѣмъ навязчивая драматическая писательница. Хорошенькая креолка отвѣчала ему не особенно охотно, и

чтобы отвязаться отъ его любезностей, завела разговоръ со мною о моемъ крупномъ выигрышѣ.

Дантонъ, продолжавшій все время пить испанское вино, стоявшее передъ нимъ, посмотрѣлъ на меня съ любопытствомъ и сказалъ съ оттѣнкомъ пренебреженія:

— Быть счастливымъ въ игрѣ въ такіе молодые годы—плохая рекомендація.

— Я сегодня игралъ въ первый разъ,— отвѣчалъ я, нѣсколько обидѣвшись,—а новичкамъ всегда, говорятъ, везетъ при ихъ дебютѣ на зеленомъ полѣ.

— А вотъ мы послѣ ужина посмотримъ, вѣрна ли эта поговорка,—сказалъ Дантонъ.— Угодно вамъ вторично попробовать счастья со мною?

Польщенный невольно такимъ предложеніемъ одного изъ вождей республики, я отвѣчалъ согласіемъ. Дантонъ, успѣвшій выпить еще стаканъ вина, сталъ торопить подачею блюдъ хозяйку, и кончилъ тѣмъ, что спросилъ меня, не хочу ли я начать партію тотчасъ же?

Я взглянулъ въ недоумѣніи на хозяйку, но она повидимому не нашла ничего страннаго или невѣжливаго въ предложеніи Дантона, и тотчасъ же распорядилась приготовить карты въ сосѣдней комнатѣ.

Извинившись передъ г-жею Сентъ-Амарантъ и Жозефиной Богарнэ, которая до упаду смѣялась странной фантазіи Дантона, я послѣдовалъ за моимъ неожиданнымъ партнеромъ. Дантонъ предложилъ ланскнэ и у насъ завязалась крупная игра.

Счастье продолжало мнѣ благопріятствовать. Дантонъ проигрывалъ ставку за ставкой и черезъ четверть часа, пошаривъ въ карманахъ, объявилъ, что онъ проигралъ всѣ бывшія при немъ деньги. Я вѣжливо предложилъ продолжать игру на честное слово, но онъ отказался и, положивъ карты на столъ, сказалъ:

— Наша милѣйшая хозяйка назвала мнѣ вашу фамилію, гражданинъ, но я ее плохо разслышалъ. Позвольте узнать имя моего побѣдителя.

Я назвалъ себя, произнося какъ всегда свою фамилію съ французскими удареніями и съ окончаніемъ на и.

Дантонъ вскинулъ на меня отяжелѣвшими глазами и спросилъ:

— Вы—русскій и живете у моего сотоварища по конвенту, Проспера Ландэ?

— Вы не ошибаетесь, гражданинъ,—отвѣчалъ я съ удивленіемъ.—Позвольте узнать, какимъ образомъ...

— Какимъ образомъ извѣстно мнѣ все

это?—перебилъ онъ, какъ-то загадочно улыбаясь.—Случай, гражданинъ! чистый случай! Мнѣ, видите ли, на дняхъ мои агенты въ Немурѣ сообщили копію съ одного, очень загадочнаго письма, посланнаго по почтѣ на ваше имя. Въ этомъ письмѣ шла рѣчь о какой-то таинственной незнакомкѣ, которая, какъ говорится, оставила васъ съ носомъ. Теперь меня не удивляетъ ваша удача въ игрѣ. Жаль только, что имя этой особы остается мнѣ неизвѣстнымъ. Судя по тому, отъ кого вы получили письмо, есть основаніе предполагать, что ваша возлюбленная бросила васъ для того, чтобы поступить въ тотъ летучій эскадронъ гражданки Роланъ, о которомъ я упомянулъ за ужиномъ не безъ умысла, зная, что дочь толстухи Сентъ-Амарантъ состоитъ одной изъ вербовщицъ этой опасной женской команды.

Я былъ до того озадаченъ, что не зналъ, что̀ отвѣтить, и молчалъ. Дантонъ, предполагая вѣроятно, что я боюсь послѣдствій сдѣланнаго имъ открытія, покровительственно потрепалъ меня по плечу и сказалъ:

— Успокойтесь, мой юный другъ. Намъ хорошо извѣстно, что вы непричастны къ реакціонной интригѣ, которую мы выслѣживаемъ. Въ Комитетѣ Общественной Безопасности, за̀ вашъ цивизмъ поручился самъ великій Мак-

симиліанъ. Не повѣрить такому ручательству мы, смиренные смертные, конечно, не смѣемъ и думать.

Въ тонѣ, которымъ были произнесены эти слова, слышалась досада и раздраженіе. Дантонъ, очевидно, завидовалъ Максиміліану Робеспьеру. Меня его послѣдняя фраза еще болѣе встревожила и смутила. Оказывалось, что часть моей тайны была извѣстна грозному Комитету Общественной Безопасности и, вѣроятно, уже послужила для розысковъ его безчисленныхъ полицейскихъ агентовъ. Всѣ жертвы, принесенныя мною для того, чтобы спасти отъ бѣды Сесиль Рено и ея семейство, могли такимъ образомъ пропасть даромъ!

Ужинъ между тѣмъ кончился и Дантонъ, все продолжая сидѣть противъ меня, окликнулъ Огюстена Робеспьера и взялъ у него въ займы нѣсколько луидоровъ. Мы возобновили игру и на этотъ разъ счастье перешло на сторону моего противника. Дантонъ вернулъ весь свой проигрышъ и выигралъ у меня еще десять тысячъ франковъ. Забастовавъ, онъ еще разъ похлопалъ меня по плечу и сказалъ:

— Посмотрите, что съ сегодняшняго вечера къ вамъ вернется удача въ любви.

Я поспѣшилъ раскланяться съ хозяйкой дома и оставилъ игорный притонъ въ то время, когда

во всѣхъ его залахъ возобновлялась съ удвоеннымъ оживленіемъ азартная игра.

Выйдя на улицу, я сталъ немедленно думать о средствахъ предотвратить опасность, грозившую семейству Рено вообще и Сесили въ особенности. Очевидною необходимостью являлось прежде всего предупредить отца молодой дѣвушки, но для этого надо было видѣться съ нимъ, а я не зналъ, возвратился ли бумажный торговецъ въ Парижъ, потому что не заглядывалъ ни разу въ улицу de la Lanterne послѣ неудачной попытки, сдѣланной въ тотъ день, когда я получилъ письмо Люцинды Сентъ-Амарантъ. Надо было на слѣдующій же день навѣдаться въ «Papeterie des amis de la liberté».

XIII.

Въ бумажномъ магазинѣ Камилля Рено, я опять нашелъ толстую старуху, о которой было говорено выше. Она сообщила мнѣ, что хозяинъ магазина пріѣзжалъ нѣсколько дней назадъ изъ Немура и снова отправился, уже не въ Немуръ, а въ Ліонъ. Что касается до его жены, то она по прежнему оставалась въ Немурѣ у Терезы Рено потому, что вслѣдъ за своимъ пріѣздомъ въ этотъ городъ захворала очень серьезно и съ тѣхъ поръ никакъ не можетъ поправиться.

Извѣстить письменно мать Сесили о томъ, что̀ я узналъ изъ страннаго разговора съ Дантономъ, не представлялось никакой возможности. Я не могъ имѣть послѣ этого разговора уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ письма, посылаемыя въ Немуръ и изъ Немура, вскрываются на почтѣ и прочитываются съ особенною тщательностью. Ѣхать самому для личнаго объясненія было столь же опасно, потому что агенты Комитета Общественной Без-

опасности уже, конечно, слѣдили за каждымъ моимъ шагомъ. Оставалось одно средство—попытаться дѣйствовать черезъ г-жу Сентъ-Амарантъ.

Очень мнѣ не хотѣлось посвящать эту двусмысленную женщину въ мои тайны, но другого пути не было. Прямо изъ улицы de la Lanterne, я отправился въ ея игорный притонъ.

Красивая субретка плутоватаго вида, отворившая мнѣ дверь, объявила, что ея госпожа еще спитъ, потому что вчерашнее собраніе затянулось до разсвѣта. На мой вопросъ, въ которомъ часу можно будетъ видѣть хозяйку дома, субретка отвѣчала, какъ-то двусмысленно улыбаясь и пристально глядя мнѣ въ глаза, что если я имѣю личное дѣло до г-жи Сентъ-Амарантъ и уже знакомъ съ нею, то она, можетъ быть, приметъ меня еще не вставая съ постели, часовъ около двухъ пополудни, въ противномъ же случаѣ мнѣ придется ждать часовъ до шести вечера, такъ какъ въ три часа у ея г-жи назначено «дѣловое свиданіе».

Я очень хорошо понялъ, куда клонила безстыдная горничная, и рѣшился воспользоваться ея заблужденіемъ. Притворяясь нѣсколько сконфуженнымъ и въ то же время очень обрадованнымъ, я сунулъ ей въ руку нѣсколько

золотыхъ монетъ и, написавъ свое имя на клочкѣ бумаги, сталъ убѣдительно просить, чтобы она помогла мнѣ повидаться съ г-жею Сентъ-Амарантъ не позже двухъ часовъ пополудни. Субретка сунула деньги въ карманъ своего передника и съ циническою улыбкою сказала, взявъ меня покровительственно двумя пальцами за подбородокъ:

— Понимаю! мы постараемся устроить это дѣло. Заходите къ двумъ часамъ.

Она сдержала слово, и въ назначенное время я очутился въ богато убранной спальнѣ содержательницы игорнаго вертепа. Г-жа Сентъ-Амарантъ, уже набѣленная, нарумяненная и причесанная, съ изысканной небрежностью лежала въ постели подъ свѣтло-голубымъ шелковымъ одѣяломъ, прикрывавшимъ ее до шеи, на одѣялѣ валялась бумажка съ моимъ именемъ, данная мною горничной.

Перезрѣлая кокетка встрѣтила меня шутливыми сѣтованіями на «насиліе, котораго она дѣлается жертвою», но какъ только мы остались вдвоемъ, я поспѣшилъ положить конецъ ея противнымъ заигрываніямъ, объявивъ въ нѣсколькихъ словахъ цѣль моего визита. Услыхавъ, что Дантону извѣстно участіе Люцинды въ проискахъ жирондистовъ, содержательница игорнаго дома перемѣнилась въ лицѣ и при-

поднялась на постели, глядя на меня испуганными глазами.

— Я говорила этой сумасшедшей, что она попадетъ въ бѣду! — прокричала она визгливымъ голосомъ и заламывая свои полныя, еще очень красивыя руки, обнаженныя до самыхъ плечъ. — Она не послушалась, а теперь мнѣ придется расплачиваться за ея сумазбродныя затѣи. Мы погибли безвозвратно! Боже мой, Боже мой!

Я старался успокоить ее, говоря, что дѣло еще можно поправить при помощи того же Дантона, если только ей удастся убѣдить Люцинду и ея вѣроятныхъ сообщницъ, отказаться отъ ихъ опаснаго предпріятія. Она поняла не сразу, но все-таки поняла, и объявила, что найдетъ средство дать знать дочери о томъ, что̀ я ей сообщилъ. Нѣсколько успокоенный, я вышелъ изъ богатой спальни г-жи Сентъ-Амарантъ и нашелъ въ себѣ столько хладнокровія, чтобы улыбнуться съ притворнымъ самодовольствіемъ на наглую фразу субретки:

— Если гражданинъ иностранецъ доволенъ своимъ визитомъ, то я и впредь къ ѐго услугамъ на тѣхъ же условіяхъ.

На другой же день субретка г-жи Сентъ-Амарантъ получила отъ меня нѣсколько золотыхъ и провела въ спальню къ своей хо-

зяйкѣ, которая сообщила мнѣ, что одно «довѣренное лицо», знающее, гдѣ находится въ настоящее время Люцинда, взялось предувѣдомить молодую дѣвушку о грозящей опасности. Испугъ г-жи Сентъ-Амарантъ уже совершенно прошелъ и она самоувѣренно повторяла теперь, какъ нѣчто, до чего она сама додумалась, то, что̀ говорилъ я ей о возможности замять дѣло черезъ Дантона. Вѣтренная женщина даже пустилась-было кокетничать со мною весьма развязнымъ образомъ, но я сразу положилъ конецъ ея вызывающимъ ужимкамъ, попросивъ ее серьезнымъ тономъ увѣдомить меня о результатахъ сообщенія, посланнаго ея дочери, и вручивъ ей для этого мой адресъ, поспѣшилъ откланяться.

Съ этого дня началась для меня невыносимо тревожная жизнь. Каждый день ожидалъ я получить записку отъ г-жи Сентъ-Амарантъ, но никакой записки не приходило. Между тѣмъ Парижъ все болѣе и болѣе волновался слухами о крамольныхъ замыслахъ укрывавшихся на югѣ жирондистовъ. Въ клубахъ якобинцевъ и кордельеровъ все чаще и чаще раздавались требованія безпощадныхъ мѣръ противъ всѣхъ заподозрѣнныхъ. Парижская коммуна, пользуясь случаемъ, начинала громко претендовать на властный контроль

надъ дѣйствіями конвента. Мэръ города Парижа, добродушный и недалекій Пашъ, покорно исполнялъ всѣ дикія требованія прокурора коммуны Эбéра и его достойнаго товарища Шометта. Въ собраніи народныхъ представителей эти два отчаянные террориста находили себѣ поддержку въ группѣ тайныхъ недоброжелателей Максимиліана Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона. Готовилась исподволь та безумная оргія эбертистовъ, которая извѣстна подъ именемъ «провозглашенія религіи Разума». Я былъ свидѣтелемъ возмутительныхъ сценъ введенія этого новаго культа и въ первый разъ почувствовалъ нѣкоторое колебаніе во взглядахъ, усвоенныхъ мною съ дѣтства на религію. Отъ философскихъ отвлеченностей Руссо и отъ научнаго отрицанія Вольтера было такъ далеко до отвратительныхъ маскарадныхъ процессій, въ которыхъ роль богини Разума разъигрывали безстыдныя куртизанки, извѣстныя цѣлому Парижу! Здравомыслящіе люди брезгливо сторонились отъ этихъ сатурналій: мой наставникъ Просперъ Ландэ становился все задумчивѣе и пасмурнѣе; Максимиліанъ Робеспьеръ, часто заходившій къ намъ по вечерамъ, злился и осыпалъ бранью эбертистовъ и клялся страшными

клятвами, что онъ найдетъ средство положить конецъ ихъ безумію.

Около половины мѣсяца нивоза, т. е. въ первыхъ числахъ января 1794 года, измученный нѣсколькими недѣлями напраснаго ожиданія извѣстій отъ г-жи Сентъ-Амарантъ, но не желая возобновлять моихъ утреннихъ посѣщеній къ ней, я отправился, въ качествѣ уже «посвященнаго», на одинъ изъ ея игорныхъ вечеровъ, даваемыхъ по три раза въ каждую декаду. Публики за игорными столами было, какъ всегда, множество, хозяйку я нашелъ въ ея будуарѣ, любезничавшею съ нѣсколькими членами конвента, въ числѣ которыхъ были, хорошо мнѣ извѣстные въ лицо Баррерь и Тальянъ. Г-жа Сентъ-Амарантъ привѣтливо протянула мнѣ руку и сказала мнѣ вскользь:

— Какъ вы давно не заглядывали сюда, гражданинъ! Въ вашемъ отсутствіи моя дочь Люцинда, съ которою вы, кажется, немного знакомы, успѣла вернуться въ Парижъ. Она теперь въ желтой гостиной и будетъ очень рада съ вами встрѣтиться.

Я поспѣшилъ въ «желтую гостиную», ту самую комнату, гдѣ происходилъ мой роковой разговоръ съ Дантономъ. Люцинда сидѣла тамъ на диванѣ рядомъ съ Жозефиной Бо-

гарнэ и любезничала съ какими-то двумя щеголями, совсѣмъ не произносившими буквы *р* по начинавшейся въ то время модѣ. Увидавъ меня, молодая дѣвушка какъ будто немного смутилась, но оправившись привѣтливо протянула мнѣ руку и усадила возлѣ себя на диванъ, приглашая высказать мое мнѣніе въ спорѣ о томъ, кому изъ двухъ тогдашнихъ первыхъ танцовщиковъ парижской балетной труппы, Эллевіў или Вестрису, слѣдуетъ отдать пальму первенства.

Я отвѣчалъ, что, не посѣщая вовсе балетныхъ представленій, не имѣю ни малѣйшаго понятія ни о томъ, ни о другомъ. Жозефина Богарнэ назвала меня за это «варваромъ» и «полярнымъ медвѣдемъ», а оба франта чуть не упали въ обморокъ отъ ужаса и объявили (выкидывая букву *р*), что «гражданинъ иностранецъ вѣроятно хочетъ прослыть оригиналомъ».

Люцинда воспользовалась этимъ гвалтомъ, чтобы шепнуть мнѣ:

— Идите въ первую игорную залу и ждите тамъ меня.

Посидѣвъ еще нѣсколько минутъ въ желтой гостиной, я всталъ и отправился на мѣсто свиданія, назначеннаго мнѣ молодой дѣвушкой. Она не заставила себя долго ждать

и черезъ четверть часа мы уже медленно двигались рука объ руку по длинной анфиладѣ игорныхъ залъ, съ трудомъ проталкиваясь въ толпѣ посѣтителей г-жи Сентъ-Амарантъ.

Въ одной изъ этихъ залъ у статуи натягивающаго свой лукъ амура, какъ бы оберегавшаго доступъ въ небольшую нишу, гдѣ помѣщались два невысокія кресла въ псевдо-античномъ стилѣ, Люцинда остановилась и сказала мнѣ: — присядемте здѣсь, намъ удобнѣе будетъ разговаривать.

Я повиновался и черезъ минуту мы очутились почти совершенно скрытыми за пьедесталомъ статуи отъ глазъ двигавшейся по залѣ толпы.

— Я должна прежде всего поблагодарить васъ за ваше обязательное предостереженіе, хотя оно собственно обращено было не ко мнѣ, — начала Люцинда, лукаво улыбаясь.— Опасность была не такъ велика, какъ вы повидимому полагали, но все-таки сообщенное вами извѣстіе помогло намъ избѣгнуть разныхъ непріятныхъ придирокъ и непріятностей и устроить дѣла такъ, чтобы возникшія подозрѣнія не могли помѣшать ихъ успѣху. Я у васъ отнынѣ въ долгу и спѣшу расквитаться, сообщивъ вамъ всѣ могущія интере-

совать васъ свѣдѣнія объ извѣстной особѣ. Спрашивайте, я буду отвѣчать.

Это вступленіе сильно смутило меня. Люцинда говорила такъ спокойно и самоувѣренно, такъ мало смущалась мыслью, что я могу обвинить ее въ случившемся, что я рѣшительно не зналъ, какъ приступить къ распросамъ. Помолчавъ минуту, я сказалъ:

— По многимъ причинамъ мнѣ не легко воспользоваться вашимъ обязательнымъ предложеніемъ. Не будетъ-ли лучше, если вы сами сообщите мнѣ, что̀ можете и признаете нужнымъ сообщить.

— Пожалуй!—отвѣчала, подумавъ, молодая дѣвушка.—Въ такомъ случаѣ слушайте! Я рѣшительно ни въ чемъ неповинна передъ вами. Мнѣ не только не приходило въ голову отговаривать Сесиль отъ ея согласія сдѣлаться вашею женою, а напротивъ, я употребила все возможное, чтобъ убѣдить ее не возвращаться къ прежнимъ мыслямъ о служеніи дѣлу жирондистовъ. Сесиль меня не послушалась. На другой день послѣ вашего отъѣзда изъ Немура, туда явился одинъ агентъ скрывающихся депутатовъ Жиронды. Онъ имѣлъ порученіе отъ г-жи Роланъ обратиться къ вашей невѣстѣ съ требованіемъ ея содѣйствія, такъ какъ она уже давно извѣстна вождямъ

жирондистовъ за экзальтированную поклонницу Барбару. Сесиль потребовала сутки на размышленіе и на другой же день послала съ нарочнымъ за мною въ Шатильонъ, куда я была послана моею матерью по порученію парижскихъ друзей супруговъ Роланъ, Верньйо и Кондорсѐ. Когда я прибыла въ Немуръ, рѣшеніе ея отказаться отъ союза съ вами было принято безповоротно. Она просила меня написать вамъ объ этомъ, а сама изъявила намѣреніе отправиться черезъ нѣсколько дней въ Ліонъ, для того, чтобы получить инструкціи отъ вождей Жиронды. Зная ея горячій характеръ и неосторожность, я рѣшилась сдѣлать послѣднее усиліе и тотчасъ дала знать о ея намѣреніи ея отцу и матери черезъ вѣрнаго человѣка, отправлявшагося въ Парижъ. Г. Рено и его жена поспѣшили въ Немуръ, но уже не застали тамъ дочери. Старуха, перепуганная и разстроенная, сдѣлалась больна, а самъ Рено, вернувшись въ Парижъ, чтобъ устроить дѣла по магазину и добыть денегъ для дальнѣйшей поѣздки, бросился въ Ліонъ. Болѣе двухъ недѣль провелъ онъ тамъ, убѣждая дочь отказаться отъ ея сумасбродныхъ намѣреній, но не добился никакого результата и вернулся въ отчаяніи въ Немуръ, гдѣ г-жа Рено лежала въ сильнѣйшей горячкѣ. Бѣд-

някъ и до сихъ поръ, вѣроятно, былъ бы не въ состоянія вернуться въ Парижъ, хотя жена его и выздоровѣла. Оба они собирались ѣхать въ Ліонъ уговаривать снова Сесиль, когда ваше предостереженіе заставило ліонскихъ жирондистовъ отправить какъ можно скорѣй мою подругу въ Парижъ, во избѣжаніе подозрѣній. Въ Немурѣ, семья Рено, наконецъ, соединилась и вернулась сюда на дняхъ...

— Такъ Сесиль снова въ Парижѣ?—радостно воскликнулъ я.

— Да, но вамъ, мой бѣдный другъ, радоваться этому нечего. Мнѣ поручено передать вамъ твердое намѣреніе вашей невѣсты, не видѣться болѣе съ вами. Зная ваше рыцарское благородство, она именемъ прошлаго умоляетъ васъ не возвращаться болѣе никогда въ улицу de la Lanterne и не дѣлать никакихъ попытокъ сближенія съ нею. Исполните ли вы эту просьбу?

— Наша русская пословица говоритъ, что «насильно милъ не будешь»,—отвѣчалъ я уныло.—Передайте гражданкѣ Сесиль, что я въ точности исполню ея жестокое требованіе.

Люцинда какъ-то странно вздрогнула и поглядѣла на меня глазами, въ которыхъ было написано безпокойство.

— «Гражданкѣ Сесиль»! — сказала она. —

Что̀ значитъ это выраженіе въ разговорѣ со мною, г. Стародубскій? Послѣ того что̀ вы сдѣлали для насъ, я никакъ не ожидала его слышать.

— Почему же? Или вы полагаете, что спасая мою бывшую невѣсту отъ опасности, я отрекся отъ моихъ, хорошо извѣстныхъ вамъ убѣжденій?—спросилъ я, грустно улыбаясь.

— Признаюсь, что я не особенно вѣрила въ искренность этихъ убѣжденій,—отвѣчала она. —И мнѣ, и Сесили казалось, что вы просто увлекаетесь примѣромъ вашего наставника и его друзей. Ваше обращеніе къ моей матушкѣ еще болѣе убѣдило насъ въ этомъ...

— Въ такомъ случаѣ, вы сильно ошибались. Я остался вѣренъ своимъ взглядамъ, но взгляды эти не превратили меня въ безсердечнаго террориста. Не говоря уже о томъ, что спасти Сесиль отъ грозящей ей бѣды было моею прямою обязанностью, я желалъ въ этомъ случаѣ оказать услугу и жирондистамъ, которыхъ вовсе не считаю такими опасными для республики людьми, какими провозглашаютъ ихъ у насъ въ клубѣ якобинцевъ.

Лицо Люцинды приняло вдругъ холодное и досадливое выраженіе. Она порывисто встала съ своего кресла и сказала измѣнившимся тономъ:

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается попросить у васъ извиненія въ моей ошибкѣ и еще разъ поблагодарить васъ за оказанную намъ услугу.

Я молча поклонился и вышелъ изъ-за пьедестала статуи Амура.

XIV.

Не оставалось болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что Сесиль Рено потеряна для меня навсегда. Причины страннаго переворота, происшедшаго такъ быстро и неожиданно въ чувствахъ моей бывшей невѣсты, я не зналъ, но смутно начиналъ подозрѣвать, что вся наша немурская идиллія была съ ея стороны не болѣе какъ простымъ капризомъ болѣзненно-настроеннаго воображенія. Соображая, что молодая дѣвушка захворала тотчасъ же по возвращеніи съ ужасной сцены казни Шарлотты Кордэ, я начиналъ спрашивать себя иногда, не произвела ли эта сцена на умъ Сесили одно изъ тѣхъ двойственныхъ впечатлѣній, которыя въ одно и то же время увлекаютъ пылкія головы на подражаніе примѣру павшей жертвы и приводятъ ихъ въ невольный ужасъ при мысли, что ихъ можетъ постигнуть та же страшная участь. Подъ вліяніемъ такого ужаса Сесиль могла ухватиться

за мою любовь къ ней, какъ за средство совершенно заградить дорогу мыслямъ о подражаніи Шарлоттѣ Кордэ. Догадка эта казалась мнѣ иногда наиболѣе вѣроятною, но въ такія минуты я съ внутреннимъ трепетомъ задавалъ себѣ вопросъ, чѣмъ же кончитъ несчастная дочь бумажнаго торговца? и боялся дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Постоянныя думы о Сесили Рено становились невыносимо тяжелыми и, чтобы какъ-нибудь отогнать ихъ, я сталъ снова усердно заниматься происходившими вокругъ меня политическими событіями, стараясь стоять какъ можно ближе къ совершающемуся, а при удобномъ случаѣ и принимать въ немъ непосредственное участіе. Клубъ якобинцевъ былъ отличнымъ подспорьемъ для осуществленія этого плана. Его безпорядочныя и шумныя засѣданія начинали играть рѣшающую роль въ судьбахъ республики. Съ каждымъ днемъ все чаще слышались фразы: «якобинцы рѣшили», «якобинцы несогласны», замѣняющія фразы: «конвентъ постановилъ», «конвентъ отвергъ». Въ вечернихъ засѣданіяхъ клуба, дѣятельность представителей народа обсуждалась въ формахъ прямо подразумѣвавшихъ, что якобинцы имѣютъ право контроля надъ этою дѣятельностью. Изъ провинцій начинали приходить въ знаменитый

клубъ настоящія апелляціи на законодательное собраніе республики и даже прямыя требованія заставить его принять ту или другую мѣру. Члены конвента, состоявшіе членами клуба якобинцевъ, не только не протестовали противъ подобныхъ выходокъ, но сами пользовались клубомъ, чтобы влiять на рѣшенія конвента. Максимиліанъ Робеспьеръ не составлялъ исключенія. Съ того дня, какъ восторжествовалъ вмѣстѣ съ терроромъ такъ-называемый эбертизмъ, и конвентъ, подъ давленіемъ уличной толпы, отнесся сочувственно къ публичному отступничеству нѣсколькихъ конституціонныхъ епископовъ, объявившихъ, что они отрекаются отъ «заблужденій христіанства», Робеспьеръ сталъ вести въ клубѣ якобинцевъ упорную и ожесточенную борьбу противъ Эбера и главныхъ его единомышленниковъ, въ особенности противъ пруссака Клоотса, принявшаго имя Анахарсиса взамѣнъ своего христіанскаго имени Жана-Баптиста. Въ этомъ случаѣ всѣ мои симпатіи были на сторонѣ знаменитаго трибуна. Слушая его пламенныя рѣчи въ клубѣ якобинцевъ и наблюдая за впечатлѣніемъ, которое производили онѣ на сторонниковъ террора, я начиналъ понимать ту неизмѣримую разницу, которая существовала между Робеспьеромъ и его мно-

гочисленными политическими соперниками. Бесѣды Максимиліана съ Проспероміъ Ландэ, на которыхъ я теперь старался присутствовать какъ можно чаще, еще болѣе разъясняли для меня эту разницу. Въ откровенныхъ разговорахъ съ моимъ наставникомъ, Робеспьеръ прямо сознавался, что онъ еще не знаетъ, кого онъ ненавидитъ болѣе—враговъ ли республики, желающихъ возстановленія монархіи, или террористовъ, компрометирующихъ существующій порядокъ вещей своими крайностями.

— Съ монархистами справиться было бы не трудно,—говорилъ онъ,—еслибъ только имъ не помогали разные плуты и сумасшедшіе въ родѣ Тальяна, Фуше, Каррье, Клоотса, Эбера и т. д. Мы низвергли монархію для блага страны и если народъ въ огромномъ большинствѣ отнесся сочувственно къ совершенному нами перевороту, то ужь конечно не потому что понималъ философскую нелѣпость низвергнутаго порядка вещей, а потому, что надѣялся, что при республикѣ ему будетъ лучше жить. Оправдайся вполнѣ это ожиданіе—монархисты ничего бы не могли сдѣлать противъ насъ. Наиболѣе благоразумные и себялюбивые кончили бы тѣмъ, что перешли бы на нашу сторону, а отъ другихъ мы бы из-

бавили страну, облегчая имъ средства къ эмиграціи, а съ упорными фанатиками кончая, пожалуй, и гильотиною. Къ несчастью, Эберы, Клоотсы и Каррье разрушаютъ все, что успѣваемъ мы сдѣлать для блага страны и народа. По милости этихъ негодяевъ почти ни одно изъ предпріятій нашихъ не удается какъ слѣдуетъ. Благосостояніе не увеличивается, доносы, возведенные въ систему, не даютъ спокойно жить никому, оффиціально водворяемый въ республикѣ атеизмъ возмущаетъ сердца большинства. Видѣть все это и не пытаться противодѣйствовать обороту, принимаемому дѣлами, я не могу. Надо положить конецъ всѣмъ крайностямъ и безчинствамъ эбертизма, приводящимъ втайнѣ въ восторгъ вожаковъ монархическаго заговора. Терроръ, ужь если онъ существуетъ, долженъ быть нашимъ оружіемъ противъ всѣхъ безъ исключенія, кто мѣшаетъ республикѣ упрочиться и сдѣлаться любезной народу.

Просперъ Ландэ часто оспаривалъ подобныя мнѣнія своего друга, доказывая, что насиліе, употребляемое даже съ благою цѣлью, никогда не можетъ привести къ добру; но Робеспьеръ попрежнему называлъ его за это «неисправимымъ мечтателемъ» и мнѣ начинало иногда казаться, что онъ правъ!

Между тѣмъ клубъ якобинцевъ, все еще находившійся почти всецѣло подъ вліяніемъ Максимиліана, начиналъ вступать чуть не въ открытую борьбу съ клубомъ кордельеровъ, гдѣ первенствовали Эберъ, Шометтъ и прочіе члены парижской коммуны. Антагонизмъ этихъ двухъ клубовъ разгорался все болѣе и болѣе. Въ самомъ конвентѣ стали ясно обрисовываться двѣ, тайно враждующія между собою группы сторонниковъ и противниковъ Робеспьера. Дантонъ почти открыто перешелъ въ лагерь послѣднихъ, благодаря ловко веденной интригѣ Баррера и Фуше. Камиллъ Демулэнъ, опутанный тѣми же интригами, начиналъ толковать въ своемъ журналѣ объ опасностяхъ «диктатуры», которую будто бы желаетъ захватить въ свои руки «краснорѣчивый ораторъ, до сихъ поръ довольствовавшійся, какъ лучшею наградою за гражданскую доблесть, высоко-лестнымъ прозваніемъ неподкупнаго». Становилось ясно, что готовится борьба, въ которой Робеспьеръ долженъ будетъ или разгромить всѣхъ своихъ недоброжелателей, или погибнуть самъ...

Мало-по-малу захватывающій интересъ этой борьбы, имѣвшей такое громадное и рѣшающее вліяніе на дальнѣйшую судьбу Франціи, овладѣлъ моимъ вниманіемъ до такой сте-

пени, что стали выдаваться дни, когда я только мимоходомъ вспоминалъ о моемъ личномъ горѣ, озабоченный тѣмъ, какъ разыграется тотъ или другой эпизодъ, возбужденный наканунѣ въ клубѣ якобинцевъ. Инстинктивное отвращеніе, которое внушалъ мнѣ Робеспьеръ, не исчезло окончательно, но его пересиливало очень часто сочувствіе къ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ онъ пробовалъ добиться, безпощадно преслѣдуя въ своихъ рѣчахъ крайности террористовъ и эбертистовъ. Робеспьеръ, повидимому, замѣчалъ происшедшую во мнѣ перемѣну и ему случалось въ спорахъ съ Просперомъ Ландэ обращаться иногда прямо ко мнѣ съ очевидною увѣренностію, что я выскажусь въ смыслѣ тѣхъ идей, которыя онъ развивалъ; но эти обращенія не мѣшали ему безпрестанно подтрунивать надъ моими республиканскими симпатіями и пророчить, что моя «сантиментальная дурь» пройдетъ съ годами. Однажды, когда его сарказмы показались мнѣ почему-то особенно чувствительными, я не выдержалъ и спросилъ его:

— Скажите, пожалуйста, гражданинъ-представитель, что̀ заставляетъ васъ съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдовать меня своими насмѣшками и нынѣ, когда мнѣ такъ часто приходится поневолѣ соглашаться съ вами?

Робеспьеръ улыбнулся и, потрепавъ меня по плечу, отвѣтилъ:

— Лично вы тутъ не при чемъ, мой юный другъ. Въ вашемъ лицѣ я преслѣдую всѣхъ вообще иностранцевъ, налетѣвшихъ со всѣхъ сторонъ во Францію съ требованіями себѣ права вмѣшиваться въ наши дѣла подъ тѣмъ предлогомъ, что они сочувствуютъ республиканской формѣ правленія. Эти выходцы съ своимъ нелѣпымъ запѣвалой Клоотсомъ только вооружаютъ противъ насъ монархическую Европу, а я считаю ея недоброжелательство фактомъ, тѣмъ болѣе прискорбнымъ для насъ, что оно даетъ нашимъ монархистамъ надежду вернуться во власть при помощи иноземныхъ армій. Уѣзжайте въ Россію и у меня останется только доброе воспоминаніе о вашей искренноси и юномъ пылѣ, съ которыми вы стремились отдать себя на служеніе свободѣ и правамъ человѣка.

— Но отъѣздъ одного Эжена не измѣнитъ того положенія дѣлъ, которое ты считаешь неудобнымъ,—возразилъ полу-серьезно, полушутя Проспэръ Ландэ.—Его удаленіе будетъ капля въ морѣ.

— Не до такой степени, какъ ты думаешь,—возразилъ Робеспьеръ.—Твой питомецъ и молодой графъ А*, сколько мнѣ извѣстно — два

единственные знатные русскіе, проживающіе въ настоящее время въ Парижѣ, и я имѣю основаніе полагать, что ихъ присутствіе здѣсь значительно способствуетъ недоброжелательному отношенію къ намъ петербургскаго правительства.

— Не знаю, насколько это справедливо,— сказалъ я не безъ нѣкотораго задора, — но знаю, что удалить меня изъ Франціи удастся только насилію.

Глаза Робеспьера сверкнули зловѣщимъ блескомъ. Закинувъ назадъ голову и прищурясь, онъ возразилъ:

— Если вы называете насиліемъ законодательныя мѣры, воспрещающія временно пребываніе иноземцевъ во Франціи, то вамъ, пожалуй, и придется испытать насиліе, потому что я рѣшилъ добиваться всѣми средствами въ конвентѣ такихъ мѣръ.

— Тѣхъ, кого ты главнымъ образомъ имѣешь въ виду,—замѣтилъ спокойно Просперъ Ландэ, — новый законъ не коснется потому, что всѣ они уже получили права французскихъ гражданъ.

— Для такихъ самозванныхъ французовъ, эскамотировавшихъ себѣ гражданскія права напыщенною фразеологіей въ республикан-

скомъ духѣ, у меня найдется другое средство,—сухо возразилъ Робеспьеръ.

— Т.-е. гильотина?—нахмурясь спросилъ Ландэ.

— Конечно! Если они желаютъ рядиться въ костюмъ гражданъ республики, то должны быть равными съ нами не только въ правахъ, но и въ отвѣтственности передъ закономъ.

— Вотъ съ этимъ я совершенно согласенъ,—воскликнулъ я.—Не изгонять насъ, а дать намъ всѣмъ званіе, налагающее эту отвѣтственность, слѣдуетъ для того, чтобы присутствіе иноплеменниковъ не вредило дѣлу республики.

Робеспьеръ удивленно посмотрѣлъ на меня и хотѣлъ что-то сказать, но остановился и, пожавъ плечами, пробормоталъ сквозь зубы:

— Quos vult perdere Jupiter...

Впечатлѣніе этого непріятнаго разговора держалось, однакоже, во мнѣ не долго. Въ слѣдующихъ же засѣданіяхъ клуба якобинцевъ Робеспьеръ снова подчинилъ меня своему обаянію пламенными импровизаціями, въ которыхъ онъ клеймилъ звѣрства, совершаемыя въ провинціи террористами конвента.

Въ публикѣ эти импровизаціи производили необыкновенно сильное дѣйствіе. Городская молва стала все чаще и чаще повторять, что

Робеспьеръ рѣшился «обуздать излишества революціи». Неизвѣстно откуда начали появляться чрезвычайно странные, иногда рѣшительно ни съ чѣмъ несообразные слухи о намѣреніяхъ грознаго трибуна. Всѣ, кого безпощадно угнеталъ терроръ, стали полагать свои надежды на «неподкупнаго Максимиліана». Въ монархическихъ кружкахъ пресерьезно разсказывали, что вступаясь, послѣ казни злополучной Маріи-Антуанеты, за принцессу Елисавету Бурбонскую, которой грозила та же участь, Робеспьеръ имѣлъ въ виду жениться на ней и сдѣлаться, такимъ образомъ, родственникомъ низвергнутой династіи, а въ послѣдствіи и ея возстановителемъ. Католики, видя, что онъ возстаетъ противъ безбожія, проповѣдуемаго эбертистами, сообщали другъ другу по сокрету, что отъ него именно слѣдуетъ ожидать возстановленія христіанства. Деисты, сгруппировавшіеся въ полу-тайное общество «теософовъ», считали знаменитаго трибуна «своимъ», простой народъ ожидалъ отъ него пониженія цѣнъ на съѣстные припасы и остальные предметы первой необходимости.

Противники Максимиліана вскорѣ замѣтили опасность, которою грозило имъ это быстрое увеличеніе, и безъ того уже громадной, популярности Робеспьера. Вскорѣ съ ихъ стороны

стали распускаться слухи, приписывавшіе ему отвѣтственность за всѣ жестокія мѣры, которыя принимались Комитетомъ Общественной Безопасности, состоявшимъ въ большинствѣ изъ террористовъ. О существованіи этой адской интриги я узналъ первоначально отъ Проспера Ландэ и вскорѣ, прислушиваясь къ разговорамъ, происходившимъ въ клубѣ якобинцевъ до̀ и послѣ формальныхъ засѣданій, убѣдился, что мой наставникъ не ошибается.

Событія быстро подвигались впередъ. Я не пишу исторіи революціи и потому не стану перечислять всего, что̀ видѣлъ и пережилъ Парижъ, а съ нимъ вмѣстѣ, до извѣстной степени, и я, въ первые мѣсяцы 1794 года. Въ концѣ марта, т.-е. по новому календарю въ началѣ «мѣсяца жерминаля второго года единой и нераздѣльной республики», Робеспьеръ казался полнымъ побѣдителемъ. Царство эбертистовъ кончилось. 4 жерминаля (24 марта) пали подъ ножомъ гильотины головы Эбера, Клоотса, и вмѣстѣ съ нимъ погибъ мой бывшій банкиръ, голландецъ Ванъ-Деръ-Кокъ, успѣвшій до своего ареста передать одному изъ своихъ соотечественниковъ всѣ свои банкирскія дѣла и ввѣренные ему капиталы. Насколько былъ виновенъ въ гибели эбертистовъ искренно ненавидѣвшій ихъ Робеспьеръ, я не

знаю, но могу засвидѣтельствовать, видѣвши его вечеромъ въ день казни Эбера и его товарищей, что онъ, даже въ дружеской бесѣдѣ съ Просперомъ Ландэ, держалъ себя несравненно достойнѣе группы дантонистовъ, которая открыто ликовала и главный журналистъ которой, Камилль Демулэнъ позволилъ себѣ крайне неприличныя выходки противъ осужденныхъ.

«Дантонисты» торжествовали, впрочемъ, недолго. Въ началѣ второй декады мѣсяца жерминаля они были арестованы и вскорѣ затѣмъ приговорены къ смерти.

Хотя приговоръ надъ Дантономъ и былъ мотивированъ признаніемъ его виновнымъ въ подкупѣ, общій голосъ приписалъ его смерть Робеспьеру, для котораго Дантонъ былъ дѣйствительно опаснымъ соперникомъ. Просперъ Ландэ не раздѣлялъ этого мнѣнія, но говорилъ, что Робеспьеръ все-таки виноватъ въ томъ, что не вступился за Дантона, а предоставилъ его собственной его участи. Съ этого времени бывшіе друзья перестали видѣться и мой наставникъ въ минуты хандры, овладѣвавшей имъ все чаще и чаще, намекалъ, что и его, можетъ быть, ожидаетъ участь Дантона.

Я былъ глубоко потрясенъ и сбитъ съ толку всѣмъ, что̀ происходило и говорилось около меня. Робеспьеръ становился все болѣе и бо-

лѣе загадочнымъ и если въ клубѣ якобинцевъ его рѣчи еще держали меня порой подъ своимъ обаяніемъ, то внѣ клуба все способствовало возрожденію моей бывшей антипатіи къ знаменитому трибуну.

Робеспьеръ, очевидно, и самъ понималъ, что со смертью Дантона началась реакція противъ того увлеченія, котораго онъ былъ предметомъ въ первые мѣсяцы 1793 года. 18 флореаля (6 мая) онъ произнесъ въ конвентѣ свою знаменитую рѣчь, требовавшую введенія культа Верховнаго Существа...

Я былъ въ этомъ засѣданіи и до сихъ поръ ясно помню всѣ малѣйшія черты картины, которую представляла зала конвента въ то время, когда на трибунѣ появился Робеспьеръ. Многіе знали заранѣе цѣль, съ которою онъ потребовалъ слова, но никому не было извѣстно что̀ именно онъ скажетъ въ защиту своего смѣлаго предложенія. Зала засѣданія была совершенно полна. Въ публичныхъ трибунахъ происходила такая давка, что оттуда безпрестанно раздавались невольныя восклицанія горемыкъ, которыхъ плечи и бока страдали отъ напора заднихъ рядовъ, старавшихся заглянуть хоть на минуту внизъ, чтобы увидать говорившаго оратора. На скамьяхъ представителей не было ни одного пустого мѣста. Различныя парламент-

скія группы волновались при каждомъ новомъ періодѣ необыкновенно длинной рѣчи Робеспьера, который не сразу приступилъ къ главной сущности своего предложенія, а началъ издалека, очевидно стараясь подготовить умы къ тому, чего онъ желалъ добиться отъ собранія. Перечитывая впослѣдствіи неоднократно эту знаменитую рѣчь, я не могъ не дивиться всякій разъ неподражаемому мастерству предварительной подготовки конвента Робеспьеромъ. Въ краснорѣчіи грознаго трибуна была одна замѣчательная особенность. Онъ никогда не заботился, подобно лучшимъ ораторамъ партіи жирондистовъ, объ артистической цѣлостности и законченности своихъ рѣчей. Если ему случалось замѣчать, что та или другая часть рѣчи не производила желаемаго впечатлѣнія ва публику, онъ повторялъ уже разъ приведенные аргументы, развивая ихъ въ тонѣ, наиболѣе способномъ подѣйствовать на слушателей. Если различныя группы конвента обнаруживали не одинаковое настроеніе, онъ старался разными эпизодическими вставками изгладить это различіе, не отступая ни передъ грубою лестью, ни передъ намеками, дающими понять, что съ мнѣніемъ, имъ высказываемымъ, опасно не согласиться. Все это придавало многимъ рѣчамъ Робеспьера внѣшній характеръ

непослѣдовательности и даже нѣкоторой безтолковости, но тѣ, кому случалось видѣть, какое дѣйствіе производили на слушателей подобныя импровизаціи, могли бы засвидѣтельствовать ихъ поразительную цѣлесообразность.

Рѣчь 18 флореаля знаменитый трибунъ началъ слѣдующимъ вступленіемъ:

«Граждане! Народы точно такъ же, какъ и частныя лица должны избирать время своего благоденствія и успѣха для того, чтобы при полномъ молчаніи страстей выслушивать голосъ мудрости. Нынѣ, когда громъ нашихъ побѣдъ раздается по всей вселенной, законодателямъ французской республики необходимо съ особою заботливостью наблюдать за собою и за отечествомъ, утверждая принципы, на которыхъ должны покоиться прочность и благополучіе республики»...

За этимъ вступленіемъ слѣдовала длинная тирада, клонившаяся къ тому, чтобы доказать, что основою республики должна быть «добродѣтель» и вдругъ ораторъ неожиданно напалъ на террористовъ, энергически утверждая, что они — союзники монархистовъ...

— Эти люди, — восклицалъ онъ, сверкая глазами и протягивая впередъ правую руку,— юродивые, объявившіе безумную войну людской совѣсти! Они возвели безнравственность

не только въ систему, но даже на степень религіи. Они стремились заглушить въ сердцахъ всѣ благородныя чувства, какъ своимъ примѣромъ, такъ и проповѣдуемымъ ими ученіемъ. Чего хотѣли они, къ чему стремились, когда посреди угрожавшихъ намъ заговоровъ, въ самый разгаръ затрудненій нынѣшней войны, не давъ еще угаснуть факеламъ междоусобія, вдругъ напали съ такимъ ожесточеніемъ на всѣ религіи? Какую цѣль могла имѣть эта обширная затѣя, задуманная въ ночномъ мракѣ, безъ вѣдома конвента, священниками, иностранцами и заговорщиками? Ненависть къ духовенству?—но священники были ихъ друзьями и пособниками! Любовь къ отечеству? — но отечество уже покарало ихъ, какъ измѣнниковъ и предателей! Отвращеніе къ фанатизму? — но то, что они сдѣлали, было лучшее средство дать оружіе въ руки фанатиковъ! Желаніе ускорить побѣду разума?—но разуму наносились ежедневно самыя тяжкія оскорбленія сумасшедшими выходками, придуманными для того, чтобы сдѣлать его ненавистнымъ! Можно подумать, что его нарочно запирали въ храмы для того, чтобы изгнать изъ республики...

И Робеспьеръ настойчиво доказывалъ, что все это — не что иное, какъ планъ, задуман-

ный врагами революціи, внутренними и внѣшними. Террористы «горы» блѣднѣли все болѣе и болѣе, умѣренные республиканцы такъ-называемой «долины» восторженно рукоплескали оратору. Въ публичныхъ трибунахъ шелъ смутный говоръ не то недоумѣнія, не то одобренія словъ оратора.

Робеспьеръ остановился на секунду, дѣлая видъ, что ему необходимо справиться съ конспектомъ рѣчи, лежавшимъ на трибунѣ. Въ подобныхъ случаяхъ онъ, по своей близорукости, всегда надѣвалъ очки, которыя и снималъ, какъ только было прочитано необходимое. Я замѣтилъ, что на этотъ разъ онъ только опустилъ голову на лежащую передъ нимъ тетрадку и тотчасъ же поднялъ глаза, всматриваясь въ лица своихъ слушателей. Это продолжалось всего одно мгновеніе. На губахъ его мелькнула довольная улыбка, и, быстро снявъ очки, онъ снова сталъ говорить, приступая къ главному предмету рѣчи.

Съ этой минуты началась пламенная, хотя все еще нѣсколько безпорядочная импровизація, въ которой ораторъ не столько доказывалъ необходимость провозглашенія культа Верховнаго Существа, сколько умолялъ собраніе признать этотъ культъ. Но увлекаясь, повидимому, развиваемою имъ мыслью, Робес-

пьеръ все-таки, очевидно, соображалъ тѣ возраженія, которыя могутъ сдѣлать ему атеисты, не разъ уже обвинявшіе его въ тайномъ доброжелательствѣ католическому духовенству. Онъ прямо обратился къ этому духовенству, предупреждая его, что католицизмъ ровно ничего не выиграетъ отъ провозглашенія новаго культа...

— Истинный священнослужитель Верховнаго Существа—сама природа,—воскликнулъ онъ съ тѣмъ искусственнымъ паѳосомъ, къ которому считалъ нужнымъ прибѣгать всякій разъ, когда ему необходимо было произвести сильное впечатлѣніе на многочисленныхъ слушателей.—Его храмъ—вселенная, его культъ—добродѣтель, его празднества — ликованіе великаго народа, собравшагося передъ лицомъ его съ тѣмъ, чтобы сдѣлать еще тѣснѣе сладостныя узы всемірнаго братства и принести ему благодарность чувствительныхъ и чистыхъ сердецъ!

Надо быть современникомъ эпохи, когда произнесена была эта, нынѣ кажущаяся напыщеннымъ пустословіемъ тирада, для того, чтобы понять впечатлѣніе, произведенное ею на слушателей, составленныхъ на половину изъ ненавистниковъ католицизма и на половину изъ людей, негодовавшихъ на оффиціально-провозглашенное подъ видомъ «религіи

разума» безусловное безбожіе. Какъ тѣ, такъ и другіе истолковали слова Робеспьера въ свою пользу. Врагамъ католицизма они были ручательствомъ, что дѣло идетъ не о возстановленіи прежней государственной религіи, ненавистникамъ безбожія или «деистамъ», какъ они любили себя называть, слова эти обѣщали конецъ порядка вещей, глубоко возмущавшаго ихъ совѣсть и шедшаго въ разрѣзъ съ ихъ философскими воззрѣніями. Громъ рукоплесканій, какъ на скамьяхъ народныхъ представителей, такъ и въ публичныхъ трибунахъ впервые указалъ уцѣлѣвшимъ эбертистамъ, до какой степени, даже въ Парижѣ, ихъ кощунственное отрицаніе самой идеи Божества имѣло мало сторонниковъ, не смотря на то, что всего какихъ-нибудь пять или шесть недѣль назадъ весь Парижъ казался обратившимся въ «религію разума».

Робеспьеръ необыкновенно ловко воспользовался достигнутымъ имъ впечатлѣніемъ для того, чтобы провести почти безъ преній свой проектъ декрета о провозглашеніи культа Верховнаго Существа. У меня чрезвычайно отчетливо сохранился въ памяти слѣдующій эпизодъ, доказывающій, до какой степени умѣлъ этотъ высоко-талантливый ораторъ обращать въ свою пользу каждую мелочь той обста-

новки, при которой ему приходилось говорить. Стараясь убѣдить конвентъ въ необходимости публичныхъ проявленій предлагаемаго имъ новаго культа, Робеспьеръ заговорилъ о публичныхъ «религіозно-цивическихъ» празднествахъ. Изъ глубины залы раздался при этомъ вдругъ чей-то голосъ, насмѣшливо воскликнувшій:

— Ну, конечно! какъ не возвратиться къ католическимъ фиглярствамъ!

Слова эти вызвали язвительный смѣхъ на вершинахъ такъ-называемой «горы». Робеспьеръ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ, но тотчасъ же измѣнилъ порядокъ, въ которомъ перечислены были въ его декретѣ праздники новаго культа и началъ свое перечисленіе съ праздника въ память «героевъ, погибшихъ въ борьбѣ за свободу». Когда онъ упомянулъ о знаменитомъ четырнадцатилѣтнемъ барабанщикѣ Барра, спасшемъ свой отрядъ тревогою, пробитою подъ дулами непріятельскихъ ружей, въ одной изъ публичныхъ трибунъ раздалось неожиданно десятка два дѣтскихъ голосовъ, кричавшихъ: «да здравствуетъ республика!» Голоса эти принадлежали школьникамъ гренелльскаго квартала, входившимъ въ составъ депутаціи, присланной имъ въ конвентъ. Въ залѣ произошло нѣкоторое вол-

неніе, которымъ Робеспьеръ тотчасъ же воспользовался для того, чтобы разсказать подвигъ другого малолѣтняго героя, марсельца Віала̀, пожертвовавшаго жизнью для того, чтобы спасти небольшую кучу безоружныхъ республиканцевъ отъ опасности, которою грозилъ имъ сильный отрядъ марсельскихъ инсургентовъ-федералистовъ. Спасаясь отъ преслѣдованія своихъ враговъ, упомянутые республиканцы успѣли переправиться на другой берегъ рѣки Дюрансы на паромѣ, но въ попыхахъ позабыли перерубить канатъ, по которому ходилъ этотъ паромъ. Инсургенты, добравшись до рѣки, отыскали гдѣ-то большую барку и посадили на нее сильный отрядъ, который сталъ переправляться съ помощью уцѣлѣвшаго каната. Обрубить канатъ у самаго берега, не представлялось никакой возможности, потому что мѣткій огонь инсургентовъ не давалъ никому подступиться къ столбу, за который этотъ канатъ былъ прикрѣпленъ. Маленькій Віала̀ отыскалъ въ сосѣдней хижинѣ топоръ, отбѣжалъ довольно далеко вверхъ по теченію отъ мѣста переправы, бросился въ воду и поплылъ къ канату. Увидавъ его, съ барки стали стрѣлять, но мужественный мальчикъ все-таки добрался до своей цѣли и ударилъ канатъ топоромъ. Въ это время новый

выстрѣлъ поразилъ его въ грудь. Маленькій герой ухватился за канатъ и прокричалъ прямо въ лицо своимъ убійцамъ:

— Я умираю, но мнѣ на это наплевать, потому что я гибну за свободу!

Всякій, кто живалъ съ французами, знаетъ, какое сильное, хотя всегда поверхностное впечатлѣніе производятъ на нихъ разсказы о трагическихъ случаяхъ, въ которыхъ главную роль играютъ дѣти. Разсказъ Робеспьера произвелъ на слушателей потрясающее дѣйствіе. Многіе громко рыдали, въ публичныхъ трибунахъ нѣсколько женщинъ попадали въ обморокъ.

Не давая никому времени опомниться, Робеспьеръ началъ читать скороговоркой текстъ декрета, первая статья котораго гласила:

«Французскій народъ признаетъ существованіе Верховнаго Существа и безсмертіе души»...

Далѣе слѣдовало изложеніе сущности новаго культа и списокъ его празднествъ, кончавшійся праздникомъ «несчастныхъ», которымъ, по словамъ Робеспьера, «человѣчество обязано было утѣшеніемъ и облегченіемъ ихъ горькой участи, будучи безсильнымъ устранить самыя причины постигающихъ ихъ несчастій»... Декретъ былъ принятъ единогласно при гром-

кихъ, долго неумолкавшихъ рукоплесканіяхъ, и засѣданіе было объявлено вслѣдъ затѣмъ закрытымъ.

Сильно потрясенный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ, я пробирался сквозь толпу, запрудившую сѣни конвента, когда до меня долетѣла сказанная на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ фраза:

— Ну, теперь онъ до насъ доберется! Надо будетъ держать ухо востро!

— Это мы еще посмотримъ,—отвѣчалъ другой голосъ на томъ же языкѣ съ характернымъ эльзасскимъ произношеніемъ.—Федералисты авось выручатъ!

— Да они первые примутъ теперь его сторону! — возразилъ плохо говорившій по-нѣмецки.

— Можно будетъ устроить такъ, что Комитетъ Общественной Безопасности раздражитъ ихъ какою-нибудь безполезною жестокостью. Вѣдь у насъ всѣ убѣждены, что комитетомъ ворочаетъ онъ.

Я постарался разглядѣть лица говорившихъ. Въ одномъ изъ нихъ я узналъ тотчасъ же Баррера, восторженно рукоплескавшаго за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ Робеспьеру. Лицо другого оказалось мнѣ незнакомо. Позднѣе я

узналъ, что собесѣдникъ Баррера былъ ненавидимый Робеспьеромъ Шнейдеръ, эльзасецъ родомъ и одинъ изъ самыхъ кровожадныхъ террористовъ.

XV.

Трудно себѣ представить ту поразительную перемѣну, которая произошла въ Парижѣ на другой день послѣ побѣды, одержанной Робеспьеромъ въ конвентѣ надъ атеистами. Физіономія города совершенно измѣнилась. На улицѣ, въ кафе, на публичныхъ гуляньяхъ появилось множество прежнихъ знакомыхъ лицъ, куда-то исчезнувшихъ въ эпоху торжества эбертизма. Всѣми высказывалось громко убѣжденіе, что господству мрачнаго террора наступилъ конецъ. Имя Максимиліана Робеспьера слышалось повсюду въ сопровожденіи восторженныхъ, хотя, можетъ быть, не всегда искреннихъ похвалъ. Впечатлительныя массы ликовали, сами не зная хорошенько чему, и публика со всѣхъ концовъ города спѣшила на площадь Революціи, гдѣ живописецъ Давидъ уже распоряжался, съ ранняго утра 19 флореаля, приготовленіями къ предстоявшему празднеству «Верховнаго Существа». Просперъ Лан-

дэ былъ въ восторгѣ. Онъ еще наканунѣ вечеромъ помирился съ Робеспьеромъ, извинясь въ томъ, что не съумѣлъ угадать цѣли, къ которой тотъ стремился. Этотъ шагъ со стороны моего почтеннаго наставника былъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что самъ онъ, не смотря на свое поклоненіе Жанъ-Жаку Руссо, вовсе не былъ деистомъ, а держался въ религіи взглядовъ Вольтера. Необходимость религіи для народныхъ массъ онъ однакоже всегда признавалъ и къ крайностямъ эбертизма относился съ величайшимъ отвращеніемъ. Говоря со мною о рѣчи Робеспьера и о декретѣ, утвержденномъ конвентомъ, Ландэ сказалъ:

— Максимиліанъ поставилъ вчера свою послѣднюю карту, но за то отчаянная ставка доставила ему огромный выигрышъ. Отнынѣ все будетъ зависѣть отъ его умѣнья воспользоваться достигнутыми результатами. Обстоятельства слагаются такъ, что нравственная диктатура Робеспьера стала единственнымъ средствомъ снова направить республику на тотъ путь внутренняго упроченія и примиренія съ нею Европы, съ котораго сбили ее безумства террористовъ. Боюсь только, что Максимиліанъ не съумѣетъ смѣло идти впередъ по открывающейся передъ нимъ дорогѣ.

Я съ своей стороны вскорѣ началъ опа-

саться другого. Не прошло и нѣскольких дней, какъ къ общему увлеченію Робеспьеромъ стали примѣшиваться признаки новой подземной работы его враговъ. Комитетъ Общественной Безопасности сдѣлался особенно безпощаденъ, публичный обвинитель грознаго революціоннаго трибунала, Фукье Тэнвилль началъ обнаруживать усиленную дѣятельность. Аресты и казни участились, и рѣзко бросались въ глаза своею очевидною несправедливостью. Все это приписывалось Робеспьеру, будто бы сбросившему маску умѣренности съ того дня, какъ онъ почувствовалъ себя побѣдителемъ. Я начиналъ спрашивать себя иногда, не составляетъ ли это прямыхъ послѣдствій той интриги, на которую такъ ясно намекалъ случайно слышанный мною разговоръ Шнейдера съ Барреромъ?

Самъ Робеспьеръ пристально слѣдилъ за начинавшейся реакціей и, какъ я сообразилъ позднѣе, подозрѣвалъ козни своихъ многочисленныхъ враговъ даже въ нѣкоторыхъ черезъ чуръ уже восторженныхъ демонстраціяхъ въ пользу проведенной имъ въ конвентѣ мѣры. У меня чрезвычайно отчетливо сохранился въ памяти разговоръ, происходившій въ моемъ присутствіи между имъ и Проспером Ландэ въ послѣднихъ числахъ флореаля, т.-е. въ началѣ второй половины мая мѣсяца 1794 года.

Робеспьеръ явился прямо изъ Комитета Общественной Безопасности къ моему наставнику, страдавшему легкимъ припадкомъ подагры и уже нѣсколько дней не появлявшемуся на засѣданіяхъ конвента. Онъ вошелъ въ кабинетъ сумрачный, очевидно чѣмъ-то озабоченный.

— Что съ тобою? — спросилъ Просперъ Ландэ.

— Со мною?—проговорилъ сквозь зубы Робеспьеръ. — Ничего особеннаго! Я только начинаю жалѣть, что взялъ на себя совершенно неосуществимую задачу отрезвленія умовъ моихъ неисправимыхъ соотечественниковъ!

— Почему же неосуществимую?—Вѣдь она, благодаря твоему краснорѣчію, на половину уже рѣшена.

— Очень ошибаешься! Ничего не рѣшено. Напротивъ, къ прежнимъ безчисленнымъ недоразумѣніямъ прибавилось еще одно новое.

— Это какимъ образомъ?

— А очень просто. Въ то время, какъ друзья Фуше, Каррье и прочихъ негодяевъ, позорившихъ республику, стараются возбудить противъ меня порядочныхъ людей, способныхъ понять истинную цѣль моей идеи культа Верховнаго Существа, приписывая мнѣ подъ рукою всѣ звѣрства, совершенныя Комитетомъ Обществен-

ной Безопасности, гдѣ я постоянно оказываюсь въ меньшинствѣ, разные полоумные, а может быть и проходимцы, не даютъ мнѣ прохода устными и письменными комплиментами, приписывающими мнѣ такія намѣренія, которыхъ я никогда не имѣлъ. Мои добрые хозяева, Дюплэ и ихъ дочери, просто не могутъ отбиться отъ посѣтителей, желающихъ видѣть меня съ цѣлью «излить свои чувства восторга и удивленія», какъ они выражаются. Я получаю безчисленное множество писемъ, которыя часто бываютъ похожи на дурную шутку, преувеличеніемъ переполняющаго ихъ энтузіазма и неприличіемъ грубой лести. Иногда просто не знаешь, читая этотъ напыщенный вздоръ—смѣяться или сердиться? Да, еслибъ все ограничивалось одними письмами! Бываетъ и хуже! Ты слыхалъ, можетъ быть, о существованіи въ Парижѣ полоумной сектантки Катерины Тео? Эта юродивая, какъ мнѣ сообщаютъ, начала проповѣдывать съ 18 флореаля, что я—Мессія, явившійся еще разъ на землю, чтобы «разгромить гидру безбожія». Въ общинѣ Маріонъ, по поводу декрета о Верховномъ Существѣ, католики отслужили молебенъ, и, по окончаніи его, орали вмѣстѣ съ своимъ попомъ: «Да здравствуетъ Робеспьеръ!» Вѣдь все это кончится не болѣе не менѣе какъ

тѣмъ, что меня станутъ обвинять въ стремленіи къ диктатурѣ, къ захвату власти въ мои руки!

— Обвиненія эти и безъ того уже давно въ ходу между твоими врагами,—возразилъ Ландэ.—До сихъ поръ они тебѣ не вредили, не повредятъ и нынѣ.

— На этотъ счетъ ты ошибаешься,—сказалъ Робеспьеръ.—Мое нынѣшнее положеніе совсѣмъ не то, какимъ оно было всего какой-нибудь мѣсяцъ тому назадъ. Возстановленіе деизма — фактъ, до поры до времени неразрывно связанный съ моимъ именемъ, и, противъ моего желанія, выдвигаетъ меня на первый планъ. Отказаться отъ роли, которую предназначаетъ мнѣ конвентъ въ великій день провозглашенія культа Верховнаго Существа — я не считаю себя въ правѣ, а эта роль подразумѣваетъ всѣ внѣшніе признаки, если не настоящей диктатуры, то стремленія стать во главѣ республики. Я надѣюсь конечно розыграть ее до конца, но предвижу, что это будетъ моимъ послѣднимъ шагомъ на трудномъ поприщѣ безкорыстнаго, самоотверженнаго служенія отечеству. Впрочемъ, пожалуй, и этого шага мнѣ не удастся сдѣлать. Въ ножахъ подкупленныхъ или фанатизированныхъ убійцъ у насъ въ настоящую минуту недостатка нѣтъ!

— Что это такое? — спросилъ Ландэ голосомъ, въ которомъ звучало выраженіе нѣкоторой тревоги:—простая догадка или результатъ сообщенныхъ тебѣ свѣдѣній?

— Свѣдѣній никакихъ мнѣ никто не сообщалъ, если не считать чуть не ежедневныхъ просьбъ этого негодяя Фукье Тэнвилля: «быть какъ можно осторожнѣе»; но что же ты находишь удивительнаго въ томъ, что человѣка, котораго одни выдаютъ за кровопійцу, а другіе—за кандидата въ похитители власти, можетъ постигнуть участь Мишеля Лепельтье и Марата? Парижъ кишитъ заговорщиками всѣхъ оттѣнковъ и партій. Агенты Питта и Кобурга, фанатическіе приверженцы монархіи, друзья жирондистовъ, повторяютъ на всѣ тоны, что главная причина всего зла — не кто другой, какъ я! Террористы очень хорошо понимаютъ, что я раздавлю ихъ всѣхъ, какъ мерзостныхъ гадинъ, если мое вліяніе на конвентѣ упрочится безповоротно. При такихъ условіяхъ будетъ почти чудомъ, если я благополучно доживу до праздника Верховнаго Существа!

— А мнѣ кажется,—возразилъ Ландэ,—что ты преувеличиваешь, другъ Максимиліанъ. Въ тебѣ за послѣднее время сильно развилась наклонность видѣть все въ черномъ свѣтѣ. Въ этомъ отчасти виноватъ, кажется, Дюплэ. И

самъ онъ и все его семейство, конечно, прекрасные люди, но я не разъ замѣчалъ въ нихъ наклонность выдавать себя за единственныхъ друзей, на которыхъ ты можешь вполнѣ положиться, и хвастаться, что они одни въ состояніи оградить тебя отъ грозящихъ будто бы со всѣхъ сторонъ опасностей.

Робеспьеръ, расхаживавшій въ волненіи по кабинету, остановился при этихъ словахъ и, нахмуривъ брови, сказалъ:

— Разъ навсегда прошу тебя, Ландэ, воздерживаться отъ подобныхъ намековъ. Ты знаешь, что къ семейству, о которомъ ты такъ невыгодно отзываешься, принадлежитъ особа, которая для меня дороже всего на свѣтѣ.

— Знаю, знаю, — отвѣчалъ съ грустнымъ вздохомъ мой наставникъ.—Мнѣ и въ голову не приходитъ ссорить тебя съ Дюплэ. Я только хотѣлъ указать на причину столь сильно развившейся въ тебѣ съ нѣкоторыхъ поръ подозрительности.

— Никакою подозрительностью я не страдаю, — сухо возразилъ Робеспьеръ. — Дѣлать логическіе выводы изъ несомнѣнныхъ фактовъ еще не значитъ быть подозрительнымъ.

На этомъ разговоръ и кончился. Робеспьеръ ушелъ отъ насъ, очевидно не въ духѣ, и съ

этого дня вплоть до 4 преріаля (23-го мая) мнѣ не удалось уже его видѣть.

Въ ночь съ 3-го на 4-е преріаля было сдѣлано покушеніе на жизнь народнаго представителя Колло д'Эрбуа. Слухъ объ этой попыткѣ распространился на другой день съ ранняго утра по всему Парижу, но имя убійцы еще оставалось неизвѣстно. Знали только, что Колло д'Эрбуа былъ легко раненъ въ ту минуту, когда онъ, возвращаясь изъ гостей въ часъ ночи, стучалъ двернымъ молоткомъ въ ворота дома улицы Фаваръ, гдѣ онъ жилъ, и что стрѣлявшій былъ тоже жильцомъ этого дома. По просьбѣ Проспера Ландэ, все еще не поправившагося отъ своего припадка подагры, я отправился въ засѣданіе конвента, чтобы разузнать подробности случившагося. Подробности эти сообщилъ въ самомъ началѣ засѣданія Барреръ, отъ имени Комитета Всеобщей Безопасности. Онъ объявилъ, что убійцу зовутъ Ламираль и что по его собственному сознанію онъ намѣревался сначала застрѣлить не Колло д'Эрбуа, а Робеспьера, но послѣ двухъ тщетныхъ попытокъ встрѣтиться съ послѣднимъ, въ припадкѣ досады на двукратную неудачу, «сорвалъ свою злость» на попавшемъ ему подъ руку Колло. Меня сильно поразила настойчивость, съ которою Барреръ возвра-

щался нѣсколько разъ въ своей рѣчи къ опасности, грозившей, по его словамъ, Робеспьеру, утверждая, что Ламираль—агентъ Питта, который будто бы «страшно боится вліянія краснорѣчиваго оратора».

Конвентъ сильно волновался, слушая Барера. Съ верхнихъ скамеекъ Горы раздавались негодующія восклицанія, черезъ-чуръ громкія и свирѣпыя для того, чтобы ихъ можно было считать искренними. Одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ террористовъ, Роверъ, потребовалъ даже, чтобы членамъ Комитета Общественной Безопасности и Робеспьеру въ особенности былъ немедленно назначенъ вооруженный конвой; но предложеніе это было замято дѣйствительными друзьями Максимиліана, кажется, понявшими коварство преувеличенной тревоги Ровера.

Я вышелъ изъ залы конвента значительно озабоченный совпаденіемъ мрачныхъ предчувствій Робеспьера съ добровольными признаніями человѣка, покусившагося, «за неимѣніемъ лучшаго», на жизнь Колло д'Эрбуа. Самое имя этого человѣка казалось мнѣ какъ будто бы знакомымъ... Перебирая въ головѣ обстоятельства, при которыхъ я могъ слышать фамилію Ламираля, я вдругъ съ поразительною ясностью вспомнилъ первый вечеръ, про-

веденный въ семействѣ Камилля Рено. Сначала мнѣ показался очень страннымъ такой прыжокъ моей памяти, потому что никакихъ указаній на связь между упомянутымъ вечеромъ и именемъ убійцы, повидимому, не существовало, но, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, маленькая гостиная бумажнаго торговца мелькала у меня передъ глазами при всякомъ новомъ усиліи вспомнить, гдѣ и когда слышалъ я, не выходившее у меня изъ головы, имя Ламираля? Сложный процессъ внезапно пробудившихся воспоминаній рисовалъ передо мной, въ то же время, плѣнительный образъ Сесили. Испытываемое мною чувство было очень сильно и необыкновенно тяжело. Я старался думать о другомъ, но усилія достигнуть этого оставались тщетными. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока совершенно случайное обстоятельство не навело меня на надлежащій путь. Почти у самаго нашего дома на встрѣчу мнѣ попались двѣ старушки, очень оживленно толковавшія о чемъ-то. Въ то время, когда я проходилъ мимо, одна изъ нихъ съ комическимъ негодованіемъ воскликнула:

— Я ему такъ прямо и сказала: съ этихъ поръ никогда, слышите, никогда я не стану болѣе играть съ вами въ безигъ!

Слово «безигъ» сразу положило конецъ моимъ

исканіямъ. Я вспомнилъ, что одинъ изъ партнеровъ Камилля Рено въ этой игрѣ на вышеупомянутомъ вечерѣ былъ высокій и довольно неряшливый господинъ, котораго мнѣ представили, назвавъ фамилію Ламираля. Съ этой минуты я какъ-то сразу успокоился. Дѣло шло, очевидно, о простомъ совпаденіи именъ и личность, которую я встрѣчалъ у Камилля Рено, не могла имѣть ничего общаго съ кровожаднымъ фанатикомъ, покусившимся на жизнь Колло д'Эрбуа.

Я быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ нашего дома и прошелъ прямо въ кабинетъ Проспера Ландэ, чтобы сообщить ему свѣдѣнія, собранныя въ конвентѣ. Внимательно выслушавъ меня, мой наставникъ задумался.

— Робеспьеръ, пожалуй, окажется правъ въ своихъ предчувствіяхъ, сказалъ онъ. — Эта исторія съ покушеніемъ на жизнь такого политическаго ничтожества, какъ Колло д'Эрбуа— симптомъ положительно тревожный. Занимаясь полжизни исторіей, я много и часто думалъ о странномъ фактѣ различныхъ нравственныхъ эпидемій, обнаруживающихся посреди народовъ и обществъ, выведенныхъ изъ своего нормальнаго состоянія какими нибудь событіями исключительной важности и потрясающагося свойства. Ужасное дѣло, совершенное

Шарлотой Кордэ, кажется, было первымъ признакомъ подобной эпидеміи и совершенно понятно, что Робеспьеръ долженъ сдѣлаться главною цѣлью для подражателей казненной дѣвушки. Обвиняя его въ чрезмѣрной подозрительности, я былъ не правъ и не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока ему не станетъ извѣстно, что я сознаю это. Ты долженъ оказать мнѣ маленькую услугу, Эженъ. Проклятая подагра не позволитъ мнѣ навѣстить сегодня же Максимиліана. Замѣни меня. Я дамъ тебѣ небольшую записку, а ты на словахъ передашь Робеспьеру, до какой степени взволновали меня свѣдѣнія, сообщенныя конвенту Баррерομъ.

Я, разумѣется, охотно взялся исполнить порученіе моего наставника и, дождавшись часа, когда кончались засѣданія Комитета Общественной Безопасности, т. е. 6-ти час. вечера, отправился въ улицу Сентъ-Оноре́, гдѣ Максимиліанъ Робеспьеръ занималъ небольшую комнату въ квартирѣ своего друга и поклонника, столярнаго мастера Мориса Дюплэ. Домъ, на дворѣ котораго находились мастерскія и квартира Дюплэ, носилъ въ то время № 366. Когда, позднѣе, я вторично посѣтилъ Парижъ, въ рядахъ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ, нумеръ дома былъ уже другой, именно 398. Мнѣ еще ни разу не приходилось до тѣхъ поръ

бывать у знаменитаго трибуна и потому я съ особеннымъ чувствомъ любопытства сталъ отыскивать въ улицѣ Сентъ-Оноре домъ, въ которомъ онъ жилъ. Фасадъ строенія былъ самый обыкновенный, ровно ничѣмъ не бросающійся въ глаза. Зданіе было трехъ-этажное, но невысокое, такъ какъ второй его этажъ состоялъ изъ такъ называемаго entresol. Посрединѣ фасада были расположены сводчатыя ворота, ведущія на дворъ. По обѣимъ сторонамъ этихъ воротъ въ нижнемъ этажѣ виднѣлись магазинъ брилліанщика Руллья и небольшой ресторанъ.

Дворъ дома № 366-й былъ очень обширенъ и глубокъ. Направо и налѣво отъ воротъ тянулись большіе сараи, изъ которыхъ одинъ служилъ столярною мастерскою для работниковъ Дюплэ, а другой—складомъ для столярныхъ матеріаловъ. Этотъ второй сарай былъ нѣсколько короче перваго и за нимъ, въ самой глубинѣ двора, помѣщался крошечный садикъ съ густозасаженною цвѣтами клумбою посрединѣ.

Самъ Морисъ Дюплэ помѣщался въ небольшомъ двухъ-этажномъ флигелѣ, расположенномъ въ концѣ двора параллельно дому, выходившему на улицу.

Фасадъ этого флигеля имѣлъ довольно зна-

чительный выступъ въ срединѣ. Когда, войдя на дворъ, я спросилъ у привратницы, какъ мнѣ пройти къ гражданину Дюплэ, она указала мнѣ на стеклянную дверь только-что упомянутаго выступа.

Я постучалъ въ дверную скобку и, пока мнѣ открыли, успѣлъ разсмотрѣть черезъ стеклянную раму, что за дверью прямо расположена жилая комната, судя по обстановкѣ—столовая. Черезъ минуту въ этой комнатѣ показалась молодая дѣвушка высокаго роста, довольно красивая собою. Она пріотворила дверь и, стоя на порогѣ, спросила не совсѣмъ любезнымъ тономъ, кого мнѣ надо?

— Я имѣю порученіе къ гражданину Робеспьеру отъ его друга и товарища по конвенту, гражданина Проспера Ландэ,—отвѣчалъ я, вынимая изъ бокового кармана записку моего наставника.

— Гражданинъ Робеспьеръ очень занятъ и не принимаетъ никого,—сказала она, протягивая руку къ запискѣ.—Позвольте, я передамъ ему...

— Извините, гражданка,—возразилъ я, улыбаясь и смотря ей прямо въ глаза.—Записку я долженъ передать самъ, потому что мнѣ поручено дополнить сказанное въ ней личными объясненіями.

Молодая дѣвушка нахмурила свои густыя брови и, подумавъ нѣсколько минутъ, произнесла недовольнымъ голосомъ:

— Въ такомъ случаѣ благоволите сообщить мнѣ свое имя, я спрошу гражданина-представителя, желаетъ ли онъ принять васъ.

— Скажите ему только, что его желаетъ видѣть воспитанникъ гражданина Проспера Ландэ, молодой русскій. Этого будетъ достаточно.

Лицо моей собесѣдницы сразу прояснилось.

— Гражданинъ Робеспьеръ навѣрное приметъ васъ,—сказала она.—Онъ часто говорилъ намъ о питомцѣ гражданина Ландэ. Пожалуйте сюда, я проведу васъ.

Мы вошли въ столовую, за которой въ открытую дверь виднѣлась скромно убранная гостиная. Направо отъ входа деревянная, сильно навощенная лѣстница въ два поворота вела во второй этажъ. Молодая дѣвушка указала мнѣ на эту лѣстницу, говоря:

— Благоволите подняться. Я слѣдую за вами.

Эта предосторожность не идти вверхъ по лѣстницѣ передъ мужчиной, весьма рѣдко соблюдавшаяся въ то время молодыми француженками средняго сословія, была достаточна для того, чтобы доказать, что передо мною стоитъ невѣста Робеспьера, Элеонора Дюплэ. Слухи о ея необыкновенной выдержкѣ, соблю-

даемой въ угоду жениху, страшно щекотливому на всѣ вопросы приличія, давно уже ходили по Парижу.

Войдя по лѣстницѣ во второй этажъ, я остановился на минуту, чтобы дать Элеонорѣ время подняться и опередить меня для указанія дороги. На небольшой площадкѣ были двѣ двери. Невѣста Робеспьера отворила дверь, расположенную налѣво, и ввела меня въ небольшую, очень узенькую комнату, въ которой стояли: умывательный приборъ, невысокое трюмо въ деревянной рамѣ, выкрашенной бѣлою краскою, и нѣсколько такихъ же стульевъ. Молодая дѣвушка постучала въ закрытую дверь слѣдующей комнаты и сказала:

— Максимиліанъ, васъ желаетъ видѣть воспитанникъ гражданина Ландэ.

Дверь въ ту же минуту отворилась и на порогѣ показался Робеспьеръ, одѣтый, какъ будто онъ собирался на какое-нибудь публичное засѣданіе. Онъ былъ въ очкахъ и за его правымъ ухомъ торчало гусиное перо.

— Вотъ сюрпризъ-то!—весело воскликнулъ онъ, протягивая мнѣ обѣ руки.—Какой добрый вѣтеръ приводитъ васъ?

— Я съ порученіемъ отъ моего почтеннаго наставника, — отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный и радушіемъ этого пріема, и веселымъ

тономъ человѣка, только-что избѣгшаго давно уже предусматриваемой имъ опасности.

— Милости просимъ, милости просимъ,— сказалъ Робеспьеръ, увлекая меня за руку въ свою комнату. — Я весь къ услугамъ моего друга Ландэ и къ вашимъ. Элеонора! распорядитесь, моя дорогая, чтобы никто намъ не мѣшалъ!

— Будьте спокойны, Максимиліанъ,—отвѣчала дѣвица Дюплэ и вышла, привѣтливо кивнувъ мнѣ головою и плотно затворивъ за собой дверь.

Робеспьеръ подвинулъ мнѣ соломенный стулъ къ письменному столу, заваленному бумагами, и самъ сѣлъ у этого стола, чтобы прочесть поданную мною ему записку Проспера Ландэ. Пока онъ читалъ, я успѣлъ внимательно оглядѣть комнату, въ которой мы находились.

Эта невысокая комната, освѣщенная однимъ окномъ, выходившимъ на маленькій внутренній дворикъ столярной мастерской, поразила меня необыкновенной простотой своего убранства. У окна стоялъ незатѣйливый письменный столъ съ покатою верхнею доскою, покрытою потемнѣвшимъ отъ времени краснымъ сафьяномъ, и заваленный бумагами. Передъ столомъ помѣщалось кресло-табуретъ съ низкою спинкою и подъемнымъ сидѣньемъ,

обитое тоже порыжѣвшимъ краснымъ сафьяномъ. Нѣсколько соломенныхъ стульевъ стояли вдоль боковыхъ стѣнъ, на одной изъ которыхъ была прикрѣплена полка для книгъ изъ простого сосноваго, некрашенаго дерева. Въ глубинѣ комнаты, противъ окна, виднѣлась кровать орѣховаго дерева съ точеными столбиками, поддерживавшими пологъ. Этотъ пологъ былъ единственнымъ предметомъ во всей комнатѣ, заявлявшимъ нѣкоторую претензію на щегольство и даже роскошь. Занавѣсы его были голубые штофные съ бѣлыми узорами; но внимательно приглядываясь къ богатой матеріи, изъ которой они были выкроены, можно было легко замѣтить многочисленные швы, шедшіе по разнымъ направленіямъ и доказывавшіе, что роскошный штофъ полога служилъ прежде для другого употребленія. Дѣйствительно, какъ я узналъ позднѣе, изъ бывшихъ одно время въ моихъ рукахъ записокъ г-жи Ле-Ба, младшей дочери Мориса Дюплэ, знаменитые занавѣсы были сооружены изъ штофнаго платья г-жи Дюплэ, оказавшагося ненужнымъ ея владѣтельницѣ съ того времени, какъ шелковыя матеріи были изгнаны совершенно изъ туалета женщинъ, желавшихъ доказать свою приверженность республикѣ. Небогатое убранство комнаты Робеспьера не

мѣшало однакоже ей имѣть какой-то праздничный видъ, зависѣвшій отъ поразительной, доходившей до педантизма чистоты, въ ней господствовавшей. Паркетъ, мебель и всѣ находившіеся въ комнатѣ мелкіе предметы блестѣли и лоснились, точно ихъ только-что вычистили, натерли воскомъ и тщательно отполировали. Нигдѣ незамѣтно было ни пылинки. На письменномъ столѣ стояли двѣ простенькихъ фарфоровыхъ вазы съ свѣжими букетами недорогихъ цвѣтовъ, изъ тѣхъ, которые можно было въ ту эпоху пріобрѣсти за нѣсколько су у каждой уличной торговки цвѣтами.

Робеспьеръ, кончившій чтеніе записки Проспера Ландэ, замѣтилъ то нѣсколько удивленное вниманіе, съ которымъ я разсматривалъ все меня окружавшее. На его тонкихъ губахъ показалась не то насмѣшливая, не то довольная улыбка и, положивъ мнѣ руку на плечо, онъ спросилъ:

— Что̀, мой юный другъ, похоже все это на распространяемые эбертистами слухи о томъ, что я преобразилъ мою квартиру въ роскошный будуаръ древней прелестницы?

— Слухи эти мнѣ извѣстны, но я никогда не вѣрилъ имъ, — былъ мой отвѣтъ, совершенно, впрочемъ, искренній, потому что за исключеніемъ изысканнаго щегольства одежды,

ничто въ привычкахъ и въ манерѣ держать себя знаменитаго трибуна не давало повода думать, что онъ любитъ роскошь.

— Оставимъ это, однакоже, — продолжалъ Робеспьеръ, — и поговоримъ о порученіи, съ которымъ вы ко мнѣ явились. Прежде всего знайте и передайте вашему достойному наставнику, а моему другу, что извиняться ему передо мной было рѣшительно не въ чемъ. Ландэ не обязанъ, да и не можетъ знать всего, что̀ извѣстно мнѣ, какъ члену Комитета Общественной Безопасности, о козняхъ и злодѣскихъ умыслахъ враговъ республики. Съ его стороны совершенно естественно находить преувеличенными мои мрачныя предчувствія. Я самъ начинаю иногда задавать себѣ вопросъ, не слишкомъ ли легко я вѣрю разнымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ мнѣ изъ источниковъ, не всегда чистыхъ, насчетъ безчисленныхъ будто бы злоумышленій противъ меня. Что-то ужь слишкомъ часто люди, въ душѣ меня ненавидящіе и желающіе погубить мою популярность, толкуютъ объ этихъ злоумышленіяхъ, выражая преувеличенную заботу о моей безопасности. Это начинаетъ становиться подозрительнымъ. Сегодня, напримѣръ, по поводу сумасшедшей выходки какого-то дурака, выстрѣлившаго въ Колло д'Эрбуа и объявив-

шаго потомъ, что онъ хотѣлъ убить не Колло, а меня, Баррерь что-то ужь очень долго распространялся о томъ, какъ «драгоцѣнна» моя скромная личность для республики. Мой злѣйшій врагъ, желающій подтвердить ходящіе толки о моихъ мнимыхъ стремленіяхъ къ диктатурѣ, не могъ бы говорить иначе!

— Но развѣ вы не придаете вѣры показаніямъ Ламираля, гражданинъ? — спросилъ я, удивленный тономъ, которымъ вдругъ заговорилъ вѣчно подозрительный Робеспьеръ.

— Трудно повѣрить подобному заявленію человѣку, который, какъ я, самъ былъ адвокатомъ. Ламиралю выгодно заявлять, что Колло д'Эрбуа сдѣлался почти случайною его жертвою. Это можетъ вѣдь повести къ отрицательному отвѣту со стороны присяжныхъ революціоннаго трибунала на вопросъ о предумышленности совершеннаго Ламиралемъ преступленія.

— Но какую же выгоду представляетъ ложное признаніе въ томъ, что онъ намѣревался убить не Колло д'Эрбруа, а васъ?

Робеспьеръ горько усмѣхнулся.

— Какую выгоду? сказалъ онъ, откидываясь на спинку стула.—А хотя бы ту, что подобное заявленіе можетъ расположить въ его пользу всѣхъ моихъ многочисленныхъ недо-

брожелателей, изъ которыхъ многіе имѣютъ сильное вліяніе на присяжныхъ революціоннаго трибунала и на публичнаго обвинителя Фукье Тэнвилля! Я въ дѣйствительность замысла Ламираля противъ меня, во всякомъ случаѣ, повѣрю не ранѣе, чѣмъ мнѣ представятъ болѣе достовѣрныя доказательства, чѣмъ его личное заявленіе. Такъ и скажите Просперу Ландэ, не кстати перетревожившемуся вчерашнимъ происшествіемъ.

Я принялъ эти слова за вѣжливый намекъ, что Робеспьеръ считаетъ нашъ разговоръ конченнымъ и всталъ со стула.

— Куда же вы!—воскликнулъ Робеспьеръ, хватая меня за руку и отбирая у меня шляпу.—Неужели вы воображаете, что въ такой часъ я отпущу васъ безъ обѣда? Не смѣйте и думать этого! Рады или не рады, а вамъ придется раздѣлить мою скромную трапезу. Вечеръ у меня сегодня свободенъ. Въ клубъ якобинцевъ я не пойду, да и васъ не пущу. Тамъ сегодня будутъ нести всякій вздоръ по поводу покушенія Ламираля! За стаканомъ добраго вина, которое принесетъ намъ почтенный Морисъ Дюплэ, мы потолкуемъ съ вами о разныхъ предметахъ, повидимому, сильно васъ интересующихъ. Я люблю бесѣдовать съ молодежью того разбора, къ которому вы при-

надлежите вслѣдствіе воспитанія, полученнаго вами у Проспера Ландэ. Вы согласны, не правда-ли?

Все это было сказано тономъ, исключавшимъ всякую возможность возраженія, да я, впрочемъ, и не думалъ возражать. Моему юношескому самолюбію необыкновенно льстила перспектива продолжительной интимной бесѣды съ человѣкомъ, доступа къ которому добивались по цѣлымъ мѣсяцамъ лица, весьма высоко поставленныя въ республиканской іерархіи.

Робеспьеръ, казалось, очень обрадовался моему согласію. Онъ быстро вышелъ въ смежную съ его спальней-кабинетомъ уборную и, отворивъ дверь на лѣстницу, крикнулъ:

— Элеонора! Будьте такъ добры, скажите матушкѣ, что я прошу ее прислать сегодня обѣдъ въ мою комнату. Насъ двое. Нужно два прибора.

— Сейчасъ,—отвѣтилъ голосъ дѣвицы Дюплэ. — Обѣдъ готовъ.

Робеспьеръ вернулся, и потирая руки съ довольнымъ видомъ, сказалъ:

— Въ видѣ исключенія мы сочинимъ маленькую оргію! Я попрошу, чтобы намъ принесли бутылочку стараго бордо.

Съ этими словами онъ принялся дѣлать раз-

личныя приготовленія къ «маленькой оргіи», отодвигая къ стѣнѣ свое кресло-табуретъ и притягивая къ срединѣ комнаты ногою небольшой квадратный коверъ, лежавшій передъ постелью. Во время этихъ приготовленій явилась толстая служанка, принесшая съ низу небольшой круглый столъ краснаго дерева съ мѣдными украшеніями. Слѣдомъ за ней вошла Элеонора Дюплэ съ большимъ подносомъ, на которомъ стояли приборы, суповая чаша и бутылка вина. Столъ оказался накрытъ въ нѣсколько минутъ, при помощи самого Робеспьера, который весело суетился и попросилъ молодую дѣвушку прислать другую бутылку вина, «того, которое пьютъ по праздникамъ».

Элеонора не безъ удивленія взглянула при этомъ на меня и незамѣтно пожала плечами, очевидно удивляясь, съ какой это стати ея знаменитый женихъ пускался въ экстраординарные расходы для такого молокососа? Потребованное вино было, однакоже, немедленно прислано.

Обѣдъ оказался очень скромнымъ. Супъ изъ протертыхъ зеленыхъ бобовъ, жареная макрель, кусокъ вареной баранины и дессертъ, состоявшій изъ сыра и дешевыхъ фруктовъ— вотъ все, что составляло «скромную трапезу», предложенную мнѣ Робеспьеромъ. За то ста-

рое бордо, присланное Морисомъ Дюплэ, было превосходно, вполнѣ оправдавъ почти восторженныя похвалы, которыми встрѣтилъ появленіе его на столѣ Робеспьеръ.

Я долженъ прибавить однакоже, что похвалы эти были почти платоническія, потому-что, угощая меня усердно превознесеннымъ имъ до небесъ виномъ, знаменитый трибунъ не выпилъ во все время обѣда и трехъ четвертей стакана этого нектара, наливая себѣ каждый разъ самую малость, въ то время, какъ мой стаканъ онъ наполнялъ почти до краевъ. Дѣлалось это весьма просто, безъ всякаго желанія порисоваться воздержностью, которую поклонники Робеспьера ставили ему въ важную заслугу.

Послѣ второго блюда и двухъ или трехъ глотковъ вина, мой амфитріонъ, находившійся съ самаго начала обѣда въ самомъ лучшемъ и веселомъ настроеніи духа, откинулся на спинку своего стула и спросилъ меня, потирая руки:

— Такъ мы рѣшительно не намѣрены покинуть Францію?

— Рѣшительно не намѣренъ,—отвѣчалъ я, стараясь попасть въ его шутливый тонъ, но въ душѣ досадуя, что Робеспьеръ снова поднимаетъ вопросъ для меня крайне непріятный.

— De gustibus et coloribus non est disputandum!—произнесъ онъ улыбаясь и щуря свои близорукіе глаза.—Если вы, мой юный другъ, выдержите характеръ до конца, то я принесу покаяніе и объявлю, что ошибался, не довѣряя возможности искренняго увлеченія иноземцевъ идеями, положенными въ основу существующаго у насъ порядка вещей.

— Что взгляды мои не измѣнятся, за это я ручаюсь, но мнѣ любопытно было бы узнать, гражданинъ-представитель, въ чемъ долженъ состоять тотъ «конецъ», про который вы только что упомянули?—возразилъ я.

Робеспьеръ выпилъ еще глотокъ вина и отвѣтилъ мнѣ уже не прежнимъ, шутливымъ и нѣсколько поддразнивающимъ тономъ:

— Подъ словомъ «конецъ» я разумѣю, понятно, развязку нынѣшнихъ событій, предполагая притомъ, что она окажется сообразною съ вашими и моими желаніями.

— Ждать въ такомъ случаѣ придется недолго. До праздника Верховнаго Существа остается всего нѣсколько недѣль.

— Ну, этотъ праздникъ, если онъ и пройдетъ вполнѣ благополучно, «развязкой» ни въ какомъ случаѣ не будетъ! Съ него-то, напротивъ, по всей вѣроятности и начнутся главныя затрудненія.

— Почему вы такъ думаете?

— А потому, что съ этого дня безчисленные недоброжелатели тѣхъ принциповъ и идей, борьбѣ за которые я посвятилъ себя, увидятъ, что для побѣды надъ честными республиканцами у нихъ не остается другого средства какъ коалиція съ монархическими заговорщиками. До сихъ поръ наши многочисленные враги дѣйствовали въ раздробь, каждый за свой счетъ и мѣшая другъ другу. Отнынѣ они будутъ дѣйствовать заодно, для достиженія общей цѣли, т.-е. ниспроверженія одержавшихъ верхъ политическихъ дѣятелей, которые одни способны упрочить республику, помиривъ съ нею окончательно общественное мнѣніе большинства. Одолѣть козни такого союза будетъ не легко и единственное средство, которымъ этого можно достигнуть, пожалуй, придется не по вкусу тому идеальному республиканизму, который развило въ васъ воспитаніе, полученное у моего пріятеля Проспера Ландэ.

— А если я сообщу вамъ, гражданинъ-представитель, съ просьбой сохранить мою тайну, что за послѣднее время взгляды, которые вы мнѣ приписываете, значительно измѣнились и я началъ понимать проповѣдуемую вами безусловную необходимость нѣкоторыхъ уклоненій отъ теоріи?

Робеспьеръ нагнулся къ столу, положилъ на него локти и, пристально глядя мнѣ въ глаза, спросилъ:

— Это искренно?

— Совершенно искренно!—отвѣчалъ я, обрадованный возможностью убѣдить знаменитаго трибуна въ томъ, что я не простой «мечтатель».—Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ въ первый разъ довелось слышать ваше мнѣніе на этотъ счетъ, я много думалъ и наблюдалъ за происходившими событіями. Окончательный выводъ изъ моихъ размышленій тотъ, что вы правы и что іезуиты, провозгласившіе знаменитый афоризмъ «цѣль оправдываетъ средства», были, можетъ быть, и плохими христіанами съ евангельской точки зрѣнія, но людьми страстно и сознательно преданными той задачѣ, во имя которой Игнатій Лойола создалъ ихъ орденъ.

Пока я говорилъ, нѣсколько путаясь въ словахъ отъ волненія и торопясь изложить мою мысль, Робеспьеръ одобрительно кивалъ головою и улыбался тою странною, загадочною улыбкою, которая была ему свойственна. Когда я кончилъ, онъ помолчалъ нѣсколько минутъ и потомъ сказалъ:

— Молоды вы еще очень, вотъ въ чемъ бѣда! А впрочемъ, кто знаетъ? Въ наше лихорадоч-

ное время умы зрѣютъ съ небывалою быстротою. Мой другъ и товарищъ Сенъ-Жюстъ немногимъ старше васъ, а ужь, конечно, ему никто не откажетъ въ политической возмужалости, несмотря на иныя эксцентричности, какъ его пресловутый проэктъ закона о причисленіи неблагодарности къ числу уголовныхъ преступленій, наказуемыхъ смертью! Что жъ, попробуйте пожалуй! Намъ нужны люди и послѣ сказаннаго вами я готовъ содѣйствовать дарованію вамъ правъ гражданства республики, несмотря даже на кое-какія свѣдѣнія, имѣющіяся о васъ—чего вы, вѣроятно, и не подозрѣваете—въ Комитетѣ Общественной Безопасности.

Я вспыхнулъ и на минуту смутился при этомъ намекѣ, но тотчасъ же однако поправившись, отвѣчалъ:

— Вы ошибаетесь, гражданинъ-представитель. Мнѣ хорошо извѣстны не только эти свѣдѣнія, но даже, что именно вамъ я обязанъ тѣмъ, что меня не арестовали вслѣдствіе письма Люцинды Сентъ-Амарантъ.

Робеспьеръ сверкнулъ глазами и, стукнувъ кулакомъ по столу, вскрикнулъ:

— А меня еще упрекаютъ въ Комитетѣ, когда я говорю, что тайна нашихъ совѣщаній не соблюдается надлежащимъ образомъ! От-

куда у васъ эти свѣдѣнія? Я требую, чтобы вы назвали мнѣ предателя!

Было что-то до того грозное и властное въ этомъ требованіи, не совсѣмъ-то умѣстномъ при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ Робеспьеръ его заявлялъ, что мнѣ и въ голову не пришло обидѣться. На сдѣланный мнѣ вопросъ я отвѣчалъ просто и безъ всякой задней мысли:

— Исполнить ваше желаніе я могу тѣмъ легче, что, во-первыхъ, не связанъ никакимъ обязательствомъ хранить тайну на этотъ счетъ, а, во-вторыхъ, что человѣка, сообщившаго мнѣ извѣстіе о вашемъ заступничествѣ за меня, уже нѣтъ въ живыхъ... Извѣстіе это было передано мнѣ покойнымъ Дантономъ.

Трудно представить себѣ впечатлѣніе, которое произвело на Робеспьера это, столь неожиданно для него произнесенное имя. Онъ вскочилъ со стула, точно собираясь ринуться на меня, но тотчасъ же зашатался и схватился рукою за голову. Лицо его было блѣдно, губы стиснуты, руки дрожали. Снова опускаясь на стулъ, онъ произнесъ едва слышно, точно надтреснутымъ голосомъ:

— Когда и при какихъ обстоятельствахъ?

Я разсказалъ подробно мою встрѣчу съ Дантономъ у г-жи Сентъ-Амарантъ. Робес-

пьеръ слушалъ, опустивъ голову и разсматривая свои тщательно отполированные ногти.

— Да! этотъ безумецъ былъ способенъ и не на такія неосторожности. Его языкъ былъ его злѣйшимъ врагомъ, — задумчиво проговорилъ онъ по окончаніи моего разсказа.—Предательства тутъ, очевидно, не было. Я беру назадъ сказанное мною. Покойный просто хотѣлъ похвастаться своимъ всезнаніемъ, а, можетъ быть, и уступилъ искушенію попугать того, кого я взялъ подъ свою защиту въ Комитетѣ. Оставимъ это! Что было, то прошло...

— Пусть будетъ такъ,—возразилъ я,—но, все-таки, вы позволите мнѣ, гражданинъ-представитель, считать себя вашимъ должникомъ за сохраненную мнѣ вами свободу.

— Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны, — какъ-то неохотно произнесъ онъ. — Я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ отчасти по дружбѣ къ Ландэ, отчасти потому, что въ письмѣ, возбудившемъ подозрѣніе противъ васъ, не было ни малѣйшаго намека на вашу прикосновенность къ интригѣ, въ которой, повидимому, принимала участіе близкая вамъ особа. Не будемъ продолжать случайно начатаго разговора, вернемся лучше къ вашимъ планамъ на будущее. Я сказалъ, что готовъ помочь вамъ въ полученіи французскаго гражданства и слова

своего назадъ не беру. Желаете моего содѣйствія?

— Горжусь сдѣланнымъ мнѣ предложеніемъ и не замедлю имъ воспользоваться,—отвѣчалъ я, кланяясь черезъ столъ.

— А, все-таки, я не совсѣмъ понимаю васъ, мой юный другъ! — воскликнулъ Робеспьеръ своимъ прежнимъ веселымъ тономъ.—Неужели же вы такъ-таки совершенно равнодушны къ выгодамъ и приманкамъ того высокаго положенія, которое могло бы стать вашимъ удѣломъ въ Россіи? Вѣдь, что ни говори, а страна эта — ваше отечество. Даже и съ точки зрѣнія повсемѣстнаго торжества тѣхъ идей, служенію которымъ вы рѣшились себя посвятить, ваше возвращеніе въ Россію могло-бы представить огромную пользу. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что я—рѣшительный противникъ той пропаганды свободы за-границей посредствомъ французскихъ штыковъ и ружей, которую наши эбертисты, сбитые съ толку этимъ негодяемъ Клоотсомъ, провозглашали одной изъ главныхъ задачъ республиканскаго правительства. По моему мнѣнію, удовольствіе узнать, что гдѣ-нибудь въ Томбукту или въ Тегеранѣ провозглашена республика и низвергнуто владычество тирановъ, было бы куплено нами слишкомъ дорого, еслибы оно стоило намъ

жизни хотя бы одного французскаго солдата, но изъ этого, однакоже, не слѣдуетъ, чтобы я не желалъ видѣть торжества нашихъ идей среди другихъ народовъ и, въ особенности, народовъ европейскихъ. У насъ вы ни въ какомъ случаѣ не будете играть выдающейся роли, между тѣмъ, какъ въ Россіи...

— Осмѣлюсь замѣтить, гражданинъ-представитель, — перебилъ я его, — что какъ ни мало знакомъ я съ положеніемъ дѣлъ моей родины, но, все-таки, думаю, что не ошибусь, отвѣтивъ вамъ увѣреніемъ въ полной немыслимости превращенія Россіи въ республику.

— Да кто же говоритъ вамъ о подобномъ превращеніи?—воскликнулъ Робеспьеръ, трепля меня черезъ столъ по плечу. — Республика — только одна изъ формъ, которою можетъ быть достигнуто господство свободы, правосудія и гражданской полноправности всѣхъ жителей данной страны! У насъ она сдѣлалась неизбѣжною необходимостью потому, что между вождями прежнихъ руководящихъ классовъ не оказалось ни одного человѣка, вполнѣ искренно перешедшаго на сторону принциповъ, провозглашенныхъ національнымъ собраніемъ 1789 года. Въ другихъ странахъ, особенно у васъ въ Россіи, можетъ случиться совершенно иначе. Императрица Екатерина, бросив-

шаяся теперь въ реакцію, обнаруживала прежде искренно-либеральныя стремленія. Еслибъ въ средѣ людей, ее окружающихъ — а кому же неизвѣстно, что она и нынѣ любитъ окружать себя молодыми людьми?—нашлись лица, хорошо знакомыя съ истинными стремленіями лучшихъ людей нашей республики, гражданская и политическая свобода могла бы водвориться въ вашемъ отечествѣ и безъ помощи насильственнаго переворота.

Я не безъ удивленія посмотрѣлъ на моего знаменитаго собесѣдника. Въ первый разъ мнѣ стало понятно, что этотъ краснорѣчивый трибунъ—не простой фанатикъ республиканскаго принципа, а глубокій политикъ, ставящій идею свободы выше той правительственной формы, которая обезпечила Франціи эту, столь дорого доставшуюся ей свободу. Ни въ конвентѣ, ни въ клубѣ якобинцевъ, Робеспьеръ ни разу не объяснялъ столь понятно и откровенно побужденій своей упорной борьбы съ проповѣдниками «космополитической революціи», во главѣ которыхъ стоялъ Анахарсисъ Клоотсъ. Новость и неожиданность слышаннаго мною были такъ велики, что я не сразу нашелся, чтò отвѣчать. Молчаніе мое Робеспьеръ, повидимому, истолковалъ тѣмъ, что онъ поколебалъ мою рѣшимость принять французское гражданство,

потому что взялъ меня за руку и, дружески пожимая ее, онъ произнесъ убѣждающимъ тономъ:

— Нѣтъ, право, возвращайтесь-ка въ Россію?

— Вы, можетъ быть, и правы, гражданинъ-представитель, — отвѣтилъ я нѣсколько опомнившись, — но моя рѣшимость непоколебима. Остаться навсегда во Франціи, у меня есть множество причинъ, изъ которыхъ иныя касаются меня лично.

Онъ усмѣхнулся и прищурилъ глаза, говоря:

— И одна изъ этихъ причинъ, конечно, та особа, о которой писала вамъ Люцинда Сентъ-Амарантъ?

— Можетъ быть и такъ,—отвѣчалъ я уклончиво.

— Ну, значитъ, вы еще очень молоды въ такомъ случаѣ и въ подражатели моему другу Сенъ-Жюсту не годитесь! Впрочемъ, это меня успокоиваетъ. Въ ваши годы любовь—чувство не долговѣчное. Пройдетъ ваше нынѣшнее увлеченіе—измѣнится и ваша рѣшимость остаться навсегда во Франціи. Дальнѣйшій разговоръ объ этомъ предметѣ будетъ излишнимъ. Я вовсе не желаю, чтобы вы вынесли непріятное воспоминаніе о нашей сегодняшней бесѣдѣ.

Я только-что хотѣлъ отвѣтить на эту любезную фразу какою-нибудь банальною любез-

ностью, какъ черезъ открытую дверь на лѣстницу донесся снизу женскій голосъ, громко и досадливо говорившій:

— Я уже сказала вамъ, что гражданинъ Робеспьеръ занятъ и не принимаетъ!

Робеспьеръ съ странною поспѣшностью вскочилъ при этихъ словахъ изъ-за стола и, пробравшись на ципочкахъ до открытой двери, тихонько ее затворилъ, стараясь неслышно защелкнуть внутреннюю задвижку. Когда онъ исполнилъ этотъ трудный маневръ и обернулся ко мнѣ, на лицѣ его сіяла довольная улыбка школьника, удачно ускользнувшаго изъ-подъ надзора строгаго учителя.

— Какой-нибудь проситель,—произнесъ онъ шопотомъ.— Отбою нѣтъ отъ этого надоѣдливаго народа! Съ утра до ночи осаждаютъ мою дверь. Пусть Элеонора Дюплэ справляется какъ знаетъ. Она на эти дѣла мастеръ.

Говоръ внизу, однакоже, не умолкалъ. Словъ не было теперь слышно, но по долетавшимъ до насъ звукамъ легко было догадаться, что внизу идетъ оживленный споръ. Рядомъ съ голосомъ Элеоноры Дюплэ слышался другой женскій голосъ, звуки котораго казались мнѣ знакомыми. Вслѣдъ затѣмъ раздался грубый мужской говоръ и какой-то странный шумъ. Робеспьеръ снова пробрался на ципочкахъ къ

двери и сталъ прислушиваться, дѣлая мнѣ рукою знакъ не вставать изъ-за стола. Шумъ усиливался все болѣе и болѣе и вдругъ изъ него выдѣлилось пронзительное восклицаніе Элеоноры Дюплэ:

— Ахъ, ты, мерзавка! такъ вотъ зачѣмъ тебѣ надобно было его видѣть! На помощь, граждане! Держите убійцу!

Робеспьеръ быстро отдернулъ задвижку, распахнулъ дверь и выбѣжалъ на лѣстницу. Я послѣдовалъ за нимъ.

На дворѣ передъ флигелемъ Дюплэ раздавался шумъ множества голосовъ и слышались слова: «держите ее крѣпче!» — «хорошенько обыскивайте!»—«Ахъ ты, подлая гадина!»

Робеспьеръ нагнулся черезъ перила и крикнулъ:

— Элеонóра! Что̀ тамъ такое случилось?

— Не спускайтесь внизъ, Максимиліанъ, идите въ вашу комнату! Я сейчасъ поднимусь и разскажу,—отвѣчала дѣвица Дюплэ.

Но онъ не послушался и сталъ сходить съ лѣстницы. На заворотѣ Элеонора остановила его. Молодая дѣвушка была страшно блѣдна и едва стояла на ногахъ отъ волненія.

— Идите назадъ!—крикнула она, топнувъ ногою.

Робеспьеръ машинально повиновался, глядя

на свою невѣсту недоумѣвающими глазами. Черезъ минуту мы снова были въ его комнатѣ. Элеонора заперла дверь на задвижку и, упавъ на стулъ, проговорила, тяжело дыша:

— Она приходила васъ убить!

— Кто? — спросилъ въ недоумѣніи Робеспьеръ.

— Она! эта негодная дѣвчонка! Выдала себя за просительницу. Въ карманѣ нашли складной ножъ!

Онъ сверкнулъ глазами и бросился къ двери.

— Максимиліанъ! — умоляющимъ голосомъ произнесла Элеонора.

Но дверь уже была открыта и Робеспьеръ исчезъ за нею. Черезъ минуту на лѣстницѣ раздался его голосъ:

— Мой дорогой Дюплэ, приведите сюда арестованную. Я хочу ее видѣть.

— Поздно, гражданинъ-представитель!—отвѣчалъ голосъ столяра. — Злодѣйка уже въ рукахъ народнаго правосудія.

Элеонора Дюплэ при этихъ словахъ тоже быстро вышла изъ комнаты. Я остался одинъ, боясь показаться нескромнымъ, но уединеніе мое было непродолжительно. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошли Робеспьеръ, Элеонора и Морисъ Дюплэ.

— Она созналась въ своемъ намѣреніи?— спрашивалъ Робеспьеръ, входя.

— Прямого сознанія не было, — отвѣчалъ столяръ, видимо еще не оправившійся отъ волненія и тяжело дышавшій.—Главное, что въ карманѣ нашли складной ножъ.

— Но почему вамъ пришла мысль ее обыскать?

— Да ужь очень настойчиво требовала свиданія съ вами. Когда Элеонора сказала ей, что вы заняты и никого не принимаете, эта дѣвчонка дерзко возразила, что представитель народа долженъ быть всегда къ услугамъ тѣхъ, кто имѣетъ въ немъ нужду...

— Мнѣ это и показалось страннымъ,— перебила дѣвица Дюплэ.—Я попросила ее обождать и позвала батюшку.

— Я вошелъ и спрашиваю, что ей надо?— снова заговорилъ Морисъ Дюплэ.—Она отвѣчала: «Видѣть Робеспьера!»—Сказано вѣдь вамъ, что онъ занятъ и не принимаетъ!—«Но если мнѣ необходимо!»—Заходите въ другой разъ!—«Мнѣ надо сегодня!»—Мало ли что, говорю нельзя!.. А она все лѣзетъ впередъ. Я взялъ ее за плечи. Она какъ крикнетъ: «Не смѣйте меня трогать! Вы налагаете руку на женщину!»—Шарлота Кордэ была тоже женщина!—вырвалось у меня, такъ просто, съ до-

сады, а она какъ затрясется и бросилась къ двери. Я смекнулъ, что это не спроста, да и говорю: нѣтъ ужь позвольте, гражданка, теперь я васъ не отпущу, не пошаривъ по вашимъ карманамъ! У нея и ноги подкосились! Элеонора поддержала сзади; да кстати и за локти ее прихватила. Я полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда большой складной ножъ. Дочка, увидавъ это, стала звать на помощь. Явились мои молодцы и потащили злодѣйку на дворъ. Тутъ раздался вашъ голосъ и, пока я посылалъ къ вамъ Элеонору, наши увели эту дѣвчонку къ комиссару. Онъ вѣдь живетъ напротивъ.

Выслушавъ нескладный разсказъ Дюплэ, Робеспьеръ повернулся ко мнѣ и какимъ-то страннымъ голосомъ сказалъ:

— Выходитъ, какъ видите, что Просперу Ландэ было въ чемъ извиняться передо мной!

Онъ снялъ съ гвоздя висѣвшую на немъ шляпу и спросилъ Мориса Дюплэ:

— А имени своего не сказала?

— Мы, признаться, и не догадались спросить,—отвѣчалъ столяръ, вытирая вспотѣвшій лобъ.

Робеспьеръ, очевидно сильно взволнованный, хотя и старавшійся казаться хладнокровнымъ, какъ-то машинально пожалъ мнѣ руку,

не говоря ни слова, и вышелъ. Я послѣдовалъ за нимъ, поклонившись тоже безмолвно Морису Дюплэ и его дочери.

На улицѣ толпилось не мало любопытныхъ и при видѣ знаменитаго трибуна раздались крики: «да здравствуетъ Робеспьеръ!» Герой этой импровизированной оваціи отвѣчалъ отрывисто: «благодарю васъ, граждане; позвольте пройти!» и исчезъ черезъ минуту въ воротахъ противуположнаго дома.

Я постоялъ минуту въ нерѣшимости посреди шумѣвшей и волновавшейся толпы и почти машинально двинулся по дорогѣ къ клубу якобинцевъ. Все, только-что разсказанное выше, произошло такъ быстро, было такъ неожиданно и имѣло такой потрясающій характеръ, что я еще не могъ придти въ себя и задаться вопросомъ о причинѣ странной, болѣзненной тревоги, которую я ощущалъ. Съ того мгновенія какъ крикъ Элеоноры Дюплэ показалъ, что дѣло идетъ о чемъ-то въ родѣ страшнаго подвига Шарлоты Кордэ, я находился исключительно подъ вліяніемъ ужаса при мысли объ участи, которой чуть-чуть было не подвергся Робеспьеръ. Только теперь вспомнилось мнѣ, что тревога охватила меня прежде, чѣмъ я догадался объ этой опасности, и что ее вызвалъ первоначально звукъ жен-

скаго голоса, отвѣчавшаго Элеонорѣ Дюплэ. Спрашивая себя теперь о причинѣ этого впечатлѣнія, я внезапно похолодѣлъ отъ головы до ногъ. Голосъ дѣвушки, арестованной Морисомъ Дюплэ, былъ похожъ на голосъ Сесили Рено!

Никакими словами не передать, что̀ сдѣлалось со мною послѣ этого ужаснаго открытія! Какъ безумный, толкая прохожихъ, бросился я бѣжать по направленію клуба якобинцевъ, почти инстинктивно соображая, что тамъ скорѣе всего удастся мнѣ узнать имя арестованной. Мысли, одна другой ужаснѣе, тѣснились въ моей головѣ. Я вспомнилъ мою встрѣчу съ Сесиль передъ домомъ Марата, ея восторженные отзывы о Шарлоттѣ Кордэ, болтовню покойнаго Дантона о «летучемъ эскадронѣ» жены Ролана, загадочныя фразы Люцинды Сентъ-Амарантъ. Въ ушахъ у меня звенѣло, во рту ощущалась жгучая сухость, виски стучали невыносимо..

Какъ я очутился на своемъ мѣстѣ въ клубѣ якобинцевъ, этого я рѣшительно не помню. Знаю только, что когда вернулось ко мнѣ пониманіе меня окружающаго, я былъ пораженъ относительнымъ спокойствіемъ всѣхъ присутствующихъ. На ораторской трибунѣ разглагольствовалъ какой-то неизвѣстный мнѣ яко-

бинецъ, сообщавшій о «спартанскомъ» терпѣніи, которое обнаруживаетъ на «одрѣ страданій» легко раненый Колло д'Эрбуа. О случившемся съ Робеспьеромъ еще не зналъ никто. Это было тѣмъ страннѣе, что обыкновенно первыя извѣстія о подобныхъ происшествіяхъ доходили прежде всего до клуба якобинцевъ. Я просидѣлъ около получаса въ залѣ засѣданій, все ожидая, что явится какой-нибудь вѣстникъ происшедшаго событія, но ожиданіе это не оправдалось. Списокъ очередныхъ занятій клуба оказался на этотъ разъ непрнвычно скуденъ и въ половинѣ одиннадцатаго президентъ объявилъ засѣданіе закрытымъ. Въ ту минуту, когда онъ передъ этимъ объявленіемъ обратился къ собранію съ вопросомъ, не желаетъ ли кто-нибудь слова? я чуть-чуть было не поднялся съ мѣста, чтобы разсказать то, что было мнѣ извѣстно о предполагаемомъ покушеніи на жизнь Робеспьера, но меня удержали во-первыхъ, нежеланіе сдѣлаться предметомъ безконечныхъ разспросовъ, а во-вторыхъ какое-то внутреннее чувство ужаса при мысли, что мой разсказъ вызоветъ взрывъ негодованія противъ молодой дѣвушки, задержанной Морисомъ Дюплэ. Я поторопился выйдти изъ клуба и, вернувшись домой, прошелъ прямо въ свою комнату, очень довольный со-

общеніемъ служанки, что Ландэ уже спитъ послѣ довольно сильнаго припадка подагры, случившагося съ нимъ вскорѣ послѣ моего ухода.

XVI.

Всю ночь съ 4-го на 5-е преріаля, я провелъ безъ сна. Смутная тревога, овладѣвшая мною при выходѣ изъ квартиры Мориса Дюплэ, понемногу переходила въ какую-то странную увѣренность, что героиня вчерашняго происшествія—Сесиль Рено. Откуда могла у меня явиться эта увѣренность, я не знаю, и сколько помнится, не зналъ и тогда, когда она начала закрадываться мнѣ въ душу. Кажется, что она была результатомъ одного изъ тѣхъ припадковъ бреда на яву, которые случаются иногда съ очень молодыми людьми, страдающими безсонницей. Лучи восходящаго солнца уже начинали пробиваться сквозь щели моихъ рѣшетчатыхъ ставней, когда усталость и волненіе ослабили меня до того, что я погрузился въ тяжелое, чисто болѣзнен ное забытье...

Когда я очнулся и открылъ глаза, было уже 9 часовъ утра, т.-е. по тогдашнему довольно поздно. Первою моею мыслью было—

идти или не идти къ Ландэ съ разсказомъ о вчерашнемъ событіи? Подумавъ немного, я снова испыталъ то же чувство, которое помѣшало мнѣ наканунѣ заговорить въ клубѣ якобинцевъ, и рѣшился не заходить къ моему наставнику, а прямо отправиться въ конвентъ, гдѣ, конечно, я узнаю всѣ подробности о допросѣ, сдѣланномъ полицейскимъ комиссаромъ арестованной дѣвушкѣ. Одѣвшись на скорую руку, я позвалъ служанку и приказалъ ей передать Ландэ, что ухожу съ утра по очень важному дѣлу и вернусь только поздно вечеромъ. Рѣшимость провести весь день внѣ дома явилась у меня внезапно уже въ то время, какъ служанка вошла на мой зовъ.

Идти въ конвентъ было еще рано и я отправился въ садъ Пале́-Эгалите, многочисленныя кофейни котораго были всегда полны съ утра до вечера политическими вѣстовщиками и журналистами. Прислушиваясь къ оживленнымъ разговорамъ, шедшимъ за столиками этихъ кофеенъ, выставленными въ саду, я скоро убѣдился, что роковая вѣсть еще не проникла въ публику. Толковали о покушеніи Ламираля, смѣялись надъ изнѣженностію и трусостію Колло д'Эрбуа, слегшаго въ постель отъ вздорной царапины дурно направленной пули. У одного столика я услышалъ фразу:

— Ужь, конечно, не Робеспьеръ обнаружилъ бы такое постыдное малодушіе!

Было ясно, что никто изъ завсегдателей сада не слыхалъ еще о случившемся наканунѣ вечеромъ. У меня вдругъ мелькнула странная надежда, что Робеспьеръ рѣшился замять дѣло, убѣдившись въ ошибочности подозрѣній Мориса Дюплэ и его дочери и не желая показаться смѣшнымъ. Эта догадка какъ-то сразу меня успокоила и дала мнѣ возможность терпѣливо ожидать часа открытія конвента. Явился даже обычный утренній аппетитъ и я съ удовольствіемъ выпилъ большую чашку кофе съ хлѣбомъ, но увы! безъ масла, потому что этого продукта нельзя было достать въ Парижѣ и на вѣсъ золота въ теченіе всего лѣта 1794 года.

Въ конвентѣ при началѣ засѣданія тоже все было спокойно. Террористы «горы», правда, о чемъ-то перешептывались между собою съ таинственнымъ видомъ, но остальные члены собранія и публика трибунъ были, очевидно, въ самомъ заурядномъ настроеніи духа. Президентъ объявилъ засѣданіе открытымъ и далъ слово докладчику одной изъ безчисленныхъ комиссій конвента. Въ то время, какъ докладчикъ уже взошелъ на трибуну и приготовился читать свой докладъ, у входныхъ две-

рей появился блѣдный, какъ смерть, народный представитель, громко воскликнувшій взволнованнымъ голосомъ:

— Гражданинъ-президентъ, я прошу слова для сообщенія извѣстія крайней, неотложной важности!

Всѣ обернулись при звукахъ этого голоса. Президентъ, взглянувъ на говорившаго и увидавъ его разстроенное лицо, поспѣшилъ сказать:

— Слово принадлежитъ гражданину Тайльферу для экстреннаго сообщенія.

Тайльферъ взбѣжалъ на трибуну и, задыхаясь отъ волненія, началъ:

— Граждане! Новая Кордэ пробовала вчера покуситься на жизнь Робеспьера. Злодѣйскій замыселъ не удался. Виновница покушенія арестована. У нея нашли складной ножъ. На вопросъ комиссара: зачѣмъ ей надо было видѣть Робеспьера, она отвѣчала, что она хотѣла посмотрѣть, на что̀ похожъ тиранъ, топящій Францію въ потокахъ крови и прибавила на другой вопросъ комиссара, что предпочитаетъ одного короля шестидесяти тысячамъ деспотовъ.

Съ первыхъ же словъ оратора весь конвентъ былъ на ногахъ. Конецъ его небольшого разсказа былъ едва слышенъ за шум-

нымъ говоромъ сотни голосовъ. Отовсюду раздавались крики:

— Имя! имя злодѣйки! Назовите имя!

— Ее зовутъ Сесиль Рено. Отецъ ея держитъ бумажный магазинъ въ улицѣ de la Lanterne! — крикнулъ охриплымъ голосомъ Тайльферъ, стараясь покрыть шумный говоръ, стоявшій въ залѣ.

Я какъ сумасшедшій вскочилъ съ своего мѣста въ публичной трибунѣ и, бѣшено расталкивая сплошную массу, ее наполнявшую, бросился къ выходу. Смутныя предчувствія и безпричинная увѣренность прошлой ночи оказывались пророческими! Увлекаемый настоящимъ припадкомъ помѣшательства, я летѣлъ внизъ по лѣстницѣ, самъ не зная зачѣмъ, но съ твердою, непреклонною рѣшимостью сдѣлать что-то такое, что̀ непремѣнно спасетъ отъ неминуемой гибели несчастную Сесиль...

Какимъ образомъ очутился я передъ дверью Мориса Дюплэ—рѣшительно не помню. Знаю только, что на мой громкій стукъ въ дверную скобу, вышла ко мнѣ Элеонора, объявившая, что Робеспьера нѣтъ дома и что онъ вернется не ранѣе вечера.

Услышавъ этотъ отвѣтъ, я почему-то вообразилъ, что мнѣ необходимо отправиться къ Камиллю Рено и помочь ему избѣгнуть ареста.

«Ему надо немедленно оставить Парижъ», думалъ я, «бѣжать далеко-далеко. Для этого надобны деньги. Если ихъ у него нѣтъ, я дамъ своихъ». Но тутъ я вспомнилъ, что денегъ у меня съ собою нѣтъ и тотчасъ же, все еще не понимая хорошенько, что̀ я дѣлаю, я снова повернулъ въ другую сторону и быстро зашагалъ по направленію къ нашей квартирѣ.

Служанка, открывшая мнѣ дверь, была блѣдна, и взволнована нисколько не менѣе меня. Она загородила мнѣ входъ и быстро прошептала:

— Уходите скорѣе, гражданинъ Эженъ. Тамъ наверху агенты Комитета. Они явились васъ арестовать. Идетъ обыскъ вашихъ бумагъ.

Я не только не испугался, но просто обрадовался этому извѣстію. Оттолкнувъ движеніемъ руки добрую женщину, я взбѣжалъ на верхъ и, распахнувъ притворенную дверь моей комнаты, вошелъ въ нее съ крикомъ:

— Вы ищете Стародубскаго? Вотъ онъ!

Рывшійся въ ящикахъ моего письменнаго стола высокій человѣкъ, опоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ, повернулся съ изумленіемъ въ мою сторону и спросилъ строгимъ голосомъ, кто я и что̀ мнѣ надо?

Я вспомнилъ, что позабылъ произнести свою фамилію на французскій манеръ и исправилъ эту ошибку.

Человѣкъ въ трехцвѣтномъ шарфѣ какъ-то досадливо пожалъ плечами, взглянувъ въ сторону сопровождавшихъ его агентовъ и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ я имѣю порученіе васъ арестовать.

— Исполняйте ваше порученіе,—отвѣчалъ я, складывая руки и глядя прямо ему въ лицо.

— Не торопитесь, молодой человѣкъ,—проговорилъ онъ, какъ-то странно улыбаясь.— Прежде чѣмъ вести васъ въ тюрьму, я долженъ еще повидаться съ вашимъ покровителемъ, достойнымъ Просперомъ Ландэ. Благоволите слѣдовать за мною въ его комнату.

Я машинально повиновался.

Наставникъ мой былъ уже, очевидно, предупрежденъ. Увидѣвъ меня, онъ грустно, но спокойно протянулъ мнѣ руку, говоря:

— Не пугайся, Эженъ. Тутъ, очевидно, недоразумѣніе, которое скоро разъяснится. Тебя считаютъ прикосновеннымъ къ безумному покушенію этой несчастной дѣвушки, потому что ты посылалъ ей письма въ Немуръ.

— Я ничего не боюсь,—отвѣчалъ я сухо, почти грубо.—Быть замѣшаннымъ въ дѣлѣ гражданки Рено, считаю за истинное счастіе потому, что буду такимъ образомъ въ состояніи доказать ея невинность.

Ландэ переглянулся съ человѣкомъ въ трехцвѣтномъ шарфѣ. Тотъ слегка кивнулъ ему головою и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Подозрѣніе, падающее на васъ, не очень серьезно. Если вы дадите слово не удаляться изъ вашей квартиры, я могу оставить васъ на поруки гражданина Ландэ.

— Слово это я отказываюсь дать. Ведите меня въ тюрьму! — былъ мой отвѣтъ.

Ландэ еще разъ поднялъ на меня глаза, вздохнулъ и, обращаясь къ моему спутнику, сказалъ:

— Исполняйте его желаніе, гражданинъ-комиссаръ! Остальное ужь будетъ моимъ дѣломъ.

Черезъ часъ я находился уже въ канцеляріи тюрьмы Консьержери. Смотритель этой тюрьмы, переговоривъ съ приведшимъ меня полицейскимъ комиссаромъ, позвалъ сторожа и коротко приказалъ:

— Помѣстить во второе отдѣленіе подозрительныхъ.

Сторожъ повелъ меня по длинному и темному сводчатому корридору, въ которомъ сильно пахло сыростью и плѣсенью. Пройдя шаговъ сто, мы повернули направо въ другой корридоръ, кончавшійся большою стеклянною дверью. Спутникъ мой отворилъ эту дверь и

мы очутились на довольно обширномъ тюремномъ дворикѣ, обсаженномъ деревьями.

— Это — лужокъ второго отдѣленія. Побудьте здѣсь, пока вамъ отведутъ особую коморку, — сказалъ сторожъ и прибавилъ, указывая на толпу заключенныхъ, прогуливавшихся по дворику:

— Компанія здѣсь веселая. Не соскучитесь!

Тюремщикъ сказалъ правду. Общество, собравшееся на лужкѣ, дѣйствительно не отличалось — по крайней-мѣрѣ, съ перваго взгляда, — меланхолическимъ настроеніемъ. Еслибъ не высокія стѣны, окружавшія этотъ полный зелени уголокъ, — никому, не предупрежденному конечно, не пришло бы въ голову угадать въ представлявшейся ему оживленной картинѣ ея характеръ сборнаго мѣста людей, почти поголовно обреченныхъ заранѣе на смертную казнь однимъ свойствомъ дѣяній, въ которыхъ они были заподозрѣны. Я много слышалъ о любопытной распущенности, которую представляли въ то время тюрьмы, отведенныя исключительно для политическихъ «заподозрѣнныхъ», но признаюсь, что всѣ, казавшіеся наиболѣе преувеличенными, разсказы на этотъ счетъ были только слабымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. То, что

происходило вокругъ меня, напоминало скорѣе игорныя собранія г-жи Сентъ-Амарантъ и полуденныя сборища въ саду Палè-Эгалите, чѣмъ тюремную рекреацію узниковъ, рискующихъ сложить головы на эшафотѣ. Повсюду виднѣлись нарядныя группы молодыхъ мужчинъ и женщинъ, беззаботно бесѣдовавшихъ о чемъ-то, очевидно, очень веселомъ, потому что взрывы хохота раздавались со всѣхъ сторонъ. Въ одномъ уголкѣ лужайки слышались звуки скрипки и женскіе голоса, распѣвавшіе какой-то чувствительный романсъ, въ другомъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ играли въ жмурки съ веселыми выкрикиваніями. Подъ яркими лучами лѣтняго солнца кипѣла совершенно своеобразная оргія, въ которой пары вина замѣняло подавляемое сознаніе неизбѣжной трагической развязки. Никогда еще не приходилось мнѣ видѣть такого полнаго и яркаго примѣненія эпикурейскаго правила «недолго, но весело»!

Появленіе мое на лужайкѣ произвело нѣкоторый эффектъ. Одинъ изъ узниковъ, красивый молодой человѣкъ, одѣтый по послѣдней модѣ низверженной монархіи и украшенный бѣлою лиліею въ петличкѣ своего вышитаго разноцвѣтными шелками кафтана, воскликнулъ:

— Милостивые государыни и государи! Наше общество пріобрѣтаетъ новаго сочлена. Встрѣтимте его съ тѣмъ почетомъ, который довлѣетъ каждому нашему единомышленнику!

— Браво, герцогъ! Привѣтъ новому товарищу несчастія!—закричали, весело хлопая въ ладоши, двѣ молодыя и хорошенькія женщины. Тотъ, кого онѣ назвали «герцогомъ», взялъ ихъ обѣихъ подъ руки и всѣ трое пошли въ мою сторону, любезно улыбаясь и стараясь соблюдать всѣ пріемы изящной шаловливости, введенной въ моду при дворѣ Людовика XVI-го злополучною Маріей Антуанетой.

Я понялъ, что меня принимаютъ за роялиста, и не счелъ возможнымъ оставлять въ заблужденіи то общество, въ которое случайно попалъ. Предупреждая дружескій привѣтъ герцога и сопровождавшихъ его молодыхъ женщинъ, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, улыбаясь, сказалъ:

— Не тратьте вашихъ комплиментовъ недостойному, гражданки и гражданинъ. Передъ вами стоитъ непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ республиканецъ.

Фраза моя, сказанная не безъ нѣкоторой напыщенности и мѣтившая на эффектъ, не произвела, однакоже, ожидаемаго мною впечатлѣнія. Молодой человѣкъ и его спутницы

протянули мнѣ свои руки, и одна изъ молодыхъ женщинъ сказала съ какою-то странною, поразившею меня беззаботностью:

— Роялистъ или республиканецъ—вы нашъ уже потому, что насъ съ вами ожидаетъ, по всей вѣроятности, одна и та же участь. Добро пожаловать!

И вслѣдъ затѣмъ, указывая на своихъ спутницу и спутника, она прибавила:

— Графиня де-ла-Рошъ-Бризакъ, герцогъ Вьёвиль де-Кернандекъ. Что же касается до меня, то я позволю себѣ представить вамъ вдовствующую маркизу де-Гомонъ-Версиньякъ.

Въ отвѣтъ на такое представленіе, я назвалъ себя по имени и по фамиліи, произнося послѣднюю, какъ всегда, съ французскими удареніями.

— Вы иностранецъ?—спросила меня хорошенькая маркиза.

— Да! Я русскій!

— И, конечно, дворянинъ? Изъ вашихъ соотечественниковъ во Франціи можно вѣдь встрѣтить только членовъ благороднаго сословія.

— Вы не ошибаетесь, гражданка, но отъ привиллегій моего рожденія я уже давно отрекся.

— Что̀ не помѣшало вамъ попасть въ нашу

компанію,—сказалъ герцогъ Вьёвиль де-Кернандекъ.—У единой и нераздѣльной республики весьма своеобразная манера благодарить за жертвы, приносимыя въ ея честь Молоху равенства! Это, однако, между прочимъ. По нашимъ убѣжденіямъ, перестать быть дворяниномъ нельзя путемъ простого отреченія отъ привиллегій своего рода. Вы вдвойнѣ нашъ, и потому мы привѣтствуемъ васъ вдвойнѣ, прося оказать намъ честь присоединиться къ нашей компаніи и быть здѣсь какъ дома.

Отвѣчать на эти любезности отказомъ было бы совершенно неумѣстно и неприлично.. Я поклонился и послѣдовалъ за выступившею мнѣ на встрѣчу группою.

Когда мы присоединились къ играющимъ въ жмурки, герцогъ представилъ меня имъ, прибавляя къ моему имени:

— Русскій бояринъ, мнящій себя республиканцемъ.

Эта прибавка, повидимому, никому не показалась странною и не вызвала никакихъ замѣчаній. Ко мнѣ привѣтливо протянулись десятки мужскихъ и женскихъ рукъ со словами: «Добро пожаловать, сударь!»

Но такъ какъ во время представленія молодая дѣвушка, ловившая остальныхъ въ игрѣ, сняла свою повязку, то возникъ споръ, слѣ-

дуетъ ли ей снова надѣть ее. Маркиза де-Гомонъ-Версиньякъ рѣшила этотъ споръ по своему. Взявъ повязку, она подошла ко мнѣ и, смѣясь, сказала:

— Ну-съ, извольте платиться за ваше отступничество! Такъ какъ вы и безъ того ослѣплены, то роль слѣпого вамъ будетъ какъ разъ къ лицу.

Я, конечно, не сталъ сопротивляться и позволилъ завязать себѣ глаза. Было что-то опьяняющее въ настроеніи беззаботной толпы, меня окружавшей. Весь трагизмъ событій, приведшихъ меня въ тюрьму, на минуту былъ мною забытъ... Подобное же чувство испыталъ я позднѣе, въ сраженіи при Аустерлицѣ, когда въ нашемъ каре, истребляемомъ французскою картечью, вокругъ меня раздавались прибаутки и беззаботныя шуточки нашихъ героевъ-солдатъ.

Игра возобновилась. Я слышалъ вокругъ себя веселый смѣхъ и граціозныя вскрикиванія ускользавшихъ изъ-подъ моихъ рукъ молодыхъ женщинъ, шорохъ ихъ юбокъ и легкій топотъ маленькихъ ножекъ, обутыхъ въ башмаки на высокихъ каблукахъ. Желаніе поймать одну изъ этихъ хорошенькихъ хохотушекъ овладѣло мною съ какою-то почти болѣзненною силою, вытѣсняя изъ головы всѣ

прочія мысли. Молодость брала свое и платила мнѣ чрезвычайно своеобразнымъ образомъ за долгое пренебреженіе, которое я оказывалъ до тѣхъ поръ ея непререкаемымъ потребностямъ!

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, мнѣ удалось охватить чью-то женскую талію. Быстро сорвавъ повязку, я узналъ въ своей плѣнницѣ маркизу де-Гомонъ-Версиньякъ. Молодая женщина смѣялась, и шутя била меня по плечу своей пухлой ручкой, говоря:

— У! противный кровопійца!

Въ это время, у входа на лужайку, появился тюремщикъ, громко кричавшій:

— Гражданинъ Стародубскій! Васъ требуютъ въ канцелярію!

Я простился наскоро съ игравшими въ жмурки и послѣдовалъ за тюремщикомъ. Мы снова прошли по длиннымъ корридорамъ тюрьмы и вошли въ низкую сводчатую комнату канцеляріи.

У стола, за которымъ помѣщался смотритель, сидѣлъ въ креслѣ молодой человѣкъ поразительной красоты, одѣтый въ форменный костюмъ народнаго представителя, имѣющаго особыя порученія. Я съ перваго же взгляда узналъ Сенъ-Жюста, котораго мнѣ доводилось много разъ видѣть въ конвентѣ. Знаменитый идеалистъ революціи пристально посмотрѣлъ

на меня своими большими темносиними глазами и, вставъ съ кресла, сказалъ:

— По просьбѣ друга моего, Максимиліана Робеспьера, я беру васъ на поруки. Обѣщаете ли вы не покидать Парижа до суда надъ Сесиль Рено и ея сообщниками?

Я отвѣчалъ простымъ наклоненіемъ головы.

Сенъ-Жюстъ сдѣлалъ знакъ смотрителю и тотъ немедленно отворилъ выходную въ сѣни дверь, говоря мнѣ:

— Въ такомъ случаѣ вы свободны, гражданинъ.

Сенъ-Жюстъ вышелъ изъ канцеляріи вслѣдъ за мною на набережную Сены. Я, конечно, сталъ благодарить его за оказанную мнѣ услугу, но онъ остановилъ меня на первыхъ же словахъ, говоря:

— Услуги тутъ нѣтъ никакой. Робеспьеръ убѣжденъ, что вашъ арестъ былъ дѣломъ рукъ его недоброжелателей и я вполнѣ раздѣляю это убѣжденіе. Данное вами обѣщаніе не уѣзжать изъ Парижа вовсе для васъ не обязательно. Напротивъ, Максимиліанъ и я, мы желаемъ и даже находимъ необходимымъ по многимъ соображеніямъ, чтобы васъ не было здѣсь на время предстоящаго процесса. Уѣзжайте сегодня же и, если можно, то даже за предѣлы республики.

— Ничего подобнаго я обѣщать не могу,— твердо отвѣтилъ я, глядя прямо ему въ глаза.

— Почему?—спросилъ онъ, нахмуривъ свои прекрасныя бархатныя брови.

— Во-первыхъ, потому что не считаю возможнымъ нарушить только-что даннаго мною обѣщанія, хотя вы и разрѣшаете мнѣ это, а, во-вторыхъ, потому что имѣю самыя серьёзныя причины горячо интересоваться участью несчастной дѣвушки, обвиняемой въ покушеніи на жизнь Робеспьера.

Сенъ-Жюстъ досадливо пожалъ плечами, и, взявъ меня за руку, крѣпко стиснулъ мнѣ пальцы, говоря:

— Неужели вы не понимаете, что именно по этой второй причинѣ намъ необходимо, чтобы васъ не было въ Парижѣ во время процесса? Такъ или иначе, а наша цѣль будетъ достигнута. Не уѣдете вы добровольно, васъ арестуютъ сегодня же вечеромъ вторично, но уже не для того, чтобы отправить въ Консьержери, а для того, чтобы выслать изъ Франціи какъ подозрительнаго иностранца, съ воспрещеніемъ возвращаться въ предѣлы республики. Никто не спрашиваетъ васъ, согласны или несогласны вы исполнить наше требованіе. Оно должно быть и будетъ исполнено!

Было что-то странно-обаятельное въ этихъ

рѣзкихъ словахъ, произнесенныхъ мелодическимъ, бархатно-мягкимъ голосомъ молодого народнаго представителя. Я сразу понялъ, что сопротивляться предъявленному мнѣ требованію невозможно, но самолюбіе не позволяло мнѣ признаться въ этомъ немедленно.

— Надѣюсь, что во всякомъ случаѣ мнѣ дозволено будетъ посовѣтоваться съ моимъ почтеннымъ другомъ Просперомъ Ландэ?—спросилъ я, дрогнувшимъ отъ досады голосомъ.

— Это само собой разумѣется, — отвѣчалъ Сенъ-Жюстъ уже менѣе рѣзко.—Мы согласны даже, чтобы вы исполнили буквально только то, что̀ посовѣтуетъ вамъ нашъ уважаемый товарищъ. Если позволите — мы отправимся къ нему теперь же вмѣстѣ.

Онъ сдѣлалъ знакъ и изъ-за угла сосѣдней улицы выѣхала карета съ опущенными шторами. Сенъ-Жюстъ отворилъ дверцы, и зна́комъ пригласилъ меня сѣсть. Я молча повиновался.

Въ продолженіе всего пути отъ Консьержери до нашей квартиры мой спутникъ не вымолвилъ ни слова. Онъ сидѣлъ скрестивъ руки на груди и думалъ о чемъ-то, повидимому, не особенно ему пріятномъ, потому что прекрасныя черты его лица античной статуи были искажены выраженіемъ досады и сдер-

живаемаго раздраженія. Поразительная красота Сенъ-Жюста много выигрывала въ характерности отъ этого угрюмаго выраженія. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не случалось мнѣ встрѣчать той странной двойственности, которою отличалась эта красота. Когда юный сподвижникъ Робеспьера былъ веселъ и спокоенъ, безукоризненно-правильныя черты его прелестнаго лица имѣли черезъ-чуръ женственный оттѣнокъ и не вязались съ громкою репутаціей человѣка, съумѣвшаго одною энергіей характера превратить въ героевъ патріотизма и самоотверженія миролюбивыхъ и разсчетливыхъ «бюргеровъ» Страсбурга. Въ эти минуты про Сенъ-Жюста можно было сказать, что онъ «слишкомъ красивъ для мужчины», а кто же не знаетъ, съ какимъ чувствомъ внутренней гадливости произносится обыкновенно не только нами, мужчинами, но даже и представительницами прекраснаго пола эта убійственная фраза? Когда же Сенъ-Жюстъ сердился или вообще волновался, онъ становился неузнаваемъ. Его женоподобное лицо принимало мужественное и грозное выраженіе, о которомъ я часто вспоминалъ впослѣдствіи, читая и перечитывая тотъ перлъ германской поэзіи, который называется «Мессіада». Для художника, желающаго изобра-

зить грандіозно-фантастическій обликъ Аббадонны, достаточно было бы нарисовать совершенно схожій портретъ молодого народнаго представителя, раздѣлявшаго славу и, до извѣстной степени, популярность Максимиліана Робеспьера. Именно такимъ являлся Сенъ-Жюстъ во время нашей молчаливой поѣздки.

Просперъ Ландэ ждалъ насъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ крѣпко обнялъ меня и, вслѣдъ затѣмъ, протянулъ руку Сенъ-Жюсту, который, пожимая ее, сказалъ:

— Уговори, пожалуйста, твоего взбалмошнаго питомца не стѣснять насъ своимъ присутствіемъ въ Парижѣ въ настоящую минуту. Онъ и слышать не хочетъ объ отъѣздѣ изъ Франціи.

Ландэ вздохнулъ и посмотрѣлъ на меня какимъ-то просительнымъ, почти робкимъ взглядомъ. Мнѣ становилось жалко добраго и честнаго старика, но рѣшимость моя не уѣзжать не поколебалась. Отвернувшись въ сторону, я сказалъ:

— Есть вещи, которыхъ мнѣ совѣсть не дозволяетъ сдѣлать, даже для моего уважаемаго наставника, котораго, однакоже, я люблю какъ второго отца.

Сенъ-Жюстъ порывисто прошелся по кабинету и остановился передо мною.

— Отвѣчайте на мой вопросъ, — произнесъ онъ громко и повелительно. — Что заставляло васъ до сихъ поръ жить во Франціи?

— Любовь къ свободѣ и преданность порядку вещей, наиболѣе способному ее обезпечить, — сказалъ я, прямо глядя ему въ глаза.

— Это искренно?

— Совершенно искренно.

— Въ такомъ случаѣ, вы не можете не исполнить нашего требованія. Вашъ отъѣздъ изъ Франціи, или по крайней мѣрѣ изъ Парижа, необходимъ для торжества свободы и ея защитниковъ надъ адски-хитрою интригою ихъ враговъ.

Я вопросительно посмотрѣлъ на Сенъ-Жюста. Въ искренности имъ сказаннаго не было никакой возможности сомнѣваться, потому что это былъ человѣкъ совершенно неспособный покривить совѣстью, а тѣмъ болѣе путемъ лести такому неоперившемуся юношѣ, какимъ былъ я въ то время. Я вѣрилъ, но не понималъ...

Просперъ Ландэ догадался объ испытываемыхъ мною ощущеніяхъ и, сдѣлавъ знакъ Сенъ-Жюсту, сказалъ мнѣ:

— Успокойся и сядь, мой милый Эженъ. Я постараюсь объяснить тебѣ сколько возможно загадочный для тебя смыслъ только-что сказаннаго гражданиномъ Сенъ-Жюстомъ.

Я повиновался, и Просперъ Ландэ началъ такимъ образомъ:

— Видишь ли, въ чемъ дѣло! Ни Робеспьеръ, ни кто-либо изъ насъ, его друзей, не вѣритъ въ серьезный характеръ мнимаго покушенія несчастной молодой дѣвушки, которую молва выдаетъ за подражательницу Шарлотты Кордэ. Врачи, видѣвшіе Сесиль Рено послѣ ея арестованія, и докторъ, у котораго она лечилась прошлымъ лѣтомъ вскорѣ послѣ казни Шарлотты Кордэ, утверждаютъ, что она уже давно, чуть ли не съ дѣтства, страдаетъ нервнымъ разстройствомъ, нарушающимъ по временамъ равновѣсіе ея умственныхъ способностей. Они говорятъ, что въ прежнія времена, когда у насъ господствовало католическое суевѣріе, изъ этой дѣвушки могла легко выйдти одна изъ тѣхъ мнимыхъ «бѣсноватыхъ», которыя гибли десятками на кострахъ фанатизма. Что такимъ настроеніемъ духа бѣднаго ребенка желали воспользоваться заговорщики, замышляющіе гибель республики и свободы— это весьма вѣроятно, но ровно ничѣмъ не доказано. Никакихъ слѣдовъ сношеній Сесили Рено съ жирондистами и монархистами не отъискано. Существуетъ только одно указаніе— письмо дѣвицы Сентъ-Амарантъ къ тебѣ; но для того, чтобы указаніе это могло имѣть юри-

дическую силу, необходимо, чтобы стало извѣстно имя молодой особы, о которой въ немъ говорится. Назвать это имя могутъ только два лица: Люцинда Сентъ-Амарантъ, которая, разумѣется, этого не сдѣлаетъ, и ты, который, конечно, не выдашь дѣвушки, считавшейся въ теченіе нѣсколькихъ дней твоей невѣстой. По несчастію, извѣстно, что ты ѣздилъ въ Немуръ, когда тамъ находилась Сесиль Рено. Самый фактъ поѣздки ничего, конечно, не доказываетъ, хотя тебя арестовали именно вслѣдстіе этой поѣздки, но на допросахъ тебя могутъ легко сбить и даже самыя твои отрицанія, неизбѣжно неискреннія, могутъ быть истолкованы въ смыслѣ, гибельномъ для главной обвиняемой. Если ты исчезнешь на время процесса, исчезнетъ и главная улика противъ молодой дѣвушки. Такимъ образомъ, ты въ одно и то же время спасешь Сесиль и окажешь важную услугу нашей партіи, къ которой, если не ошибаюсь, ты всегда гордился принадлежать.

Сенъ-Жюстъ во все время этой длинной тирады нетерпѣливо барабанилъ пальцами по столу и нервно подергивалъ шеею, окутанною въ огромный галстукъ изъ бѣлой, туго накрахмаленной кисеи. Воспользовавшись минутною остановкой Ландэ, онъ сказалъ какимъ-то металлическимъ голосомъ:

— Сказано довольно, можетъ быть, даже слишкомъ. Согласны или не согласны вы повиноваться по доброй волѣ?

Рѣзкость его тона подѣйствовала на меня крайне непріятно и чуть-было не вызвала съ моей стороны отрицательнаго отвѣта. Сила доводовъ Проспера Ландэ была, однакоже, такъ велика, что я воздержался и отвѣчалъ:

— Если мнѣ дадутъ честное слово, что Сесиль Рено не погибнетъ на эшафотѣ—я уѣду куда-нибудь изъ Парижа подъ условіемъ, что мнѣ будетъ дозволено возвратиться по окончаніи процесса.

Сенъ-Жюстъ гордо поднялъ голову и, остановивъ Ландэ, собиравшагося что-то сказать, возразилъ все тѣмъ же металлическимъ голосомъ:

— Мы съ вами не торгуемся, а только изъ уваженія къ вашему наставнику желаемъ избѣгнуть насильственныхъ мѣръ. Ваши слова— не отвѣтъ на мой вопросъ.

— Не раздражай его напрасно, Сенъ-Жюстъ,—вмѣшался Ландэ.—Подумавъ, Эженъ пойметъ и самъ, что никакихъ обязательствъ мы принимать не можемъ, потому что дѣло находится не въ нашихъ рукахъ.

И, обращаясь ко мнѣ, онъ прибавилъ ласково:

— Эженъ! Подумай хорошенько и не упрямься. Сенъ-Жюстъ подождетъ изъ дружбы ко мнѣ до завтрашняго утра.

— Такъ и быть,—сказалъ Сенъ-Жюстъ.— Но завтра, въ 10 часовъ утра, мнѣ нуженъ категорическій отвѣтъ.

Съ этими словами онъ взялъ со стола шляпу, пожалъ руку Ландэ, и сухо поклонившись мнѣ, вышелъ изъ комнаты.

Когда мы остались наединѣ, мой добрый наставникъ чуть не со слезами на глазахъ сталъ умолять меня не противиться требованію Робеспьера. Онъ говорилъ, что мое упорство поведетъ только къ тому, что меня вышлютъ изъ Франціи, съ воспрещеніемъ въѣзда въ страну, и повредитъ Сесили Рено, для которой въ такомъ случаѣ не будетъ сдѣлано ничего со стороны друзей Робеспьера въ Комитетѣ Общественной Безопасности и въ революціонномъ трибуналѣ. Ландэ прибавлялъ, что, въ случаѣ моего согласія уѣхать добровольно, онъ «уполномоченъ» дать мнѣ средства прожить необходимое время въ Брюсселѣ, гдѣ мнѣ легко будетъ слѣдить за всѣмъ совершавшимся въ Парижѣ, а, слѣдовательно, и за ходомъ процесса Сесили Рено. Эти доводы подѣйствовали, и вечеромъ того же дня, снабженный подложнымъ паспортомъ на имя Ари-

стида Вьешэнъ (переводъ моей фамиліи), я выѣхалъ изъ Парижа въ почтовой каретѣ, отправлявшейся въ Лилль. На третьи сутки я былъ въ Брюсселѣ и занялъ комнату въ старинной, посѣщаемой по преимуществу французскими купцами, гостинницѣ улицы des Fripiers.

Не прошло, однакоже и недѣли, какъ я понялъ нравственную невозможность оставаться въ Брюсселѣ. Извѣстія, приходившія о слѣдствіи надъ Сесиль Рено, ясно показывали, что мое отсутствіе ничѣмъ не можетъ облегчить участи несчастной. Газеты сообщали объ арестѣ Камилля Рено и его старшаго сына, равно какъ Люцинды Сентъ-Амарантъ (мать ея была арестована еще ранѣе по подозрѣнію въ устройствѣ роялистскихъ сходбищъ въ ея игорномъ домѣ). Не предупредивъ ни однимъ словомъ моего наставника, я вернулся въ Парижъ 18-го прэріаля, т. е. за два дня до знаменитаго историческаго праздника Верховнаго Существа.

Просперъ Ландэ не очень смутился моимъ возвращеніемъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что копія съ письма Люцинды Сентъ-Амарантъ какимъ-то «непонятнымъ образомъ» исчезла изъ картоновъ Комитета Общественной Безопасности и потому меня рѣшено не привлекать къ дѣлу.

— Фукье Тэнвилль какъ-то особенно скоро

уступилъ въ этомъ случаѣ настояніямъ Робеспьера,—прибавилъ, хмуря брови, Ландэ.—За тебя я, конечно, искренно этому радуюсь, но готовность его все-таки мнѣ подозрительна.

На мои распросы о ходѣ слѣдствія Ландэ отвѣчалъ, что дѣло вѣроятно затянется, потому что Фукье Тэнвилль видитъ въ немъ какую-то связь съ покушеніемъ Ламираля, оказавшагося пріятелемъ Камилля Рено, и съ монархическими сходбищами въ игорномъ домѣ г-жи Сентъ-Амарантъ.

— Этотъ мерзавецъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь жаждущій крови, старается притянуть къ дѣлу возможно большее число подсудимыхъ,—говорилъ мой наставникъ.—Онъ затягиваетъ слѣдствіе, не подозрѣвая, что это можетъ повести совсѣмъ не къ тому результату, на который онъ разсчитываетъ. Если послѣзавтрашній праздникъ пройдетъ благополучно и приведетъ къ ожидаемымъ нами результатамъ, то, пожалуй, не Фукье Тэнвиллю придется оканчивать начатое имъ дознаніе. Во всякомъ случаѣ, ты теперь можешь безнаказанно оставаться въ Парижѣ. Робеспьеръ, съ которымъ я видѣлся вчера, далъ мнѣ понять косвенно, что я могу вызвать тебя изъ Брюсселя.

Я вздохнулъ свободнѣе. Слова Ландэ по-

чему-то внушили мнѣ надежду на благополучный исходъ процесса Сесили Рено. Эта надежда, соединенная съ сознаніемъ, что самъ я лично ничѣмъ не могу облегчить участи любимой мною дѣвушки, придали мнѣ силу спокойнѣе ожидать развязки судебнаго слѣдствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предстоявшій праздникъ Верховнаго Существа пріобрѣлъ для меня особое значеніе и я рѣшилъ, что буду личнымъ свидѣтелемъ всѣхъ событій этого знаменательнаго дня.

XVII.

Раннимъ утромъ 20-го прэріаля II-го года единой и нераздѣльной республики, т. е. 8 іюня 1794 г., Парижъ поднялся на ноги при свѣтлой и совершенно безоблачной погодѣ. Когда я вышелъ въ 7 часовъ утра на улицу, направляясь къ Тюильерійскому саду, солнце уже сильно пекло, но зной освѣжался нѣсколько легкимъ вѣтеркомъ. Всѣ улицы, по которымъ я проходилъ, уже пестрѣли трехцвѣтными знаменами и гирляндами зелени. На каждомъ шагу попадались воткнутыя въ промежуткѣ камней мостовой или привязанныя къ дверямъ магазиновъ, маленькія деревца, украшенныя красными, бѣлыми и синими лентами. Толпы разряженнаго народа двигались сплошными массами все въ одну и ту же сторону, къ саду Тюильери. Оживленный говоръ тысячей голосовъ; запахъ цвѣтовъ, которые держалъ въ рукахъ или имѣлъ въ петличкѣ почти каждый прохожій, придавали

совершенно праздничный видъ красивому и оживленному зрѣлищу, происходившему передъ моими глазами. Повсюду формировались группы, весело болтавшія въ ожиданіи муниципальныхъ сановниковъ, которые должны были идти во главѣ жителей каждаго квартала. Вдали слышались пушечные выстрѣлы орудій, разставленныхъ на плацѣ дома Инвалидовъ и на разныхъ площадяхъ, для поданія сигналовъ и для салютовъ.

Чѣмъ ближе подходилъ я къ саду Тюильери, тѣмъ гуще и оживленнѣе становилась толпа. Въ моей петличкѣ красовался значекъ клуба якобинцевъ, открывавшій мнѣ свободный доступъ въ самый садъ, куда до поры до времени впускались только «избранные».

Я едва узналъ любимое мѣсто прогулокъ тогдашнихъ парижанъ. Старый садъ совершенно преобразился отъ безчисленнаго множества украшеній, которыми загромоздилъ его распорядитель праздника, живописецъ Давидъ. Центромъ этихъ украшеній являлся большой бассейнъ сада. На самой срединѣ его возвышалась огромная холщевая декорація, изображавшая «храмъ атеизма». У входа въ этотъ храмъ виднѣлась аллегорическая группа, изображавшая—по объясненію распубликованной наканунѣ газетами программы праздника—

«честолюбіе», «эгоизмъ» и «ложную простоту». Три фигуры группы держались за руки и средняя изъ нихъ поднимала лѣвою рукою черное знамя съ надписью: «надежда иноземныхъ враговъ». Около бассейна помѣщались символическія колесницы, хоры пѣвцовъ и оркестры музыки. На террасѣ Фейльянтинцевъ была разбита громадная холщевая палатка, въ которой были устроены уборныя актрисъ и фигурантокъ, имѣвшихъ принять участіе въ эмблематической процессіи. Между бассейномъ и тюильерійскимъ дворцомъ, въ которомъ должны были собраться члены конвента, высилась громадная покатая эстрада, изображавшая собою «гору» въ честь монтаньяровъ конвента. Эта «гора» была прилажена своею вершиною къ балкону одного изъ боковыхъ флигелей дворца, въ которомъ помѣщалась зала засѣданій конвента.

Народные представители безпрестанно входили въ садъ со стороны площади Революціи, какъ называлась тогда прежняя площадь Согласія. Всѣ они были одѣты одинаково, въ темно-синіе фраки съ широкими отворотами, застегнутые на нижнія пуговицы и опоясанные трехцвѣтными шарфами. Бѣлые лосиновые штаны въ обтяжку, невысокіе сапоги съ желтыми отворотами и широкополыя шляпы,

украшенныя трехцвѣтными перьями, составляли этотъ костюмъ, ставшій чѣмъ-то въ родѣ мундира. Многіе изъ представителей держали въ рукахъ букеты цвѣтовъ.

Около бассейна суетился, отдавая послѣднія приказанія, Давидъ, котораго сопровождали извѣстные всему тогдашнему Парижу композиторы-капельмейстеры Мэгюль и Госсэкъ. Давидъ горячился, кричалъ, топалъ ногами, хватался за голову въ припадкахъ весьма комическаго отчаянія, и вслѣдъ затѣмъ улыбающійся, довольный и веселый летѣлъ на встрѣчу костюмированнымъ хорошенькимъ женщинамъ, спускавшимся одна за другой съ террасы Фейльянтинцевъ, на которой сильный отрядъ національныхъ гвардейцевъ секціи Пельтье едва успѣвалъ отгонять безчисленныхъ охотниковъ поглядѣть поближе на актрисъ и танцовщицъ, одѣвавшихся въ импровизированныхъ уборныхъ.

Было около 9 часовъ утра, когда по главной аллеѣ сада прошелъ торопливымъ шагомъ, точно куда-то спѣша, Максимиліанъ Робеспьеръ, избранный за четыре дня передъ тѣмъ очереднымъ президентомъ конвента. Толпа, наполнявшая аллею, почтительно передъ нимъ разступалась. Я замѣтилъ какъ-то невольно, что синій фракъ знаменитаго трибуна былъ

нѣсколько свѣтлѣе фраковъ прочихъ представителей. Робеспьеръ, напудренный до бѣла и причесанный особенно тщательно, шелъ съ непокрытою головой, держа въ правой рукѣ свою шляпу съ перьями. У самаго бассейна къ нему подошла молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ и подала ему огромный букетъ великолѣпныхъ розъ со словами: «привѣтъ опорѣ и надеждѣ республики!» Онъ взялъ, улыбаясь, букетъ лѣвой рукой и пошелъ далѣе къ павильону Флоры, гдѣ жилъ его пріятель Вилатъ, одинъ изъ присяжныхъ революціоннаго трибунáла.

Красивая женщина, одѣтая «богиней Разума» и сидѣвшая болтая маленькими ножками на краѣ символической колесницы, около которой я стоялъ, поглядѣла вслѣдъ Робеспьеру и, громко разсмѣявшись, сказала:

— Какимъ королемъ шествуетъ! Настоящій диктаторъ!

— Я бы совѣтовалъ тебѣ осторожнѣе выражаться, гражданка Фёдорá, — внушительно произнесъ неизвѣстно откуда появившійся Давидъ. — Званіе любимой публикою артистки театра Фейдò еще не гарантируетъ твоей хорошенькой головки отъ непріятнаго приключенія на площади Свободы.

Актриса, шутливо надувъ губки, ударила Давида по плечу, говоря:

— У! противный людоѣдъ. Вѣчно суется съ своимъ длиннымъ носомъ, куда его не спрашиваютъ.

Давидъ, смѣясь, погрозилъ пальцемъ и взялъ ее за подбородокъ съ ухватками зрѣлаго волокиты, убѣжденнаго въ своей неотразимости.

— А зачѣмъ онъ одѣлся иначе, чѣмъ другіе представители? — капризно допрашивала Фёдора́, дѣлая смѣшныя гримаски.

— Какъ иначе? Съ чего ты это взяла? — удивленно произнесъ Давидъ.

— А то какже—развѣ не видалъ? Вѣдь у него фракъ свѣтлѣе, чѣмъ у тебя и у другихъ представителей.

— Если ничего не понимаешь, такъ молчи! Онъ—президентъ конвента и надо, чтобы его могли отличать издалека въ толпѣ прочихъ членовъ. Свѣтло-синій фракъ—моя выдумка,— внушительно и принимая важный видъ, сказалъ живописецъ.

— А ему не слѣдовало слушаться твоихъ выдумокъ!—продолжала дразниться Фёдора̀.— Это нарушеніе равенства и тебя надо укоротить національною бритвою за такое дѣло. Да!

Давидъ захохоталъ и, самодовольно оглянувшись кругомъ, произнесъ:

— А кто же будетъ устроивать тріумфы республики и увѣковѣчивать своею кистью дѣянія ея знаменитыхъ сыновъ? Для богини Разума ты разсуждаешь очень плохо.

— Вольно же было тебѣ выбрать меня на эту глупую роль,—шутила артистка.—Ты думаешь пріятно изображать богиню, которая сейчасъ будетъ объявлена низвергнутою и замѣненною какимъ-то Верховнымъ Существомъ, выдуманнымъ вашимъ ханжею Робеспьеромъ?

Давидъ хотѣлъ что-то возразить, но въ это время раздались на главной аллеѣ звуки марсельезы. Всѣ обратились въ сторону, откуда неслись эти звуки, и живописецъ ринулся впередъ съ комически-озабоченнымъ видомъ, восклицая:

— Это сыны Марса. Наконецъ-то!

Между рядами разступившейся толпы показался отрядъ молодыхъ людей, въ странныхъ, еще не виданныхъ парижанами нарядахъ. Это были воспитанники новой военной школы, собранные со всѣхъ концовъ Франціи и предназначавшіеся, какъ ходила молва, на роль почетной стражи Комитета Общественной Безопасности. Они были одѣты въ красныя туники съ желтыми снурами на груди и въ довольно высокія мѣховыя шапки, формы, напоминавшей головные уборы воиновъ Кира и

Артаксеркса на картинахъ французскихъ художниковъ конца XVII и начала XVIII столѣтія. Каждый изъ этихъ молодыхъ людей шелъ, потрясая въ воздухѣ короткимъ греческимъ мечомъ. Во главѣ ихъ отряда двигался Баррерь. «Сыны Марса», по указанію Давида, выстроились шпалерами у подножія трибунъ, приготовленныхъ для членовъ конвента, революціоннаго трибунала и парижской общины.

Раздались три пушечныхъ выстрѣла. Трибуны конвента стали наполняться народными представителями. Черезъ нѣсколько минутъ въ этихъ трибунахъ незанятымъ осталось только одно мѣсто впереди. Все было готово къ началу празднества, но Давидъ медлилъ подать сигналъ хорамъ и оркестрамъ, тревожно поглядывая на это порожнее мѣсто. Въ окружавшей меня толпѣ поднялся смутный говоръ.

— Чего же они ждутъ, пора начинать!— А, Робеспьера еще нѣтъ. Безъ него нельзя!— Куда это онъ запропастился? — Ждать себя заставляетъ!—Видно слухи-то справедливы.— Подожди еще, не то увидимъ!

Ропотъ становился все громче и громче. Нѣсколько народныхъ представителей поспѣшно встали съ своихъ мѣстъ и пошли на верхъ по ступенямъ трибуны, дѣлая знаки кому-то,

стоявшему на балконѣ дворца. Другіе шептались между собою, пожимая плечами, кто досадливо, кто иронически.

Минутъ десять прошло въ неловкомъ ожиданіи. Наконецъ, на верхней ступенькѣ трибуны появился Робеспьеръ. Мнѣ показалось, что онъ что-то жуетъ на ходу, и дѣйствительно, какъ стало извѣстно позднѣе, онъ не успѣлъ окончить завтрака, предложеннаго ему Вилатомъ, и прямо изъ-за стола бросился на свое мѣсто.

Появленіе Робеспьера положило конецъ нетерпѣливому ожиданію толпы. Президентъ конвента умѣлъ справиться съ неловкимъ чувствомъ, которое замѣтно было на его лицѣ въ первую минуту. Онъ подошелъ къ краю эстрады и едва замѣтно кивнулъ головою ожидавшему внизу Давиду. Живонисецъ махнулъ съ довольнымъ видомъ рукою и вслѣдъ затѣмъ раздались звуки марсельезы, исполняемой всѣми хорами музыки и пѣвцовъ. Когда эти звуки смолкли, Робеспьеръ поднялся съ мѣста и уже открылъ ротъ, чтобы начать свою рѣчь, какъ вдругъ внизу эстрады раздалось нѣсколько голосовъ, кричавшихъ:

— Да здравствуетъ Робеспьеръ!

Съ разныхъ сторонъ послышалось шиканье, покрытое громовымъ кличемъ: «да здрав-

ствуетъ республика! да здравствуетъ нація!» «Сыны Марса», затѣявшіе неумѣстную демонстрацію, казались смущенными, на эстрадѣ народныхъ представителей замѣтно было движеніе неудовольствія. Одинъ Робеспьеръ сохранилъ невозмутимое спокойствіе. Казалось, что онъ не замѣчалъ ничего вокругъ него происходившаго. Его, точно преобразившееся, лицо сіяло какимъ-то страстнымъ вдохновеніемъ. Все смолкло и въ саду, наполненномъ многотысячной толпой, водворилась мертвая тишина.

— Республиканцы Франціи!—раздался звучный, немного дрожащій отъ волненія голосъ знаменитаго оратора.—Насталъ, наконецъ, счастливый день, который французскій народъ посвящаетъ Верховному Существу. Никогда еще созданная имъ вселенная не представляла зрѣлища, болѣе достойнаго его божественныхъ очей. До сихъ поръ очамъ этимъ приходилось видѣть торжество тираніи, преступленія и лжи; теперь передъ ними является цѣлая нація, борющаяся противъ притѣснителей рода человѣческаго и пріостанавливающая теченіе своихъ героическихъ подвиговъ для того, чтобы вознести свои помыслы и свои мольбы къ Великому Существу, давшему ей порученіе предпринять эти подвиги, и силу ихъ совершить...

Вся рѣчь Робеспьера, не особенно, впрочемъ,

длинная, была произнесена въ этомъ тонѣ, который, вѣроятно, покажется читателямъ моихъ признаній напыщенно-холоднымъ и надутоDриторическимъ; но не такое впечатлѣніе производила она на слушателей, привыкшихъ къ этому роду краснорѣчія! Каждое слово оратора находило отзвукъ въ многочисленной толпѣ, истомившейся отъ возмутительныхъ безобразій атеистическаго культа Разума. Происходило нѣчто совершенно похожее на то, что̀ происходитъ сплошь и рядомъ въ молитвенныхъ собраніяхъ, слушающихъ проповѣдника, не особенно заботящагося о простотѣ и ясности своихъ періодовъ. Наименѣе понятныя большинству фразы дѣйствовали всего сильнѣе на нервы этого большинства своею загадочною звучностью. Робеспьеръ тщательно избѣгалъ употреблять терминологію христіанства, а между тѣмъ я самъ видѣлъ женщинъ, набожно и радостно крестившихся втихомолку, когда онъ произносилъ слова «Верховное Существо» и «Великій Руководитель вселенной». Простая рѣчь свѣтскаго оратора обращалась въ какое-то смутно-понятное для массы священнодѣйствіе. Когда онъ кончилъ, раздались громкія и продолжительныя рукоплесканія, съ которыми слились звуки музыки, исполнявшей симфонію Госсэка, написанную спеціально для празд-

ника Верховнаго Существа. Давидъ подошелъ къ эстрадѣ и, высоко поднявъ руку, подалъ Робеспьеру зажженный факелъ. Съ этимъ факеломъ въ рукѣ, президентъ конвента спустился внизъ и подошелъ къ бассейну, посреди котораго возвышался «храмъ атеизма». Отъ храма къ краю бассейна былъ протянутъ стопинъ. Робеспьеръ поднесъ факелъ къ концу скоропалительной нити и черезъ минуту на вершинѣ храма показался огонь. Холстъ декораціи быстро воспламенился со всѣхъ сторонъ и она съ шумомъ рухнула въ воду. Изъза дыма и пламени появилась громадная гипсовая статуя Мудрости. Раздался новый взрывъ рукоплесканій, но уже менѣе единодушный. Символическое сожженіе храма атеизма не особенно сильно подѣйствовало на толпу. Въ ней слышались смѣхъ и шутки. Робеспьеръ нахмурился, нервно бросилъ факелъ въ бассейнъ и, быстро поднявшись на эстраду, сдѣлалъ знакъ, что хочетъ снова говорить. Все опять смолкло. Нѣсколькими звучными, превосходно сказанными фразами великій ораторъ снова овладѣлъ публикой, чуть-чуть было не потерявшей желаемаго настроенія, вслѣдствіе грандіозно задуманной, но неудачно выполненной затѣи Давида.

По окончаніи этой второй рѣчи Робеспьера

члены конвента сошли съ эстрады на площадку, отдѣлявшую ее отъ главнаго бассейна. Имъ предстояло теперь отправиться во главѣ собравшейся на праздникъ толпы народа, черезъ площадь Свободы и мостъ того же имени, на плацъ-парадъ дома Инвалидовъ, а оттуда на Марсово поле, гдѣ должно было состояться исполненіе гимновъ и патріотическихъ кантатъ, написанныхъ по случаю справляемаго праздника. Робеспьеръ, въ качествѣ президента, сталъ на самой рединѣ перваго ряда народныхъ представителей. Его характерная, хорошо знакомая всему Парижу фигура рельефно выдѣлялась между другими членами конвента бѣлоснѣжною прическою напудренной головы, яркимъ цвѣтомъ его синяго фрака и огромнымъ букетомъ розъ, который онъ продолжалъ держать въ рукѣ, тогда какъ почти всѣ другіе члены конвента, точно заранѣе сговорившись, положили свои букеты у края бассейна, посреди котораго высилась теперь статуя Мудрости.

Шествіе двинулось, но я замѣтилъ, что послѣ нѣсколькихъ шаговъ первый рядъ народныхъ представителей сталъ укорачивать шагъ, предоставляя Робеспьеру идти впереди. Онъ не сразу обратилъ вниманіе на этотъ предательскій маневръ и продолжалъ дви-

гаться одинъ, устремивъ близорукіе глаза куда-то въ даль. Разстояніе между нимъ и прочими членами конвента все увеличивалось и увеличивалось. На площади Свободы передъ представителями пошли группы стариковъ, матерей семействъ, молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей съ зелеными вѣтвями въ рукахъ. Робеспьеръ, все еще погруженный въ восторженное раздумье, двигался теперь за этими группами совершенно одинъ. Конвентъ слѣдовалъ въ разстояніи десяти шаговъ. У самаго моста онъ наконецъ замѣтилъ свое одиночество и пріостановился, выжидая товарищей, но тѣ въ свою очередь тоже пріостановились, сохраняя прежнюю дистанцію. Удивленный этимъ маневромъ, я сталъ всматриваться въ лица перваго ряда народныхъ представителей и увидалъ знакомыя лица Фуше, Талльяна, Баррера и другихъ завѣдомыхъ недоброжелателей знаменитаго трибуна. Было ясно, что они умышленно оставляютъ Робеспьера одного. Обернувшись, и самъ онъ очевидно догадался объ этомъ, потому что сдѣлалъ было движеніе пойдти назадъ, но потомъ остановился, дернулъ плечами и быстро зашагалъ по мосту.

Я двигался въ толпѣ, окружавшей съ обѣихъ сторонъ конвентъ и слышалъ, какъ громче

и громче раздавались порицанія Робеспьеру за то, что онъ идетъ впереди товарищей, точно желая доказать свое право на первое мѣсто. Вокругъ меня слышались слова: «Э, да онъ уже не церемонится!» — «Первосвященникъ новой религіи!» — «Папа деизма!» — «Не достаетъ только митры и епископскаго посоха!» и т. д. и т. д. Когда мы дошли до Марсова поля, добрая половина публики казалась враждебно настроенною и противъ праздника и противъ его главнаго виновника. Робеспьеръ однако ничего не замѣчалъ. Съ его лица не сходило прежнее восторженное выраженіе.

На Марсовомъ полѣ высилась колоссальная трибуна для членовъ конвента. Она опять изображала «гору», но естественнѣе, чѣмъ трибуна Тюильерійскаго сада. Мѣста народныхъ представителей находились на высокой платформѣ, покатые бока которой были замаскированы дерномъ и глыбами камней, между которыми были живописно расположены невысокіе кусты. Всходъ на платформу изображалъ извилистую горную тропинку.

Лирическая часть праздника прошла безъ всякихъ выдающихся эпизодовъ. Мало кто замѣтилъ, что вмѣсто значившагося въ программѣ гимна Верховному Существу, написаннаго Жозефомъ Шенье и заключавшаго въ

себѣ нѣсколько стиховъ, считавшихся намекомъ на диктаторскія наклонности Робеспьера, былъ исполненъ гимнъ Дезоржа, уже слышанный публикою въ Тюильерійскомъ саду. Когда кончилось исполненіе кантатъ, раздался пушечный салютъ, возвѣщавшій окончаніе офиціальной части праздника. Толпа стала медленно расходиться почти безъ всякихъ восклицаній.

Я вернулся домой, сильно разочарованный. Начало дня, утреннее настроеніе толпы и впечатлѣніе, произведенное двумя рѣчами Робеспьера, предрасположили меня совершенно къ другимъ впечатлѣніямъ, чѣмъ тѣ, которыя я принесъ съ Марсова поля. Вмѣсто увѣренности въ побѣдѣ здраваго смысла надъ крайностями терроризма явилось у меня внутреннее убѣжденіе, что все останется по прежнему съ тою только, можетъ быть, разницею, что во главѣ террористовъ силою вещей очутятся ихъ вчерашніе противники, Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ.

XVIII.

Событія вскорѣ начали, повидимому, оправдывать мои мрачныя предчувствія. Вслѣдъ за праздникомъ 20-го прэріаля преслѣдованія политическаго характера усилились до небывалыхъ размѣровъ. 22-го прэріаля конвентъ утвердилъ безчеловѣчный законъ, дававшій временнымъ «народнымъ комиссіямъ» права, почти равныя съ правами грознаго революціоннаго трибунала, и всѣ громко говорили, что проектъ этого ужаснаго закона былъ выработанъ Комитетомъ Общественной Безопасности по предложенію Робеспьера и Кутона. Кровожадный Фукье Тэнвилль не только не потерялъ своего мѣста, но обнаруживалъ усиленную дѣятельность. Предварительное слѣдствіе по процессу Сесили Рено принимало грандіозные размѣры. Прикосновенными къ дѣлу оказывались люди, никогда не видавшіе въ глаза ни бумажнаго торговца улицы de la Lanterne, ни его дочери.

Я жилъ въ какомъ-то чаду, проводя цѣлые дни внѣ дома, посѣщая всѣ мѣста публичныхъ сборищъ, гдѣ можно было надѣяться узнать хоть что-нибудь новое о ходѣ слѣдствія. Встрѣчаться въ Просперомъ Ландэ я избѣгалъ сколько возможно, по смутному предчувствію, что онъ станетъ толковать по своему слухи о жестокомъ настроеніи, внезапно охватившемъ Робеспьера, котораго я снова сталъ ненавидѣть, вѣря слѣпо всему, что̀ разсказывалось о его безпощадности и стремленіяхъ къ диктатурѣ. Опасность, грозившая Сесили Рено, заставляла забывать все, что̀ расположило меня одно время въ пользу знаменитаго трибуна.

Въ началѣ мессидора, т. е. во второй половинѣ іюня, газеты возвѣстили близость процесса «заговорщиковъ на жизнь Робеспьера». Имя Сесили Рено стояло во главѣ этихъ заговорщиковъ. За нимъ слѣдовали имена ея отца, брата и тетки Терезы, смиренной немурской огородничихи. Далѣе шли имена учителя Кардиналя, хирурга Сэнтанака, г-жи Сентъ-Амарантъ и ея дочери Люцинды, Ламираля и совершенно незнакомыхъ мнѣ даже по имени Марино̀, Сулэса, Фруадюра и Данжэ. Гибель всѣхъ этихъ несчастныхъ признавалась неминуемою.

Мною овладѣло какое-то тупое отчаяніе.

Каждое утро, вставая съ постели послѣ почти безсонной ночи, я говорилъ себѣ, что мнѣ слѣдуетъ спасти во что бы то ни стало Сесиль Рено. Я выходилъ съ этою мыслью изъ дому... и возвращался поздно вечеромъ, ничего не придумавъ, проклиная свое безсиліе и отсутствіе изобрѣтательности. Иногда я заставалъ въ своей комнатѣ ожидавшаго меня Проспера Ландэ, который, тоже потерявъ свои недавнія надежды на благодѣтельныя послѣдствія праздника Верховнаго Существа, не пробовалъ увѣрять меня въ возможности спасенія Сесили Рено, а только старался допытаться, что̀ именно я намѣренъ дѣлать послѣ неизбѣжной трагической развязки ея процесса. Мнѣ было несказанно жалко моего добраго наставника, но сказать ему что-либо успокоительное я былъ не въ силахъ, не зная и самъ, что̀ я сдѣлаю послѣ гибели Сесили Рено, и только смутно предчувствуя ужасный характеръ той рѣшимости, которая охватитъ меня послѣ казни моей бывшей невѣсты.

Наконецъ, наступилъ и роковой день процесса. Я могъ бы, при протекціи Проспера Ландэ, пробраться въ залу засѣданія, но даже и не подумалъ объ этомъ. Съ ранняго утра я заперся въ своей комнатѣ и просидѣлъ неподвижно передъ письменнымъ моимъ столомъ,

ни о чемъ не думая, погруженный въ невыразимо тяжелое оцѣпенѣніе. Два раза ко мнѣ въ дверь стучалась наша старая служанка, спрашивая, не желаю ли я поѣсть чего-нибудь, и уходила, не получивъ никакого отвѣта.

Около восьми часовъ вечера раздался въ третій разъ стукъ въ дверь и я услышалъ голосъ Проспера Ландэ, говорившій:

— Отвори, Эженъ. Мнѣ необходимо видѣть тебя во что бы то ни стало!

Я понялъ, что сейчасъ услышу извѣстіе о приговорѣ революціоннаго трибунала, и почти обрадовался тому, что наступилъ конецъ мучительной неизвѣстности. Шатаясь, я всталъ съ своего мѣста и отодвинулъ задвижку. Просперъ Ландэ вошелъ блѣдный, со слезами на глазахъ, съ протянутыми ко мнѣ руками.

— Мужайся, дитя мое, собери всѣ свои силы! — проговорилъ онъ, старчески всхлипывая.

— Обвинена?—спросилъ я, задыхаясь.

— Единогласно! Несчастная и всѣ другіе подсудимые приговорены къ казни съ обрядомъ, совершаемымъ надъ отцеубійцами!..

Что̀ было далѣе, я не помню... Знаю только, что какъ будто вслѣдъ за тѣмъ, я очутился въ постели, у которой стояла лампа подъ зеленымъ абажуромъ. У ногъ моей кровати си-

дѣлъ въ большомъ креслѣ одѣтый въ халатъ Ландэ, а у изголовья суетилась наша старая служанка. Я взглянулъ на мои карманные часы, лежавшіе подлѣ меня на ночномъ столикѣ. Стрѣлка стояла на половинѣ второго часа.

— Очнулся!—прошепталъ мой наставникъ, обращаясь къ служанкѣ и вслѣдъ затѣмъ спросилъ меня:

— Эженъ, дитя мое! какъ ты себя чувствуешь?

Я пожалъ ему руку и, не отвѣтивъ ни слова, повернулся на другой бокъ, испытывая непреодолимую дремоту.

Когда я проснулся, солнечные лучи пробивались яркими полосками сквозь рѣшетчатыя ставни оконъ. Какъ-то сразу вспомнилось мнѣ, что приговоры революціоннаго трибунала всегда исполняются на слѣдующій же день. До казни Сесили Рено оставалось всего нѣсколько часовъ!

Я вскочилъ съ постели и посмотрѣлъ на часы. Было уже половина десятаго. Съ судорожной поспѣшностью сталъ я рыться въ моемъ платяномъ шкафу, отыскивая между моими модными нарядами что-нибудь потемнѣе. Поиски оказались напрасны. Всѣ мои фраки и рединготы (введенные въ употребленіе во

Франціи герцогомъ Филиппомъ Орлеанскимъ) были сшиты изъ матерій яркихъ или свѣтлыхъ цвѣтовъ... Вдругъ меня озарила совершенно неожиданная мысль. Я выбралъ самый нарядный и свѣтлый костюмъ и, спрятавъ пару карманныхъ, заряженныхъ пистолетовъ въ боковой карманъ фрака, поспѣшно вышелъ изъ дома, направляясь прямо къ продавщицѣ букетовъ, торговавшей на углу нашей улицы. Я выбралъ у нея самый лучшій букетъ бѣлыхъ розъ, и зашелъ въ сосѣдній магазинъ принадлежностей дамскаго туалета. Здѣсь я попросилъ обвязать мой букетъ широкою бѣлою лентою, и вышелъ изъ магазина, держа въ рукѣ этотъ пукъ цвѣтовъ такимъ образомъ, чтобы онъ бросался въ глаза всѣмъ встрѣчнымъ. Не вполнѣ ясно давая себѣ отчетъ, что̀ именно я сдѣлаю съ купленнымъ и изукрашеннымъ мною букетомъ, я рѣшилъ однакоже, что онъ будетъ играть первенствующую роль въ томъ, что̀ я совершу при появленіи роковой телѣги, на которой повезутъ къ эшафоту Сесиль. Бѣлыя розы и пистолеты, находившіеся у меня въ карманѣ, имѣли какую-то таинственную и роковую связь между собою, хотя какую именно, я и самъ еще не могъ бы сказать...

Состояніе, въ которомъ я находился въ эту

минуту, было необыкноненно странно. Я не испытывалъ никакого ужаса и страданія. Было даже что-то пріятное въ чувствѣ злобы и отчаянія, съ которымъ я шелъ все впередъ и впередъ, кусая до крови свои губы и хмуря до головной боли брови. Мысленно я повторялъ все время двѣ, въ сущности совершенно нелѣпыя фразы, именно: «Я имъ покажу!» и «Нѣтъ, мы еще посмотримъ, чья возьметъ!» Осмыслить побужденія, заставлявшія меня твердить эти угрозы, я никакъ не могъ, сколько ни старался.

Площадь Революціи была уже недалеко. Подходя, я увидалъ, что всѣ подступы къ ней загромождены отрядами національной гвардіи. Передъ ихъ рядами разъѣзжалъ краснощекій и красноносый человѣкъ, въ разстегнутомъ мундирѣ съ генеральскими истрепанными эполетами. Это былъ извѣстный Анріо, котораго городская молва уже давно провозглашала слѣпымъ орудіемъ «честолюбивыхъ замысловъ» Робеспьера.

Хотя я и понялъ сразу, что національные гвардейцы не пропустятъ меня на площадь, тѣмъ не менѣе, совершенно машинально подвигался впередъ. Мнѣ казалось, что это необходимо для успѣха того, что̀ я сдѣлаю при появленіи телѣгъ съ осужденными.

Въ толпѣ, сквозь которую я пробирался, слышались крайне противорѣчивыя восклицанія, возбуждаемыя моимъ нарядомъ и букетомъ бѣлыхъ розъ. Одни негодовали, другіе хвалили патріотизмъ, побудившій меня, по ихъ мнѣнію, явиться такимъ нарядным на казнь злоумышленниковъ, «собиравшихся лишить республику ея лучшей опоры». Всѣ давали однакоже мнѣ дорогу, съ любопытствомъ провожая меня глазами.

Я держалъ мой букетъ въ лѣвой рукѣ, прижимая его къ груди, и ощупывая локтемъ пистолеты, спрятанные въ боковомъ карманѣ. Чувство бѣшеной злобы заставляло меня стискивать зубы и тяжело дышать.

— Назадъ!—Здѣсь не проходятъ! раздался вдругъ надъ моей головой хриплый и грубоватый голосъ.

Я поднялъ голову и увидалъ, что мнѣ загораживаетъ дорогу Анріо, горячившій своего коня. Командиръ національной гвардіи съ любопыствомъ разглядывалъ мой нарядъ и цвѣты. Я глядѣлъ въ свою очередь ему въ глаза и не двигался съ мѣста.

— Назадъ, говорю!—что вы оглохли, что-ли! — Куда лѣзете? На площадь нѣтъ пропуска,—повторилъ Анріо.

Я продолжалъ молчать и стоять неподвижно.

Вдругъ глаза «генерала» налились кровью. Онъ наклонился на сѣдлѣ, и вырвалъ у меня изъ рукъ букетъ, визгливо крикнувъ:

— Негодяй! ты явился сюда глумиться надъ послѣдними минутами осужденныхъ!—Это оскорбленіе правосудію республики. Убирайся прочь!

Въ толпѣ раздался одобрительный говоръ. Анріо бросилъ далеко въ сторону мои цвѣты, и продолжая тѣснить меня своимъ конемъ, проговорилъ въ полголоса, не глядя на меня:

— Уходите скорѣе, гражданинъ. Дѣлу вы не поможете, а только дадите врагамъ республики предлогъ для новой клеветы противъ насъ.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, и почти машинально отступилъ на нѣсколько шаговъ въ самую глубь толпы, тѣснившейся у тротуара.

Вокругъ меня шли оживленные толки.

— Говорятъ, ихъ много? — спросила хорошенькая и бойкая гризетка, безпрестанно поднимавшаяся на ципочки и протягивавшая голову въ ту сторону, съ которой долженъ былъ появиться поѣздъ осужденныхъ.

— Много, дѣвушка, много! Всякіе есть!— отвѣчала дряхлая старуха.

— И неужели они дѣйствительно замыш-

ляли убить Робеспьера?—продолжала гризетка.

— Разно толкуютъ. Послушать иныхъ, такъ все дѣло не стоитъ мѣднаго гроша,—прошамкала старуха.

— Что вздоръ-то несешь, старая вѣдьма!—вмѣшался широкоплечій чернорабочій.—Цѣлый заговоръ открытъ, весь конвентъ собирались перерѣзать.

— Я ничего, голубчикъ! повторяю, что́ отъ добрыхъ людей слышала.

— А много изъ-за этого Робеспьера народу гибнетъ,—воскликнулъ пожилой человѣкъ въ карманьолкѣ и въ красномъ фригійскомъ костюмѣ.—Знатный поставщикъ палачу!

— Туда имъ и дорога, мерзавцамъ! Все это—враги республики,—возразилъ рабочій.

Я стоялъ неподвижно, спустивъ правую руку за бортъ застегнутаго фрака. Пальцы мои чувствовали металлическую оправу рукоятки одного изъ пистолетовъ...

Вдругъ толпа заколебалась и хлынула въ сторону, противоположную площади, съ криками «везутъ! везутъ!» Вдали слышался глухой барабанный бой. Національные гвардейцы по командѣ Анріо взяли ружья на плечо.

Я двигался невольно съ толпою, почти потерявъ способность отдавать себѣ отчетъ въ

томъ, что̀ происходитъ вокругъ меня. Кровь стучала въ вискахъ, въ глазахъ ходили радужные круги.

Барабанный бой слышался все яснѣе и яснѣе. Толпа замялась на мѣстѣ и стала пятиться. Кто-то около меня воскликнулъ:

— Что̀ это значитъ? Они одѣты въ красныя рубашки, и лица у нихъ закрыты!

— А то какъ же? Вѣдь они приговорены къ казни, положенной отцеубійцамъ, — отвѣвѣчалъ другой голосъ.

— Съ какой это стати? Когда казнили Шарлотту Кордэ...

— Мало ли что! То былъ Маратъ, а это Робеспьеръ!

— Ну такъ что же?

— Развѣ забылъ, что его отцомъ республики величаютъ?

Толпа все болѣе и болѣе пятилась, прижимая меня къ стѣнѣ дома, у котораго я очутился, уступая ея напору. Вдругъ послышался невдалекѣ стукъ колесъ. Я поднялъ голову и увидалъ нѣчто ужасное...

Вдоль по улицѣ, направляясь къ площади Революціи, почти рысью двигался цѣлый рядъ телѣгъ, наполненныхъ человѣческими фигурами въ красномъ, съ черными шерстяными покрывалами на лицахъ. Фигуры эти, привя-

занныя къ боковымъ рѣшеткамъ телѣгъ, безпомощно качались изъ стороны въ сторону отъ тряски. На передней телѣгѣ, высокій человѣкъ въ синей курткѣ, палачъ Сансонъ, крѣпко держалъ за плечи, старавшуюся вырваться изъ его рукъ и сбросить покрывало, невысокую фигуру. Въ то время, какъ эта ужасная группа проѣзжала передо мною, раздался отчаянный женскій крикъ:

— Пустите меня! Я не хочу умирать! Это ужасно!

Кровь застыла у меня въ жилахъ... Я узналъ голосъ Сесили Рено!

Выхватить изъ кармана пистолетъ и ринуться впередъ было для меия дѣломъ одного мгновенія, но толпа, все продолжавшая пятиться, въ какомъ-то безсознательномъ ужасѣ, снова отбросила меня къ стѣнѣ. Нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ какъ разъ передо мною, взобрались на подножіе фонарнаго столба и заслонили мнѣ своими спинами видъ на улицу и на площадь. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я слышалъ еще стукъ колесъ и удаляющіеся, отчаянные вопли Сесили, потомъ все стихло и въ этой ужасной тишинѣ раздалась команда Анріо:

— Сомкнись!

У меня потемнѣло въ глазахъ и сердце сжа-

лось отъ адски-невыносимой, чисто-физической боли...

Очнулся я въ сосѣдней аптекѣ въ большомъ креслѣ. Какая-то пожилая женщина съ добродушнымъ лицомъ растирала мнѣ виски, а за прилавкомъ толстый аптекарь хлопотливо и съ озабоченнымъ видомъ лилъ въ большую стклянку какую-то бурую жидкость. Въ комнатѣ пахло спиртомъ и камфарой.

— Кажется, бѣдный мальчикъ приходитъ въ чувство, Жеромъ, — шептала женщина: — давай скорѣе твое подкрѣпительное.

Я хотѣлъ вскочить съ кресла, но почувствовалъ невыразимую слабость и только могъ проговорить:

— Пустите меня!

— Ну, ужь это извините! — сказала она. — Никуда мы васъ не пустимъ, извольте сидѣть тутъ, пока окончательно придете въ себя. Вы и шагу не сдѣлаете безъ того, чтобы опять не грохнуться о земь, какъ тамъ, на улицѣ.

Слово «улица» возвратило мнѣ полное сознаніе. Задыхаясь и смотря умоляющимъ взоромъ на пожилую женщину, я спросилъ:

— Ради неба! Что̀ тамъ?

Она смущенно опустила глаза и едва слышно прошептала:

— Вы были въ безпамятствѣ около часа.

Я понялъ, что все кончено.... Неимовѣрнымъ усиліемъ воли поднявшись съ кресла и оправляя мое разстегнутое платье, я сказалъ:

— Благодарю васъ, гражданка. Мнѣ гораздо лучше. Позвольте мнѣ удалиться.

Аптекарь переглянулся съ моей импровизированной сидѣлкой и, показывая на приготовленное имъ лекарство, сказалъ:

— Хорошо, но только прежде извольте выпить вотъ это.

Онъ взялъ съ выручки небольшой стаканъ и наполнилъ его изъ стклянки, поболтавъ ее предварительно. Я выпилъ, и вынимая изъ кармана кошелекъ, спросилъ:

— Сколько я вамъ долженъ, гражданинъ?

— Ровно ничего, — отвѣчалъ онъ. — Мы съ женою не беремъ денегъ за услуги подобныя той, которую я вамъ оказалъ, поднявъ васъ безчувственнаго на улицѣ и принеся сюда. Если вы дѣйствительно въ силахъ, идите себѣ домой, но прежде возьмите и спрячьте хорошенько вотъ эту опасную игрушку, которую я вынулъ изъ вашей стиснутой руки.

И онъ подалъ мнѣ мой пистолетъ.

Я даже не поблагодарилъ добрыхъ людей, заботившихся привести меня въ чувство и спасшихъ, быть можетъ, мнѣ жизнь, скрывъ находку пистолета. Всѣмъ моимъ существомъ

овладѣла какая-то сумасшедшая потребность поскорѣе попасть на площадь, гдѣ часъ назадъ погибла Сесиль Рено. Стараясь ступать какъ можно тверже плохо слушавшимися меня ногами, я вышелъ изъ аптеки и оглядѣлся вокругъ себя. На улицѣ было уже немного народу. По ней, отбивая шагъ и хмуро глядя въ землю, уходили съ площади національные гвардейцы Анріо. За то вся площадь Революціи представляла издали сплошное море головъ. Я пошелъ впередъ и вмѣшался въ эту толпу. Надъ головами высились красные столбы гильойтины и слышался плескъ льющейся воды... Слуги палача обмывали страшное орудіе казни, кончившее на этотъ день свою службу.

Вокругъ меня раздавался смутный говоръ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, но сильнѣйшій звонъ въ ушахъ не позволялъ мнѣ разслышать ни одного слова. На минуту побѣжденная мною слабость снова охватила мои члены. Боясь вторично упасть въ обморокъ, я повернулъ назадъ и машинально пошелъ по направленію къ нашей квартирѣ.

XIX.

Вечеромъ того же дня я заболѣлъ сильнѣйшею горячкою и пролежалъ безъ памяти цѣлыхъ десять дней. Проспэръ Ландэ не отходилъ отъ меня во все это время и обрадовался какъ ребенокъ, когда я въ первый разъ очнулся. Мой добрый наставникъ, очевидно, догадывавшійся о причинахъ моей болѣзни, тщательно избѣгалъ говорить со мной о чемъ бы то ни было, напоминавшемъ недавнее прошлое. Когда я, тоже умалчивая объ этомъ прошломъ, спрашивалъ его, что̀ дѣлается въ конвентѣ и въ клубѣ якобинцевъ, онъ отвѣчалъ, что до полнаго моего выздоровленія докторъ запретилъ мнѣ заниматься подобными вещами. На мою просьбу дать мнѣ газеты за послѣдніе дни, Ландэ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, говоря, что если я желаю читать, то вся его библіотека къ моимъ услугамъ.

По мѣрѣ того, какъ исчезала опасность рецидива горячки, Ландэ сталъ все чаще и чаще

оставлять меня одного, отправляясь на засѣданія конвента, въ которыя онъ и не заглядывалъ въ первыя недѣли моей болѣзни. Скоро я сталъ замѣчать, что онъ возвращается съ засѣданій задумчивый и чѣмъ-то сильно озабоченный.

Въ долгіе часы одиночества, сопровождавшіе мое, медленно подвигавшееся, выздоровленіе, я постоянно думалъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Трагическая смерть Сесили Рено не выходила изъ моей головы. Меня нѣсколько удивляло, что эта смерть не вызывала во мнѣ той острой скорби о неисправимой и невознаградимой потерѣ, которую, казалось, должна была возбуждать безвременная гибель любимаго предмета. Я не тосковалъ и не томился безплодными сожалѣніями. Въ измученной душѣ моей жило только одно чувство — страстная жажда мести тѣмъ, кто были виновниками смерти Сесили. Но на кого именно должна пасть отвѣтственность за молодое, безвременно загубленное существованіе? Отвѣтъ на этотъ, неотвязно преслѣдовавшій меня вопросъ, сложился окончательно не сразу въ моей ослабѣвшей головѣ. Сначала я мысленно проклиналъ тѣхъ, которые вовлекли Сесиль въ ея безумный замыселъ подражанія Шарлотѣ Кордэ, но вскорѣ мнѣ вспомнилось, что всѣ винов-

ники ея пагубнаго увлеченія уже искупили свой грѣхъ трагическою смертью на эшафотѣ. Оставался только одинъ, косвенный и, повидимому, не отвѣтственный виновникъ событія, самъ Робеспьеръ. Я припоминалъ слова Сенъ-Жюста, намекнувшаго мнѣ на возможность пощады и даже оправданія Сесиль Рено, и спрашивалъ себя, почему Робеспьеръ не сдѣлалъ ничего, чтобы спасти несчастную дѣвушку? Мнѣ казалось, что онъ могъ настоять на пощадѣ, еслибъ захотѣлъ. Продолжая думать все объ одномъ и томъ же, я началъ проникаться страшною болѣзненною ненавистью къ знаменитому трибуну и рѣшилъ, что если факты оправдаютъ мои подозрѣнія, я жестоко отмщу ему за смерть Сесили.

Въ послѣднихъ числахъ мессидора, т. е. въ половинѣ іюля, здоровье мое поправилось настолько, что докторъ позволилъ мнѣ встать съ постели и выходить въ другія комнаты. На другой же день я воспользовался этимъ позволеніемъ, чтобы явиться утромъ въ кабинетъ Проспера Ландэ, за два часа до того времени, когда онъ долженъ былъ отправиться въ конвентъ. Мой добрый наставникъ и другъ радостно привѣтствовалъ мое появленіе, но замѣтно смутился, когда я сказалъ ему, что

пришло время объяснить мнѣ многое, случившееся съ того дня, когда я заболѣлъ.

— Ты еще слишкомъ слабъ, дорогой Эженъ, для подобнаго разговора. Отложимъ его до болѣе благопріятнаго времени, — сказалъ онъ, глядя въ сторону и нервно перебирая бумаги на своемъ столѣ.

— Извините мою настойчивость, добрый другъ мой,—возразилъ я,—но я долженъ объявить вамъ, что не уйду отсюда безъ тѣхъ объясненій, за которыми пришелъ. Дальнѣйшая неизвѣстность для меня положительно невыносима. Постоянно думая объ одномъ и томъ же, я по временамъ сильно опасаюсь за свой разсудокъ. Если вы меня дѣйствительно любите, то не откажите отвѣчать на мои вопросы, помня, что я являюсь къ вамъ, какъ къ единственному человѣку, на котораго могу положиться.

Ландэ посмотрѣлъ пристально мнѣ въ глаза и, должно быть, прочелъ въ нихъ такую непоколебимую рѣшимость, что сказалъ, вздыхая и понуривъ голову:

— Нечего дѣлать! Спрашивай.

— Прежде всего, скажите мнѣ искренно, безъ всякихъ оговорокъ и недомолвокъ, ваше мнѣніе объ ужасномъ и безсмысленномъ процессѣ, жертвою котораго пала извѣстная вамъ

злополучная дѣвушка,—медленно проговорилъ я, стараясь казаться сколько можно болѣе спокойнымъ.

— Увы! мой другъ,—отвѣчалъ мой наставникъ, не поднимая головы,—первый же твой вопросъ, какъ я и предвидѣлъ, ставитъ меня въ жестокое затрудненіе. Я самъ еще не могу выяснить себѣ хорошенько, на кого должна пасть отвѣтственность за это безполезно-жестокое дѣло. Что злополучный процессъ, уже получившій въ публикѣ названіе «дѣла красныхъ рубашекъ», могъ только принести вредъ Робеспьеру, какъ бы подтверждая все болѣе и болѣе распространяющіеся слухи о его кровожадности,—это для меня кажется совершенно неоспоримымъ. Пощадивъ Сесиль Рено, нашъ революціонный трибуналъ сразу опровергъ бы уже сильно укоренившееся мнѣніе, что онъ существуетъ только для того, чтобы облегчать Робеспьеру и его друзьямъ борьбу съ ихъ политическими соперниками. Никогда еще оправдательный приговоръ не былъ бы такъ кстати, какъ въ этомъ случаѣ. Если покойная Сесиль Рено и имѣла какіе-нибудь замыслы на жизнь Робеспьера, то она, очевидно, не была приготовлена надлежащимъ образомъ къ ихъ исполненію въ то время, когда ее арестовали. Всѣ другіе ея предполагаемые сообщники, за ис-

ключеніемъ, можетъ быть, одного Ламираля, были, очевидно, неповинны въ этихъ замыслахъ. Вздорное дѣло, неизвѣстно съ какою цѣлью раздутое въ серьезный и опасный для республики заговоръ, слѣдовало замять съ самаго начала. Таково мое искреннее и твердое убѣжденіе.

— Кто же, по вашему, виноватъ, что его не замяли? Вѣдь одного слова Робеспьера было достаточно для того, чтобы слѣдствіе не начиналось? Всѣ громко говорятъ, что Фукье-Тэнвилль — покорное и слѣпое орудіе его воли.

— Говорятъ тѣ, кто не знаетъ дѣла близко. Что Фукье-Тэнвилль пресмыкается до гнусности передъ Максимиліаномъ—это правда; что онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ толкуетъ о своей безграничной преданности Робеспьеру — это знаютъ всѣ, но между нами, искренними и нелицепріятными друзьями великаго гражданина, ты найдешь не мало такихъ, которые убѣждены, что Фукье-Тэнвилль кривитъ душою и преслѣдуетъ какія-то мрачныя цѣли. Эти два человѣка составляютъ такой нравственный контрастъ и Робеспьеръ до того сильно презираетъ людей, подобныхъ нынѣшнему публичному обвинителю, что Фукье не можетъ не ненавидѣть его въ душѣ. Процессъ Сесили Рено былъ по-

веденъ въ извѣстномъ направленіи съ цѣлью повредить Робеспьеру и парализировать впечатлѣніе его рѣчей на праздникѣ 20-го прэріаля. Я смѣло утверждаю это. Вспомни другую исторію, поднятую почти тотчасъ послѣ праздника Верховнаго Существа. Если полоумная Катерина Тео и ея пріятель, бывшій доминиканецъ Гэрль, тоже попали въ заговорщики, то единственно потому, что эти юродивые восхваляли до небесъ Максимиліана на своихъ сборищахъ.

— Все это, можетъ быть, и такъ,—нетерпѣливо возразилъ я, — но мнѣ хотѣлось бы знать, убѣждены ли вы, что Робеспьеръ не въ состояніи былъ заставить Фукье-Тэнвилля отказаться отъ обвиненія Сесили Рено?

Ландэ подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Отвѣчать совершенно утвердительно на этотъ вопросъ я не рѣшусь. Вліяніе Максимиліана, несмотря на всѣ подкопы его враговъ, еще такъ велико, что, пожалуй, его прямое, открытое вмѣшательство и могло бы спасти несчастную дѣвушку; но ты вѣдь знаешь, до какой степени онъ избѣгаетъ подобнаго вмѣшательства, до какой степени считаетъ онъ правосудіе дѣломъ неприкосновеннымъ и священнымъ.

— Но развѣ это правосудіе? Развѣ такой

человѣкъ, какъ Фукье-Тэнвилль, можетъ быть достойнымъ служителемъ неподкупной Ѳемиды?

— Въ этомъ-то и несчастіе Робеспьера, что онъ, столь безпощадный вообще къ подобнымъ негодяямъ, не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ ихъ дѣйствія до тѣхъ поръ, пока ему не удалось низвергнуть ихъ съ занимаемаго ими оффиціальнаго поста. Въ дѣлѣ Сесили Рено у Максимиліана, ужь если ты хочешь знать, были другія побудительныя причины держаться въ сторонѣ.

— Въ чемъ же состояли эти причины?

Ландэ грустно улыбнулся и какъ-то нехотя проговорилъ:

— Элеонора Дюплэ очень ревнива и кто-то вбилъ ей въ голову, что Сесиль хотѣла отомстить Максимиліану за то, что онъ обольстилъ ее и бросилъ.

— И онъ не поколебался послать на эшафотъ несчастную дѣвушку, чтобы разсѣять вздорныя подозрѣнія своей невѣсты?

— Я не утверждаю этого, — уклончиво отвѣчалъ Ландэ. — Прошу тебя только не забывать, что Максимиліанъ страстно любитъ старшую дочь Мориса Дюплэ и что въ частной жизни онъ совершенно подчиняется ея волѣ.

Мнѣ и теперь страшно вспомнить тотъ при-

ливъ глухой, но бѣшеной злобы, который защемилъ мнѣ грудь при этихъ наивно-откровенныхъ словахъ Проспера Ландэ. Мой почтенный наставникъ, самъ того не подозрѣвая, подписалъ смертный приговоръ своего лучшаго друга, стараясь оправдать его въ моихъ глазахъ! Я возненавидѣлъ Робеспьера тою всепоглощающею и слѣпою ненавистью, которая совершенно заставляетъ молчать разсудокъ и чувство справедливости и утоляется только одною жестокою местью!

Необходимо было, однако же, притвориться спокойнымъ или, вѣрнѣе, успокоившимся. Я чувствовалъ на себѣ пристальный, тревожно-испытующій взглядъ Проспера Ландэ и понималъ, что если я не уничтожу возникающія въ его сердце опасенія, то сдѣлаюсь отнынѣ предметомъ его пристальнаго и крайне стѣснительнаго для меня присмотра. Страшнымъ усиліемъ воли я придалъ своему лицу грустно-покорное выраженіе и сказалъ вздыхая:

— Итакъ, во всемъ случившемся виновато одно роковое стеченіе обстоятельствъ! Мнѣ, видно, остается преклонить голову передъ неисповѣдимою волею судьбы.

Ландэ помолчалъ минуты двѣ, о чемъ-то думая, и потомъ, вставъ съ своего кресла, об-

нялъ меня, и крѣпко прижимая къ груди: сказалъ:

— Эженъ, дитя мое! Уѣзжай изъ Франціи, бѣги изъ этого ада! Совѣсть жестоко упрекаетъ твоего стараго наставника въ томъ, что онъ, по слабости характера и изъ любви къ свободѣ, допустилъ тебя окунуться въ тотъ страшный омутъ, въ которомъ бозпомощно задыхается вся Франція.

— Все, что хотите, кромѣ этого, мой добрый другъ,—возразилъ я, отвѣчая на его ласку.— Жребій мой брошенъ. Смерть Сесили уничтожила послѣднюю причину, которая могла побудить меня къ возвращенію въ мое отечество. Я буду жить и умру тамъ, гдѣ погибла дѣвушка, которую я любилъ больше моей жизни.

Ландэ грустно опустилъ голову и не отвѣтилъ ни слова...

Съ этого дня я весь отдался одной мысли— отмстить Робеспьеру за смерть Сесили Рено. Твердо рѣшившись достигнуть предположенной цѣли, я не торопился ея осуществленіемъ, говоря себѣ, что къ подобнымъ предпріятіямъ слѣдуетъ готовиться исподволь, обдумывая всѣ шансы успѣха, выжидая наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Ожесточеніе, мною овладѣвшее, было такъ велико, что мнѣ уже ка-

залось недостаточнымъ простое лишеніе жизни человѣка, лишившаго меня предмета моей любви. Убить Робеспьера при той обстановкѣ, при которой были убиты Мишель Лепельтье и Маратъ, я находилъ слишкомъ легкимъ и недостаточнымъ возмездіемъ. Въ больномъ мозгу моемъ рисовались иныя, болѣе грандіозныя картины. Я мечталъ совершить задуманное мною дѣло всенародно, въ одну изъ минутъ полнаго торжества Робеспьера, въ засѣданіи конвента или на какомъ-нибудь изъ республиканскихъ праздниковъ, гдѣ онъ явится, снова окруженный ореоломъ неотразимаго вліянія на народныя массы. Для достиженія этой цѣли мнѣ необходимо было пристальнѣе, чѣмъ когда-либо слѣдить за событіями и снова зажить тою лихорадочною жизнью, которою жилъ тогда весь Парижъ.

Къ концу мессидора, я почувствовалъ себя достаточно крѣпкимъ и сильнымъ для того, чтобы снова сдѣлаться прилежнымъ посѣтителемъ засѣданій конвента и клуба якобинцевъ, являясь на эти засѣданія и вообще выходя изъ дому не иначе какъ съ моими заряженными пистолетами въ карманѣ и съ кошелькомъ полнымъ золота, «на всякій непредвидѣнный случай». Съ первыхъ же моихъ посѣщеній конвента и клуба я безъ труда за-

мѣтилъ, что въ общественномъ мнѣніи произошелъ крупный переворотъ за время моей болѣзни. Прежняя громадная популярность Робеспьера значительно ослабѣла. Толки о томъ, что грозный трибунъ — главный виновникъ всѣхъ ужасовъ, совершаемыхъ Комитетомъ Общественной Безопасности, ходили повсюду и усердно поддерживались такими завѣдомыми террористами, какъ Фушэ, Бурдонъ де-Луазъ, Вадье, Тальянъ, Каррье, Бильйо Варренъ и пр. Друзья Максимиліана, правда, доказывали, что на него не можетъ падать отвѣтственность за кровавыя дѣла комитета, потому что уже третью декаду онъ не принимаетъ никакого участія въ его занятіяхъ, хотя и присутствуетъ на засѣданіяхъ. Отвѣтомъ на эти доводы было, что Робеспьеръ нарочно устраняется фактически отъ дѣлъ, чтобы сложить всю отвѣтственность на своихъ товарищей по комитету, которые не смѣютъ ослушиваться его внушеній и «загребаютъ для него жаръ своими руками». Это говорилось въ корридорахъ и въ публичныхъ трибунахъ конвента, а на его ораторской каѳедрѣ все чаще и чаще, все смѣлѣе и смѣлѣе раздавались намеки, что народные представители «не свободны» и дѣйствуютъ подъ гнётомъ страха за свою собственную безопасность!..

Въ клубѣ якобинцевъ, все еще по прежнему преданномъ почти всецѣло Робеспьеру, раздавались иныя, не менѣе тревожныя рѣчи. Ораторы одинъ за другимъ предостерегали своихъ товарищей на счетъ заговоровъ противъ свободы и «ея самаго могучаго защитника». Робеспьеръ, почти каждый вечеръ появлявшійся въ клубѣ, не только не противорѣчилъ, но еще подливалъ масла въ огонь, доказывая на всѣ лады, что республика не будетъ обезпечена и упрочена до тѣхъ поръ, пока конвентъ «не удалитъ изъ своей среды нѣсколькихъ позорящихъ его мерзавцевъ». Именъ онъ не называлъ, но всѣ знали на кого онъ мѣтитъ, а тѣ, кого онъ обрекалъ такимъ образомъ на погибель, въ свою очередь распускали слухи, что Робеспьеръ и его друзья замышляютъ погубить всѣхъ членовъ конвента, осмѣливавшихся порою съ ними разногласить.

Эта обширная интрига, смыслъ которой становился для меня все болѣе и болѣе яснымъ, сильно смущала меня, разстроивая мои собственные планы. Она могла легко кончиться политическимъ паденіемъ Робеспьера, — я же мечталъ о томъ, чтобы совершить мою месть въ моментъ его полнаго, окончательнаго торжества. Чтобы хоть нѣсколько примирить возникавшее противорѣчіе, я пробовалъ увѣрить

себя, что вожаки интриги правы, упрекая Робеспьера въ замыслахъ противъ свободы страны, но воспитаннику Проспера Ландэ, выросшему въ той средѣ, гдѣ съ ужасомъ и отвращеніемъ клеймили подвиги бывшихъ проконсуловъ и считали ихъ главнымъ препятствіемъ къ упроченію республики, не легко было искренно сдѣлаться единомышленникомъ такихъ проходимцевъ революціи, какъ Фушэ, Талльянъ и Барреръ! Были минуты, когда я забывалъ о своей личной ненависти, негодуя на гнусныя средства, пускаемыя въ ходъ этими негодяями и ихъ многочисленными сообщниками. Въ такія минуты меня успокоивала надежда, что Робеспьеръ выйдетъ побѣдителемъ изъ начатой противъ него борьбы и что именно въ то время, когда онъ будетъ торжествввать свою побѣду, наступитъ желанный часъ моего мщенія за злополучную Сесиль Рено.

Засѣданія клуба якобинцевъ, происходившія 1-го и 2-го термидора (19-го и 20-го іюля) были непривычно тревожны. Сторонники Робеспьера сообщали шопотомъ другъ другу о разногласіяхъ, возникшихъ между членами Комитета Общественной Безопасности и о подозрѣніяхъ, которыя съумѣли внушить Карно и Камбону руководители интриги, направленной противъ Робеспьера. Просперъ Ландэ, стано-

вившійся все задумчивѣе и задумчивѣе, особенно подробно разспрашивалъ меня о томъ, чтò говорилось въ этихъ засѣданіяхъ, и не скрывалъ своихъ опасеній. Онъ особенно боялся послѣдствій тѣхъ безъименныхъ угрозъ, на которыя сталъ въ это время необыкновенно щедръ Робеспьеръ какъ въ конвентѣ, такъ и въ клубѣ якобинцевъ, безпрестанно толкуя о необходимости «очистить народное представительство отъ немногихъ позорящихъ его негодяевъ», но упорно отказываясь указать яснѣе, про кого именно онъ говоритъ.

— Максимиліанъ страшно вредитъ себѣ этими недомолвками, — говорилъ мнѣ мой наставникъ. — Если бы конвентъ и Комитетъ Общественной Безопасности знали навѣрное, что онъ имѣетъ въ виду только такихъ негодяевъ, какъ Фушэ, Каррье, Талльянъ, Леонаръ Бурдонъ и имъ подобные, то, конечно, никому бы и въ голову не приходило видѣть въ его угрозахъ опасности для себя лично. Теперь же эти гнусные интриганы, очень хорошо понимая, что дѣло идетъ только о нихъ, стараются увѣрить такихъ людей, какъ Камбонъ и Карно, что Робеспьеръ рѣшилъ ихъ погибель! Съ каждымъ днемъ увеличивается число его враговъ. Я уже вижу нѣкоторые признаки тайнаго союза террористовъ съ умѣренными. Всѣ наши

усилія заставить Максиміліана отказаться отъ пагубной системы безъименнаго запугиванья остаются безплодными. Онъ упорно повторяетъ, что не пришло еще время сорвать маски съ негодяевъ и что онъ рѣшится на это не ранѣе, какъ для него станетъ окончательно ясно, что конвентъ не хочетъ понимать его намековъ...

7-го термидора (25-го іюля), въ засѣданіи клуба якобинцевъ членъ этого клуба Ташро́ сообщилъ, что Робеспьеръ рѣшился выступить на слѣдующій день на трибуну конвента съ рѣшительнымъ разоблаченіемъ интриги, противъ него направленной. На предостереженіе Ташро, остерегаться послѣдствій клеветы его враговъ, знаменитый ораторъ отвѣчалъ:

— Будь, что будетъ! Я исполню мою обязанность. Нынѣшнее положеніе дѣлъ для меня невыносимо. Сердце мое надрывается при мысли объ опасностяхъ, которыя грозятъ республикѣ въ самый разгаръ побѣдъ, одерживаемыхъ ею надъ нашими иноземными врагами. Или я погибну самъ, или освобожу страну отъ негодяевъ и измѣнниковъ, замышляющихъ ея погибель!

На разспросы окружающихъ, что̀ побудило Робеспьера на такой рѣшительный шагъ, Ташро сообщилъ съ таинственнымъ видомъ, что въ

Комитетѣ Общественной Безопасности произошелъ окончательный разрывъ Карно и Камбона съ Робеспьеромъ, Кутономъ и Сенъ-Жюстомъ.

— Alea jacta est!—прибавилъ онъ.—Что бы ни случилось, друзья великаго гражданина останутся вѣрны ему. На нашей сторонѣ національная гвардія Анріо, огромное большинство парижскихъ секцій и парижская коммуна съ мэромъ Флёріо Леско во главѣ.

Я былъ въ числѣ слушателей разсказа Ташро и чрезвычайно обрадовался его послѣднимъ словамъ. Побѣда Робеспьера надъ его врагами казалась мнѣ несомнѣнною. Что-нибудь одно, или ему удастся убѣдить конвентъ пожертвовать тѣми членами, которые стали во главѣ заговора противъ него, или повторится событіе 31-го мая 1793 года, т. е. нравственное насиліе надъ конвентомъ парижской коммуны и народныхъ массъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ Робеспьеръ явится верховнымъ, полновластнымъ распорядителемъ судебъ республики и, слѣдовательно, наступитъ желанный часъ для моего мщенія за Сесиль Рено!..

XX.

На другой день я позаботился забраться какъ можно ранѣе въ посѣщаемую мною постоянно публичную трибуну конвента для того, чтобы добыть себѣ мѣсто въ первомъ ряду и имѣть возможность слышать каждое слово Робеспьера, а въ то же время слѣдить за впечатлѣніемъ его рѣчи на всѣ фракціи собранія. Предосторожность моя оказалась вполнѣ умѣстною. Минутъ черезъ десять послѣ того какъ я вошелъ въ трибуну, она стала быстро наполняться и, за цѣлый часъ до начала засѣданія, всѣ мѣста, отведенныя для публики, были до такой степени переполнены, что нѣкоторые начинали выражать серьезное опасеніе какъ бы не обвалился помостъ верхнихъ галерей, назначенныхъ для постороннихъ слушателей.

Члены конвента стали собираться въ залу засѣданій тоже гораздо ранѣе назначеннаго времени. Когда очередной президентъ, Колло

д'Эрбуа, давно уже вылечившійся отъ ничтожной раны, нанесенной ему Ламиралемъ, занялъ свое кресло, всѣ скамьи представителей были полны и въ залѣ господствовало невыразимое, хотя еще сдерживаемое, волненіе.

Робеспьеръ уже съ четверть часа какъ занималъ свое мѣсто на одной изъ среднихъ скамей такъ называемой «Горы». Онъ казался совершенно спокоенъ и, по своему неизмѣнному обыкновенію, былъ одѣтъ съ изысканнымъ щегольствомъ. Въ петлицѣ его фрака красовалась большая пунцовая роза, другую такую же розу онъ держалъ въ рукѣ, безпрестанно нюхая ее, или пощипывая тонкими, блѣдными губами ея пурпурные лепестки.

Начало засѣданія, посвященное чтенію нѣсколькихъ неинтересныхъ докладовъ, прошло посреди всеобщаго невниманія и почти-громкихъ, постороннихъ разговоровъ въ залѣ и въ публичныхъ трибунахъ. За то, когда президентъ Колло д'Эрбуа произнесъ съ оттѣнкомъ тревоги въ голосѣ: «Слово принадлежитъ гражданину Робеспьеру» — мгновенно водворилось мертвое молчаніе.

Робеспьеръ медленно всталъ съ своего мѣста, собралъ лежавшіе передъ нимъ листки конспекта рѣчи, которую онъ собирался произнести, и пошелъ, не торопясь, къ трибунѣ.

Мнѣ сдавалось, что онъ дѣлаетъ усиліе надъ собою, чтобы казаться совершенно спокойнымъ и равнодушнымъ.

Когда характерная фигура знаменитаго оратора появилась на трибунѣ, въ залѣ произошло всеобщее движеніе. Всѣ взоры устремились на Робеспьера...

Онъ положилъ передъ собою свои бумаги, понюхалъ бывшую у него въ рукахъ розу и похлопывая ею о мраморную доску трибуны, прищурясь, посмотрѣлъ сначала на членовъ конвента, потомъ на галлереи, наполненныя публикой. Вслѣдъ затѣмъ, какъ-то неожиданно для слушателей, раздались первыя слова знаменитой рѣчи, рѣшившей его участь и участь республики.

— Предоставляю другимъ льстить вашему самолюбію! Я явился сюда для того, чтобы говорить полезныя истины. Я не буду пугать васъ вымышленными ужасами, но постараюсь, если только это еще возможно, загасить факелы раздора одною силою правды. Я разоблачу передъ вами злоупотребленія, ведущія отечество къ погибели. Ваше безкорыстіе съумѣетъ положить имъ конецъ. Я буду защищать передъ вами вашу поруганную власть и нарушенную свободу. Если я позволю себѣ упомянуть о преслѣдованіяхъ, направленныхъ

противъ меня лично, вы, конечно, не поставите мнѣ этого въ вину, потому что между вами и тиранами, противъ которыхъ вы боретесь, нѣтъ ничего общаго. Вопли оскорбляемой невинности не могутъ быть чужды вашему слуху и вы хорошо знаете, что дѣло это — вамъ не чужое.

Таково было вступленіе рѣчи Робеспьера. Въ текстѣ, напечатанномъ впослѣдствіи побѣдителями 9-го термидора, она появилась съ пропусками и въ искаженномъ видѣ. Приводимыя мною фразы я заимствую изъ копіи съ собственноручной рукописи оратора, сдѣланной для меня г-жою Леба́, младшей дочерью Мориса Дюплэ, съ которой я былъ въ перепискѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Когда ораторъ окончилъ свое вступленіе и остановился на секунду, какъ бы собираясь съ силами, въ группѣ террористовъ произошло нѣкоторое движеніе. Талльянъ, сильно поблѣднѣвшій, наклонился къ Фушэ и сталъ шептать ему что-то на ухо.

Тотъ нетерпѣливо двинулъ плечами и, нахмуривъ свои густыя брови, уставился глазами на Робеспьера.

Ораторъ сталъ выхвалять французскую революцію, говоря, что она стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ революцій, ей предше-

ствовавшихъ, тѣмъ, что̀ совершено ею во имя непререкаемыхъ правъ человѣка и принциповъ высшаго правосудія. Но именно поэтому ея побѣды и вызываютъ безчисленные заговоры враговъ правды и справедливости. Для того, чтобы восторжествовать окончательно въ глазахъ всего образованнаго міра, республика должна быть вполнѣ безупречною. Негодяямъ и мошенникамъ въ ней не должно быть мѣста. Робеспьеръ напомнилъ, что онъ повторялъ это безчисленное множество разъ въ конвентѣ и тѣмъ вызвалъ противъ себя вражду всѣхъ людей съ нечистою совѣстію.

За этимъ слѣдовало обширное и чрезмѣрно многословное опроверженіе клеветъ, которыя распространяли объ ораторѣ его недоброжелатели.

Нѣсколько разъ въ этой части рѣчи Робеспьера встрѣчались періоды, заставлявшіе ожидать, что онъ назоветъ клеветниковъ и укажетъ конвенту на членовъ, «позорящихъ своимъ присутствіемъ собраніе», но ожиданія эти не исполнялись. Ораторъ все продолжалъ толковать о чистотѣ своихъ намѣреній, о несообразности обвиненій, на него взводимыхъ. Собраніе слушало его внимательно, но замѣтно было, что оно ожидало не этихъ общихъ фразъ отъ знаменитаго трибуна. Друзья Робеспьера

видимо были недовольны, враги его все болѣе и болѣе успокоивались.

Самъ ораторъ замѣтилъ, наконецъ, что слова его не производили желаемаго дѣйстія на слушателей и довольно неожиданно, но съ рѣдкимъ знаніемъ той публики, съ которою ему приходилось имѣть дѣло, сталъ доказывать необходимость помирить Европу съ французской республикой «не одними только военными подвигами, но мудростію республиканскихъ законовъ и нравственнымъ величіемъ народнаго представительства». Изъ этой рѣчи у меня особенно сохранилась въ памяти фраза, оказавшаяся впослѣдствіи настоящимъ пророчествомъ.

«Побѣжденныя, но не уничтоженныя иноземныя арміи, — воскликнулъ Робеспьеръ, — отступаютъ, предоставляя внутреннимъ раздорамъ совершить неудавшееся имъ дѣло. Ихъ агенты кишатъ между вами, а вы даже и не замѣчаете этого! Если вы не остережетесь, то управленіе страною попадетъ въ руки какого-нибудь военнаго деспота, который низвергнетъ потерявшее свой авторитетъ народное представительство»!

Далѣе Робеспьеръ сталъ доказывать, что управленіе арміями республики и финансами

страны далеко неудовлетворительно. Упреки эти падали прямо на Карнò и Камбона, къ великой радости террористовъ, давно уже старавшихся увѣрить двухъ названныхъ членовъ Комитета Общественной Безопасности, что Робеспьеръ хочетъ ихъ погибели.

Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ придетъ ораторъ. Казалось немыслимымъ послѣ всего имъ сказаннаго, чтобы онъ не назвалъ поименно народныхъ представителей, которыхъ онъ упрекалъ въ измѣнѣ республикѣ! но Робеспьеръ не сдѣлалъ ничего подобнаго, а потребовалъ только «очищенія» Комитета Общественной Безопасности, умалчивая, чтò именно подразумѣваетъ онъ подъ этимъ грозно-неопредѣленнымъ словомъ. Въ то время, когда огромное большинство конвента, потрясенное, такъ сказать, чисто-физически, пламеннымъ краснорѣчіемъ оратора, бѣшено рукоплескало ему, я замѣтилъ, что члены Комитета Общественной Безопасности. не принадлежавшіе къ партіи Робеспьера, значительно переглядывались между собою. Карнò, сидѣвшій какъ разъ передъ Барреромъ, перегнулся назадъ и что-то сказалъ этому послѣднему. Барреръ тотчасъ же всталъ съ своего мѣста и сталъ пробираться къ скамьѣ,

на которой помѣщались Фушэ, Каррье, Леонардъ Бурдонъ и прочіе террористы.

Одинъ изъ этихъ террористовъ, Лекуантръ, всталъ и съ своего мѣста потребовалъ напечатанія рѣчи Робеспьера и разсылки ея во всѣ провинціи, что̀, какъ извѣстно, было въ то время равносильнымъ полному одобренію конвентомъ сказаннаго ораторомъ, удостоивавшимся подобной чести. Робеспьеръ, уже вернувшійся на свое мѣсто, подозрительно взглянулъ на Лекуантра и что-то шепнулъ сидѣвшему подлѣ него Сенъ-Жюсту, который утвердительно кивнулъ головою и показалъ глазами на поднимавшагося въ это время на трибуну другого террориста, Леонарда Бурдона.

Леонардъ Бурдонъ объявилъ, что онъ не согласенъ съ предложеніемъ Лекуантра, и потребовалъ, чтобы рѣчь Робеспьера, прежде ея напечатанія, была отдана на просмотръ Комитета Общественной Безопасности. Выражаясь крайне сдержанно и осторожно, Бурдонъ намекнулъ, что въ словахъ Робеспьера, «рядомъ съ несомнѣнными истинами, могутъ быть и прискорбныя ошибки». Начались оживленныя пренія. Барреръ и Кутонъ высказались за напечатаніе рѣчи, старикъ Вадье, одинъ изъ самыхъ безпощадныхъ и закоренѣлыхъ терро-

ристовъ, сталъ опровергать упреки, сдѣланные Робеспьеромъ комитету политической полиціи (sûreté générale).

Рѣчь Вадье какъ бы послужила сигналомъ къ цѣлому потоку опроверженій на сказанное знаменитымъ ораторомъ. Камбонъ сталъ защищать свои финансовыя мѣры, Бильйо-Вареннъ, поощренный рукоплесканіями, сопровождавшими рѣчь Камбона, сталъ упрекать Робеспьера въ томъ, что онъ нападаетъ на Комитетъ Общественной Безопасности. Два отчаянные «маратиста», Бентаболь и Шарлье, требовали передачи рѣчи Робеспьера на обсужденіе комитета.

Блѣдный, взволнованный, авторъ этой рѣчи, потерявъ свое обычное хладнокровіе, сыпалъ рѣзкими возраженіями враждебнымъ ему ораторамъ. Сенъ-Жюстъ и Кутонъ употребляли всѣ усилія, чтобы успокоить его, но усилія эти оставались напрасны. Въ пылу спора, Робеспьеръ проронилъ роковую фразу, рѣшившую его участь. Позабывъ, что еще за нѣсколько минутъ назадъ онъ энергически протестовалъ противъ обвиненій Вадье, говоря, что онъ и не думалъ обвинять весь Комитетъ Общественной Безопасности, а указываетъ только на «промахи» нѣкоторыхъ его членовъ, онъ воскликнулъ:

— Какъ? У меня хватаетъ мужества гово-

рить конвенту правду, а рѣчь мою хотятъ отдать на просмотръ тѣмъ самымъ членамъ, которыхъ я обвиняю!

Съ этой минуты все было кончено! Послѣ непродолжительныхъ, хотя и бурныхъ преній, большинствомъ голосовъ было рѣшено передать рѣчь Робеспьера въ Комитетъ Общественной Безопасности. Лица враговъ великаго оратора просвѣтлѣли. Они почувствовали, что, благодаря ихъ ловкимъ интригамъ, вліяніе Робеспьера въ конвентѣ поколеблено...

Я не сразу сообразилъ все значеніе происшедшаго. Истинный смыслъ неудачи, испытанной Робеспьеромъ, объяснилъ мнѣ Просперъ Ландэ, когда мы вернулись домой. По словамъ моего наставника, дѣло ихъ партіи было почти окончательно проиграно по милости непонятнаго упорства вождя этой партіи не называть поименно тѣхъ членовъ конвента, противъ которыхъ онъ приводилъ самыя тяжкія обвиненія.

— Вступаться за такихъ негодяевъ, какъ Фушэ, Каррье и Талльянъ, не рѣшился бы никто изъ честныхъ членовъ конвента, — говорилъ Ландэ:— теперь же эти проходимцы и ихъ друзья будутъ болѣе чѣмъ когда нибудь увѣрять всѣхъ робкихъ или несовсѣмъ безупречныхъ народныхъ представителей, что Ро-

беспьеръ готовитъ имъ ту же участь, которая постигла жирондистовъ, сторонниковъ Эбера и друзей Дантона. Я предчувствую, что сегодняшній вечеръ весь пойдетъ на пропаганду этой идеи. Завтрашній день почти навѣрное окажется днемъ рѣшительнаго сраженія.

По просьбѣ Ландэ я отправился вечеромъ въ клубъ якобинцевъ. Мой наставникъ сильно опасался, что Робеспьеръ, раздраженный своею неудачею въ конвентѣ, прибѣгнетъ къ средству, уже нѣсколько разъ употреблявшемуся имъ съ успѣхомъ, и станетъ «апеллировать» передъ грознымъ клубомъ на рѣшеніе народныхъ представителей. Ландэ говорилъ, что подобная апелляція только раздражитъ конвентъ и усилитъ шансы враговъ Робеспьера.

Предчувствія его сбылись. Въ непривычно многолюдномъ собраніи клуба якобинцевъ Робеспьеръ прочелъ, при восторженныхъ рукоплесканіяхъ почти всѣхъ членовъ клуба, рѣчь, произнесенную имъ въ конвентѣ, и, кончивъ чтеніе, сказалъ:

— То, что̀ вы сейчасъ слышали—мое предсмертное завѣщаніе. Я убѣдился сегодня, что союзъ негодяевъ такъ силенъ, что мнѣ не совладать съ нимъ. Я погибну безъ сожалѣнія. Завѣщаю вамъ воспоминаніе о себѣ. Вы съумѣете защитить мою память.

Цѣлая буря поднялась въ клубѣ при этихъ неосторожныхъ словахъ, столь похожихъ на косвенный вызовъ къ сопротивленію конвенту. Со всѣхъ сторонъ раздались крики:

— Мы не допустимъ торжества мерзавцевъ! Настало время вспомнить о 31 маѣ... Справились съ жирондистами, справимся и съ нынѣшними измѣнниками!

Враги Робеспьера распустили послѣ его смерти слухъ, что на эти восклицанія онъ отвѣтилъ:

— Если такъ — съумѣйте отдѣлить негодяевъ отъ слабыхъ и нерѣшительныхъ людей. Избавьте конвентъ отъ угнетающихъ его злодѣевъ!

Я помню каждое слово, произнесенное краснорѣчивымъ трибуномъ на этомъ роковомъ засѣданіи, и смѣло утверждаю, что ничего подобнаго Робеспьеръ не говорилъ. Обращаясь къ кричавшимъ, онъ произнесъ только фразу:

— Если мнѣ придется погибнуть, я спокойно погибну!

— Мы всѣ погибнемъ въ такомъ случаѣ съ тобой!—воскликнулъ живописецъ Давидъ, бросаясь къ Робеспьеру и заключая его въ свои объятія.

Восторженное настроеніе клуба все усиливалось и усиливалось. Пренія были прерваны. Нѣ-

скольких членовъ конвента, заподозрѣнныхъ въ недоброжелательствѣ къ Робеспьеру, съ позоромъ выгнали изъ залы. Вокругъ Максимиліана собралась группа его почитателей, о чемъ-то горячо толковавшихъ. На ихъ просьбы онъ отвѣчалъ, повидимому, отказомъ и поспѣшно удалился изъ клуба при всеобщихъ крикахъ:

— Да здравствуетъ республика! Гибель предателямъ!

Когда, возвратившись домой, я разсказалъ Просперу Ландэ все мною видѣнное и слышанное, онъ понурилъ голову и скзвалъ:

— Наше дѣло на три четверти проиграно! Робеспьеру и его друзьямъ придется дорого поплатиться завтра за сегодняшній вечеръ.

Помолчавъ минуту, Ландэ продолжалъ:

— Тебѣ по всей вѣроятности придется скоро лишиться своего друга и наставника, мой дорогой Эженъ. Если враги Робеспьера одержатъ окончательно побѣду, всѣ мы, его друзья, подвергнемся одной съ нимъ участи. Я всегда старался строго ограничиваться моею ролью законодателя и держаться въ сторонѣ отъ политическихъ интригъ, но въ конвентѣ всѣмъ хорошо извѣстна моя дружба съ Робеспьеромъ, равно какъ и то, что я безусловно раздѣлялъ его взгляды на страшный вредъ, приносимый республикѣ фанатиками террора и проповѣд-

никами атеизма. Побѣдители не простятъ мнѣ этого, да я и не желаю, чтобы они прощали. Отъ единомыслія съ такими побѣжденными, какъ Максимиліанъ, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ и Филлипъ Леба̀, Просперъ Ландэ никогда не отречется. Иди спать, мнѣ необходимо привести въ порядокъ мои дѣла.

Я удалился въ мою комнату, смущенный и взволнованный до послѣдней степени. Мрачныя предчувствія Ландэ поразили меня вдвойнѣ. Съ одной стороны мнѣ въ первый разъ еще представились съ полною ясностью возможныя послѣдствія событій послѣднихъ дней и стало понятно, что въ завязавшейся борьбѣ рѣшается участь республики; съ другой, жажда личнаго мщенія Робеспьеру заставляла меня сожалѣть о томъ, что мщеніе это можетъ не удаться, и виновникъ гибели Сесили Рено падетъ не отъ моей руки. Какимъ образомъ укладывались въ моемъ мозгу мысли, столь противуположныя, исключавшія, повидимому, одна другую,—я никакъ не могъ рѣшить теперь и объясняю этотъ чудовищный въ психологическомъ отношеніи фактъ только частнымъ разстройствомъ моего юношескаго разсудка, потрясеннаго трагическою гибелью страстно любимой женщины.

Почти всю ночь съ 8-го на 9-е термидора

я провелъ безъ сна, стараясь угадать развязку событій, готовившихся на слѣдующій день. Рано утромъ я отправился-было въ кабинетъ Ландэ, чтобы возобновить вчерашній разговоръ, но наша старая служанка объявила мнѣ, что у моего наставника чуть не съ разсвѣта сидитъ Сенъ-Жюстъ и что они совѣщаются о чемъ-то «очень важномъ и секретномъ». Я вернулся къ себѣ и сталъ ждать, когда Ландэ останется одинъ.

Около десяти часовъ служанка позвала меня къ моему наставнику. Когда я вошелъ въ его кабинетъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ сильно взволнованный.

— День рѣшительной борьбы наступилъ,— сказалъ онъ мнѣ непривычно-рѣзкимъ и какъ бы измѣнившимся голосомъ.—Враги Робеспьера съумѣли воспользоваться нынѣшнею ночью для своихъ адскихъ замысловъ. Сенъ-Жюстъ сообщилъ мнѣ сейчасъ, что около полуночи изъ клуба якобинцевъ явились въ Комитетъ Общественной Безопасности Бильйо-Вареннъ и Колло д'Эрбуа, объявившіе, что якобинцы готовятся разогнать конвентъ и провозгласить диктатуру Робеспьера. Карнò, Роберъ Лэндэ, Пріёръ, Эли Лакостъ и Барреръ повѣрили или притворились, что вѣрятъ этой нелѣпости. По настоянію Лекуантра, рѣшено арестовать пре-

данныхъ Робеспьеру, командира національной гвардіи Анріо, національнаго агента при парижской общинѣ Пайэна, и парижскаго мэра Флёріо Леско. Жребій брошенъ! Насъ вынуждаютъ на борьбу и отступать передъ этой печальной необходимостью уже поздно. Я не пойду на засѣданіе конвента, а прямо отправлюсь въ городскую ратушу для переговоровъ съ муниципальными властями. Отъ тебя, мой дорогой Эженъ, я ожидаю слѣдующей услуги. Отправляйся въ засѣданіе конвента, и какъ только замѣтишь изъ хода преній, что дѣло клонится къ той или другой развязкѣ, спѣши ко мнѣ въ ратушу. Отъ твоихъ сообщеній будетъ зависѣть, на что̀ мы тамъ окончательно рѣшимся.

Я обѣщалъ моему наставнику исполнить возложенное на меня порученіе. Въ эту минуту, въ виду опасности, грозившей самому Просперу Ландэ, котораго я искренно и горячо любилъ, мысль о мести Робеспьеру была далека отъ меня. Я весь отдался захватывающему интересу совершавшихся событій.

XXI.

Когда я вышелъ на улицу, меня почему-то поразила рѣзкая перемѣна температуры, происшедшая за ночь. Наканунѣ, 8-го термидора, стояла свѣтлая погода и было почти свѣжо. Утро 9-го термидора было, напротивъ, пасмурное и удушливо-жаркое. Въ воздухѣ стояла та характерная духота, которая почти постоянно предшествуетъ грозѣ. По небу клубились густыя, желтовато-сѣрыя облака, несшіяся съ необыкновенною быстротою съ юго-востока. На лицахъ прохожихъ замѣтна была какая-то истома. Улыбающихся и беззаботныхъ физіономій почти не попадалось на встрѣчу.

Въ залѣ конвента тоже замѣчалось какое-то тревожное, почти болѣзненное настроеніе. Въ публичныхъ трибунахъ и на скамьяхъ народныхъ представителей шелъ смутный говоръ. Когда я занялъ свое мѣсто въ трибунѣ и сталъ оглядываться вокругъ себя, мнѣ бросился

въ глаза контрастъ, который представляло озабоченное выраженіе лицъ огромнаго большинства присутствующихъ съ полнымъ безстрастіемъ физіономій небольшой группы террористовъ, сидѣвшихъ съ неподвижностью мраморныхъ статуй на вершинѣ «горы».

Предсѣдательствовалъ одинъ изъ заговорщиковъ, Колло д'Эрбуа. Онъ былъ очень блѣденъ, но тоже старался казаться безстрастнымъ и спокойнымъ. Бывшій актеръ призывалъ, очевидно, для этого на помощь свою сценическую опытность. Его лицо напомнило мнѣ сразу нѣкоторыя сцены современныхъ драмъ, въ которыхъ герой, энергическимъ усиліемъ воли, преодолѣваетъ охватившее его волненіе.

Почти немедленно за появленіемъ президента, въ залу засѣданій вошли Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ и Филиппъ Леба. Вслѣдъ за тѣмъ два привратника конвента ввели, какъ всегда, подъ руки Кутона, почти не владѣвшаго ногами, вслѣдствіе жестокихъ припадковъ ревматизма. На минуту все смолкло и взоры всѣхъ устремились на Робеспьера, усаживавшагося на своемъ мѣстѣ и вынимавшаго какія-то бумаги изъ подержаннаго квадратнаго портфеля той формы, которую имѣютъ во Франціи портфели, спеціально употребляемые адвокатами.

Засѣданіе началось какъ всегда чтеніемъ «корреспонденціи» конвента, т.-е. писемъ и просьбъ, получаемыхъ со всѣхъ концовъ страны собраніемъ народныхъ представителей. Когда чтеніе это кончилось, Сенъ Жюстъ поднялся съ своего мѣста и потребовалъ слова.

Какъ теперь вижу я этого юнаго красавца, стоявшаго на трибунѣ и пристально глядящаго на волнующееся собраніе, ожидая, пока стихнетъ возобновившійся при его появленіи говоръ. Сенъ-Жюстъ былъ обаятельно хорошъ въ эту трагическую минуту. Его большіе черные глаза метали молніи, на крѣпко стиснутыхъ, алыхъ губахъ прелестнаго рта играла невыразимо-презрительная улыбка. Закинувъ немного голову и крѣпко упираясь правою рукою въ мраморную доску ораторской каѳедры, онъ началъ опровергать обвиненія въ желаніи захватить въ свои руки диктатуру, взводимыя на Робеспьера, на него самого и на его друзей... Но не успѣлъ онъ сказать и десяти фразъ, какъ съ мѣста вскочилъ Талльянъ и сталъ азартно требовать серьёзнаго изслѣдованія «загадочныхъ поступковъ Робеспьера и его сообщниковъ». Слова его вызвали громкія рукоплесканія на скамьяхъ террористовъ. Вслѣдъ затѣмъ, на каѳедрѣ появился Бильйо-Вареннъ, который уже прямо сталъ обвинять

Робеспьера и Сенъ-Жюста въ диктаторскихъ замыслахъ и кончилъ свою рѣчь словами:

— Надѣюсь, что ни одинъ изъ присутствующихъ здѣсь представителей не захочетъ жить подъ гнетомъ тирана!

Раздались крики: «нѣтъ! нѣтъ! долой тирановъ!»

Робеспьеръ, остававшійся до тѣхъ поръ на своемъ мѣстѣ, и слушавшій разглагольствованіе своихъ обвинителей, съ презрительво-насмѣшливымъ выраженіемъ лица, вскочилъ при этихъ крикахъ и ринулся на трибуну.

Крики: «долой тирана!» сдѣлались еще сильнѣе. Робеспьеръ нѣсколько разъ пробовалъ заговорить, но голосъ его заглушался крикомъ его враговъ. Талльянъ, Бильйо-Вареннъ, старикъ Вадье громко кричали то порознь, то вмѣстѣ, что Робеспьеръ «угнетаетъ» собраніе. Въ залѣ водворился невыразимый хаосъ. Почти половина представителей оставили свои мѣста и толпились у ораторской каѳедры, на которой, безпрестанно смѣняя другъ друга, появлялись Барреръ, Талльянъ, Робеспьеръ, Бильйо-Вареннъ и Вадье. Невозможно было разслышать ни одного слова изъ того, что́ говорилось этими ораторами и возражавшими имъ снизу членами конвента. Я замѣтилъ, что въ самый разгаръ этой безобразной суматохи,

президентъ Колло д'Эрбуа вдругъ поспѣшно оставилъ свое кресло, которое занялъ знакомый мнѣ въ лицо членъ конвента Тюріо. Вслѣдъ затѣмъ Робеспьеръ снова появился на трибунѣ. Лицо его было до того блѣдно и искажено, что въ залѣ на одно мгновеніе воцарилась тишина. Знаменитый ораторъ началъ было говорить, но первыя фразы его возраженія были произнесены до того хриплымъ и глухимъ голосомъ, что мнѣ въ публичной трибунѣ невозможно было разслышать ни одного слова. На скамьяхъ террористовъ послышался злобный смѣхъ.

— Это кровь Дантона прилила тебѣ къ горлу и душитъ тебя! — раздалось изъ отдаленнаго конца залы.

Робеспьеръ сверкнулъ глазами и, обращаясь къ бѣшено - рукоплескавшимъ террористамъ, воскликнулъ—на этотъ разъ совершенно внятнымъ, полнымъ невыразимой ироніи голосомъ:

— Такъ это месть за Дантона! Жалкіе трусы! Зачѣмъ же вы не защитили его при жизни?

Шумъ и гамъ возобновились. Всѣ кричали вмѣстѣ, обращаясь другъ къ другу, обмѣниваясь угрожающими жестами. Ораторская каѳедра, съ которой сошелъ, махнувъ рукою, Робеспьеръ, оставалась, однакоже, незанятою. Было очевидно, что никто изъ заговорщиковъ

не рѣшается формулировать вывода, къ которому они стремились привести возбужденныя ими пренія. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ можно было ожидать, что дѣло кончится ничѣмъ. Фушэ, Талльянъ, Леонардъ Бурдонъ рыскали вдоль скамей своихъ единомышленниковъ, озабоченно переговариваясь шопотомъ то съ тѣмъ, то съ другимъ. Тюріо съ высоты своего президентскаго кресла безпокойно оглядывалъ залу, какъ будто ища человѣка, способнаго взять на себя тяжелую отвѣтственность подготовленной уже вполнѣ развязки.

— Я требую декрета объ арестованіи Робеспьера! — раздался вдругъ крикъ съ верхнихъ скамей «горы».

При этомъ крикѣ въ залѣ вдругъ воцарилось мертвое молчаніе. Всѣ глядѣли другъ на друга въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

Черезъ минуту, гдѣ-то въ глубинѣ залы послышались робкіе апплодисменты. Прежній голосъ опять воскликнулъ:

— Предложеніе мое поддержано! Я требую, чтобы оно было пущено на голоса.

Сигналъ былъ поданъ! Собраніе снова заволновалось. Послышались требованія отдачи Робеспьера подъ судъ...

Въ это время на каѳедрѣ появился Огюстенъ Робеспьеръ и потребовалъ, чтобы его предали

суду вмѣстѣ съ его братомъ. Волненіе усилилось. Громче всѣхъ кричали и бѣсновались Бильйо-Вареннъ, Фреронъ и Эли Лакостъ. Суматоха достигла такихъ безобразныхъ размѣровъ, что я рѣшительно не могъ слѣдить далѣе за ходомъ преній. Нѣкоторое спокойствіе водворилось только тогда, когда президентъ Колло д'Эрбуа, вставъ съ своего мѣста, громко и съ плохо скрываемою радостью воскликнулъ:

— Конвентъ опредѣлилъ подвергнуть аресту народныхъ представителей Робеспьера старшаго и Робеспьера младшаго.

На минуту въ залѣ воцарилось какое-то недоумѣвающее молчаніе. Представители переглядывались между собою. Одни казались довольными и радостными, другіе какъ-то растерянно глядѣли, то на президента, то на группу друзей Робеспьера, оживленно перего-варивавшихся между собою.

Это продолжалось, однако, всего нѣсколько мгновеній. Съ вершины «горы», откуда въ этотъ день шли всѣ предложенія, враждебныя Максимиліану, раздалось нѣсколько голосовъ, кричавшихъ: «да здравствуетъ республика!» и точно для того, чтобы разогнать охватившее ихъ смущеніе, прочіе члены, за немногими исключеніями, подхватили этотъ побѣдный кличъ террористовъ...

Максимиліанъ Робеспьеръ вскочилъ съ своего мѣста и, грозный, охваченный какимъ-то провидѣніемъ будущаго, бросилъ прямо въ лицо этой безобразно шумѣвшей толпѣ пророческое восклицаніе:

— Республика погибла, потому что побѣдили разбойники и грабители!

Отвѣтомъ Робеспьеру было появленіе на ораторской трибунѣ одного изъ заговорщиковъ, террориста Лушэ, который, путаясь въ словахъ и вытягивая безконечныя фразы, сталъ доказывать, что рѣшая подвергнуть аресту братьевъ Робеспьеровъ, конвентъ имѣлъ въ виду не ихъ однихъ, а также ихъ «главныхъ сообщниковъ», Сенъ-Жюста и Кутона. Слова Лушэ были встрѣчены восклицаніями его единомышленниковъ:

— Ну, конечно! Само собою разумѣется!

— Арестуйте въ такомъ случаѣ и меня!— воскликнулъ другъ Сенъ-Жюста, Филиппъ Лебà.—Я не желаю нести отвѣтственности за предлагаемый вамъ постыдный декретъ.

Конвентъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, рѣшилъ арестъ Сенъ-Жюста, Кутона и Филиппа Лебà.

— Долой съ своихъ мѣстъ, къ рѣшеткѣ! къ рѣшеткѣ!—загремѣло въ группѣ террористовъ.

Пристава конвента, на обязанности которыхъ лежало въ подобныхъ случаяхъ выводить за рѣшетку залы засѣданій и передавать въ руки жандармовъ арестованныхъ представителей, медленно и нерѣшительно стали подвигаться къ Робеспьеру, Сенъ-Жюсту и Филиппу Леба̀, стоявшимъ въ эту минуту у подножія ораторской каѳедры, но прежде чѣмъ они успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, Максимиліанъ Робеспьеръ, гордо поднявъ голову, взялъ подъ руку Сенъ-Жюста и быстрыми шагами пошелъ съ нимъ къ рѣшеткѣ. Филиппъ Леба̀ вернулся къ скамьѣ, на которой сидѣлъ Кутонъ, и вмѣстѣ съ Огюстеномъ Робеспьеромъ помогъ ему подняться на больныя, плохо слушавшіяся его ноги. Поддерживаемый обоими своими друзьями и опираясь на костыли, Кутонъ, презрительно улыбаясь, тоже двинулся къ рѣшеткѣ. Черезъ минуту явились жандармы и увели арестованныхъ. Я посмотрѣлъ на часы, стрѣлка стояла на половинѣ пятаго...

Глубоко потрясенный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ, я поспѣшилъ отправиться въ городскую ратушу, увѣдомить Проспера Ландэ объ арестѣ Робеспьера и его друзей. Густыя массы народа толпились на набережной Сены вдоль всего выходящаго на

эту набережную фасада Луврскаго дворца. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я сразу понялъ невозможность пробраться съ достаточною быстротою черезъ эту волнующуюся толпу. Надо было выбрать другую дорогу, менѣе короткую, но болѣе свободную отъ ежеминутныхъ препятствій двигаться впередъ. Черезъ Тюильерійскій садъ я вышелъ на площадь Революціи, перешелъ мостъ того же имени и направился быстрыми шагами по набережной лѣваго берега рѣки въ сторону городской ратушѣ.

Цѣлый рой самыхъ противоположныхъ мыслей осаждалъ мой взволнованный умъ. Минутами возмутительная несправедливость конвента совершенно изглаживала во мнѣ чувство личной ненависти къ виновнику трагической гибели Сесили Рено и я негодовалъ на собраніе, пожертвовавшее столь постыдно самыми доблестными своими членами интригѣ такихъ завѣдомыхъ негодяевъ и проходимцевъ, какъ Фушэ, Каррье, Талльянъ и ихъ достойные друзья. Восклицаніе Робеспьера: «Республика погибла!» звучало какъ похоронный звонъ въ моихъ ушахъ. Я вспомнилъ искаженныя злобой лица противниковъ Максимиліана и спрашивалъ себя — возможно ли, чтобы эти жалкіе пигмеи одолѣли такъ легко и скоро титановъ

революціи? Въ эти минуты у меня являлось какое-то лихорадочное желаніе принять участіе въ борьбѣ противъ рѣшенія конвента, которая казалась мнѣ неминуемой со стороны многочисленныхъ почитателей Робеспьера и Сенъ-Жюста.

Я шелъ все быстрѣе и быстрѣе. Съ праваго берега Сены доносился до меня смутный говоръ запружавшей ее многочисленной толпы.

Площадь передъ городскою ратушею была тоже полна народомъ. Знакомыя лица членовъ якобинскаго клуба попадались на каждомъ шагу. Изъ отрывочныхъ фразъ, раздававшихся вокругъ меня, я тотчасъ понялъ, что рѣшеніе конвента уже извѣстно мэру города Парижа и совѣту парижской общины. Отряды національной гвардіи двигались со всѣхъ сторонъ по направленію къ ратушѣ. Въ разныхъ мѣстахъ площади барабанщики били сборъ.

Работая локтями и плечами, я пробрался до одного изъ боковыхъ подъѣздовъ зданія и поднялся по лѣстницѣ, ведшей въ городской архивъ, гдѣ ожидалъ меня Проспэръ Ландэ. Когда я вошелъ въ канцелярію архива, мой наставникъ, сидѣвшій въ этой комнатѣ съ нѣсколькими другими народными представителями, принадлежавшими къ партіи Робес-

пьера, всталъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Мнѣ уже извѣстны тѣ новости, съ которыми ты являешься сюда. Дѣло наше еще не совсѣмъ проиграно. Флёріо-Леско и Пайэнъ разослали во всѣ тюрьмы запрещеніе принимать арестованныхъ конвентомъ представителей. Если только Анріо съумѣетъ исполнить данное ему порученіе, Максимиліанъ будетъ здѣсь черезъ полчаса.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Ландэ. Онъ былъ блѣденъ, но по наружности совершенно спокоенъ. На его добродушномъ обыкновенно лицѣ лежало, совершенно измѣнившее черты этого лица, выраженіе какой-то суровой, непреклонной рѣшимости. Замѣтивъ мое изумленіе, наставникъ мой крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Жребій брошенъ. Постыдною податливостью негодяямъ конвентъ подписалъ свой смертный приговоръ. Правительство республики въ настоящую минуту здѣсь, въ рукахъ людей, твердо рѣшившихся спасти во что бы то ни стало отечество отъ погибели. Въ деклараціи правъ человѣка не даромъ сказано, что въ извѣстныя минуты возстаніе противъ заблуждающихся правителей составляетъ священ-

нѣйшую обязанность каждаго гражданина. Мы исполнимъ эту обязанность!

Въ это время издали донеслись звуки набата. Просперъ Ландэ, совершенно уже неузнаваемый, выпрямился и, обращаясь къ своимъ недавнимъ собесѣдникамъ, воскликнулъ:

— Анріо держитъ свое слово! Очередь за нами, граждане! Идемте въ засѣданіе общины!

Всѣ быстро поднялись съ своихъ мѣстъ и молча послѣдовали за Ландэ, который вышелъ изъ канцеляріи поспѣшными шагами, не сказавъ мнѣ ни слова и очевидно совершенно позабывъ о моемъ присутствіи.

Предоставленный самому себѣ, я машинально сталъ спускаться внизъ по лѣстницѣ и вышелъ на площадь, самъ не зная, зачѣмъ. Толпа, стоявшая передъ ратушей, сдѣлалась еще гуще. Въ ней слышались угрозы конвенту, перемѣшивавшіяся съ восклицаніями: «да здравствуетъ Робеспьеръ! да здравствуетъ Сенъ-Жюстъ!» Звуки набата продолжали потрясать воздухъ, доносясь со стороны церкви Сенъ-Мери.

Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ на площади раздался конскій топотъ и хриплый крикъ:

— Къ оружію, граждане! Генералъ Анріо арестованъ!

Кричалъ какой-то офицеръ національной гвардіи, блѣдный какъ смерть. Онъ едва сидѣлъ на взмыленной, храпѣвшей лошади, которую окружала теперь сплошная масса любопытныхъ.

— Какъ арестованъ? Кто смѣлъ коснуться начальника національной гвардіи? Это вздоръ! Этого быть не можетъ!

— Намъ измѣнили!—отвѣчалъ, тяжело переводя духъ, прискакавшій съ роковымъ извѣстіемъ офицеръ.—Генералъ явился въ комитетъ государственной полиціи требовать выдачи Робеспьера, но на него напали гренадеры конвента и нѣсколько жандармовъ 26-й дивизіи. Они связали Анріо и сопровождавшихъ его адъютантовъ...

— Измѣна! измѣна! къ оружію! Идемъ освобождать генерала и представителей! — загремѣло въ толпѣ.

— Мэра! мэра на площадь! Зовите Флёріо-Леско! пусть ведетъ насъ на конвентъ!—кричали другіе.

— Флёріо-Леско уже болѣе не мэръ Парижа,—раздался чей-то голосъ.—Комитетъ Всеобщей Безопасности отрѣшилъ его отъ должности. Вотъ прокламація, возвѣщающая объ этомъ народу.

И чья-то рука поднялась надъ толпою съ небольшимъ бѣлымъ листкомъ.

Въ одно мгновеніе отъ злополучнаго листка остались только мелкіе клочья...

— Долой комитетъ! Да здравствуетъ Флёріо-Леско, да здравствуетъ парижская община!—гремѣли тысячи голосовъ.

На главномъ подъѣздѣ ратуши раздался барабанный бой. Всѣ обернулись въ сторону этого призывнаго звука.

Флёріо-Леско, окруженный членами совѣта общины, стоялъ на большомъ балконѣ, подъ которымъ находился упомянутый подъѣздъ. Шумъ мгновенно замолкъ.

— Граждане! — началъ Флёріо. — Представители Парижа, извѣщенные о рѣшеніи Комитета Общественной Безопасности, отрѣшающемъ меня отъ должности вашего мэра, признали это рѣшеніе незаконнымъ и постановили, что я долженъ продолжать исполненіе обязанностей, возложенныхъ на меня вашимъ довѣріемъ. Я подчиняюсь ихъ волѣ!

— Да здравствуетъ Флёріо-Леско! — Долой измѣнниковъ! — снова грянула толпа.

Бросаемый изъ стороны въ сторону народной волною, я начиналъ испытывать страшное изнеможеніе. Голова моя кружилась, въ вискахъ стучало, въ глазахъ начинали ходить

темные круги. Въ первыя минуты я не отдавалъ себѣ отчета о причинахъ этого болѣзненнаго состоянія и старался преодолѣть себя, но когда какой-то рабочій, топтавшійся около меня, вынулъ изъ кармана своей куртки краюшку полубѣлаго хлѣба и сталъ ее грызть съ волчьимъ аппетитомъ, я вдругъ сообразилъ, что меня мутитъ голодъ и что я вышелъ утромъ изъ дому, ничего не ѣвши. Было около шести часовъ вечера. Толпа, запружавшая площадь, немного успокоилась послѣ заявленія Флёріо-Леско, вернувшагося въ ратушу... Я направился въ противуположную сторону площади и, свернувъ въ одну изъ выходящихъ на нее улицъ, сталъ искать глазами вывѣски какого-нибудь небольшого ресторана, которыхъ было множество въ этихъ мѣстахъ. Поиски эти почти тотчасъ же увѣнчались успѣхомъ. Въ десяти шагахъ отъ меня, надъ вторымъ этажемъ стараго высокаго дома съ узкимъ фасадомъ въ четыре окна, красовалась вывѣска, изображавшая два перекрещенныхъ бильярдныхъ кія, перевитыхъ гирляндами розъ и увѣнчанныхъ краснымъ фригійскимъ колпакомъ. Подъ этою сложною эмблемою красовалась надпись: «Au rendez-vous des bons sans-culottes. Restaurant et estaminet. Billiard».

Я поднялся по узкой и темной деревянной

лѣстницѣ и вошелъ въ небольшую низкую залу, заставленную почти сплошь столами. Посѣтителей было много, въ комнатѣ едва можно было дышать отъ табачнаго дыма и запаха теплаго краснаго вина, красовавшагося почти на всѣхъ столахъ въ небольшихъ фаянсовыхъ салатникахъ. Обѣденное время уже давно прошло и почти вся эта публика собралась не для того, чтобы утолить свой голодъ, а для того, чтобы пьянствовать, въ ожиданіи развязки событій, происходившихъ по сосѣдству. Съѣстные припасы, которыми располагалъ ресторанъ въ эту минуту, были небогаты. Мнѣ подали чашку едва теплаго густого луковаго супа да ломоть холодной ветчины съ небольшою порціей латуковаго салата.

Я началъ торопливо ѣсть, прислушиваясь съ любопытствомъ къ громкому говору окружающихъ. Почти всѣ посѣтители ресторана были по наружности простолюдины. Между ихъ незатѣйливыми нарядами какъ-то особенно бросался въ глаза совершенно новенькій, тщательно застегнутый мундиръ молодого жандармскаго солдата, сидѣвшаго въ углу и безпрестанно поглядывавшаго въ открытое окно на улицу, точно ожидая кого-то.

— Не бывать этому! — вдругъ вскрикнулъ громче другихъ какой-то здоровенный рабочій

съ сумкой кровельщика за плечами. — Чтобы разная дрянь да завѣдомые мошенники пересилили Флёріо-Леско, Пайэна и Анріо? Шалятъ! Намъ не въ первый разъ справляться съ болтунами въ синихъ фракахъ.

— Такъ-то-такъ,—отвѣчалъ хриплымъ, пьянымъ голосомъ другой рабочій:—да вотъ говорятъ, секціи-то ненадежны, злятся на Робеспьера за то, что онъ велѣлъ арестовать членовъ секціи Нераздѣльности.

— Не знаешь, такъ молчи!—возразилъ первый рабочій.—Я самъ изъ тѣхъ мѣстъ, знаю, что это были за негодяи! Воръ на ворѣ, разбойникъ на разбойникѣ! Максимиліанъ отлично сдѣлалъ, что отправилъ ихъ на холодокъ. Другимъ наука!

— Члены комитета Нераздѣльности были хорошіе патріоты. Робеспьеръ рѣшился ихъ погубить, потому что они не одобряли его ханжества,—сказалъ какой-то оборванецъ изъ другого угла.

Всѣ повернулись въ его сторону. Кровельщикъ вскочилъ съ своего мѣста и, бросаясь на оборванца, закричалъ:

— Этотъ шпіонъ откуда взялся! За дверь его, граждане! Намъ здѣсь полицейскихъ сыщиковъ не надо!

Тотъ прямо посмотрѣлъ ему въ глаза и, спокойно облокотясь на столъ, отвѣтилъ:

— Руки коротки, товарищъ. Здѣсь мѣсто публичное, кто платитъ деньги, тотъ и правъ.

— А вотъ я тебѣ покажу правоту,—зарычалъ кровельщикъ и ринулся впередъ, но въ одно мгновеніе между нимъ и оборванцемъ очутился молодой жандармъ, сидѣвшій у окна. Увидавъ военный мундиръ, кровельщикъ остановился и, ворча себѣ что-то подъ носъ, вернулся къ своему столу. Сидѣвшая за конторкой толстая хозяйка, остававшаяся до тѣхъ поръ равнодушною свидѣтельницею начинавшейся ссоры, повернулась въ сторону жандарма и сказала:

— Гражданинъ Мердá, я не просила васъ водворять порядокъ въ моемъ заведеніи. Если понадобится, мои молодцы справятся и сами съ буянами.

И она указала толстою рукою на двухъ рослыхъ прислужниковъ, появившихся внезапно въ дверяхъ кухни.

— Выведите вонъ этого негодяя,—сказала она, величественно указывая имъ на оборванца.—Денегъ брать съ него не нужно. Обойдемся и безъ грошей полицейской сволочи.

Пока прислужники безмолвно, но энергично выполняли приказаніе своей хозяйки и выпро-

важивали при общемъ хохотѣ тумаками въ спину упиравшагося оборванца, жандармъ вернулся молча на свое мѣсто и снова сталъ глядѣть въ окно.

Хозяйка подозрительно прищурилась на него и сдѣлала какой-то знакъ кровельщику. Тотъ кивнулъ ей головой и сталъ шептаться съ товарищами. Черезъ минуту, пять или шесть человѣкъ рабочихъ поднялись съ своихъ мѣстъ и, подойдя къ жандарму, все еще глядѣвшему въ окно, стали сзади его, скрестивъ руки на груди. Въ комнатѣ вдругъ воцарилось молчаніе.

Мердà обернулся и, увидавъ себя окруженнымъ, немного поблѣднѣлъ, но спросилъ, однакоже, довольно твердымъ голосомъ:

— Что вамъ надобно, граждане?

— Чтобы ты убирался отсюда по добру по здорову, — покачиваясь изъ стороны въ сторону и прямо глядя ему въ глаза, отвѣчалъ кровельщикъ.

— А если я хочу оставаться здѣсь?—сказалъ онъ, хватаясь за рукоять своей сабли и дѣлая шагъ назадъ.

— Хотѣть и мочь не всегда одно и то же,— продолжалъ рабочій.—У насъ, какъ тебѣ, конечно, извѣстно, республика. Чтò большинство рѣшило, тому быть. Присутствующее здѣсь

большинство требуетъ, чтобы ты ушелъ, и ты уйдешь, а иначе...

Мердà поблѣднѣлъ еще болѣе и сдѣлалъ движеніе выхватить свою саблю, но кровельщикъ крѣпко стиснулъ выше локтя его правую руку и прохрипѣлъ, бѣшено сверкая глазами:

— Уходи скорѣе, говорятъ тебѣ, коли не хочешь, чтобы тебѣ выпустили потроха!

Жандармъ посмотрѣлъ вокругъ себя, точно ища помощи, но увидалъ только враждебные взгляды. Онъ нахлобучилъ нервнымъ движеніемъ руки свою треуголку на брови и вышелъ, произнося ругательства на какомъ-то незнакомомъ мнѣ нарѣчіи, похожемъ на итальянскій языкъ.

Присутствующіе проводили его громкимъ хохотомъ. Одна только хозяйка ресторана оставалась задумчивою и серьезною. Когда кровельщикъ подошелъ къ ея стойкѣ, требуя рюмку водки, она покачала головой и сказала:

— Подозрителенъ мнѣ этотъ жандармъ, не даромъ онъ здѣсь сидѣлъ!

— А что, развѣ ты что замѣтила, тетка?— спросилъ тотъ.

— Какъ не замѣтить! Часъ тому назадъ приходилъ сюда какой-то пожилой человѣкъ

въ коричневомъ кафтанѣ. Одѣтъ хорошо, а рожа мерзкая. «Не былъ ли здѣсь, хозяйка, молодой жандармъ, смуглый такой изъ себя?» спрашиваетъ. — Нѣтъ, говорю, гражданинъ, не видала такого!—«Ну такъ вѣрно еще придетъ. Вы ему скажите, что его спрашивалъ Спартакусъ и велѣлъ дожидаться, пока за нимъ не зайдутъ».—Хорошо, говорю, будетъ исполнено!—Коричневый кафтанъ выпилъ ликеру, заплатилъ серебромъ, а не ассигнаціей, и ушелъ, говоря: «помните же, гражданка, Спартакусъ!»—Не забуду, будьте покойны, моего новорожденнаго племянника этимъ именемъ въ мэріи нарекли! Онъ и ушелъ.

— Ну такъ что же?—спросилъ кровельщикъ.

— А то, что этого «Спартакуса» одинъ изъ моихъ молодцовъ узналъ! Зовутъ его Леонардъ Бурдонъ и говорятъ, что онъ-то главный лиходѣй Робеспьера и есть, потому что тотъ его за разныя мерзости на гильотинѣ «укоротить» собирается.

Кровельщикъ нахмурилъ брови и оглянулся вокругъ себя. Взглядъ его остановился на мнѣ и засвѣтился зловѣщимъ огнемъ. Понимая возникшее въ немъ подозрѣніе, я точно нечаянно распахнулъ отворотъ моего фрака и открылъ этимъ движеніемъ значекъ якобинскаго клуба, укрѣпленный на всякій случай

съ внутренней стороны этого отворота. Увидавъ всему Парижу извѣстный значекъ, онъ успокоился и, подойдя ко мнѣ, сказалъ, подмигивая глазомъ:

— Съ нами, за неподкупнаго?

Я сдѣлалъ головою движеніе, которое можно было истолковать какъ утвердительный знакъ. Поступить такимъ образомъ я считалъ себя въ правѣ потому, что не смотря на всю мою личную ненависть къ Робеспьеру я ужь, конечно, не намѣревался дѣйствовань заодно съ его врагами.

Въ это время съ площади городской ратуши вдругъ донеслись оглушительные крики: «Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Рбоеспьеръ». Дверь нашей комнаты быстро отворилась и какой-то офицеръ національной гвардіи, распахнувшій ее, крикнулъ:

— Въ ратушу, граждане! Робеспьеръ освобожденъ и явился въ совѣтъ парижской общины!

Всѣ ринулись въ двери. Хозяйка ресторана изъ-за стойки кричала во все горло:

— Идите, идите, дѣтушки! послѣ сочтемся!

Я, однако же, успѣлъ бросить ей на стойку ассигнацію въ сто франковъ, ходившую тогда въ пять франковъ на звонкую монету и, не спрашивая сдачи, выбѣжалъ на улицу вслѣдъ за остальными посѣтителями ресторана.

XXII.

Передъ городскою ратушею происходило шумное ликованіе громадной народной массы и слышались радостные крики: «Онъ здѣсь! Онъ съ нами! Теперь, комитетъ, держись! Вычистимъ конвентъ получше, чѣмъ въ прошломъ году, 31-го мая!» Меня поразило однако же сразу, что въ этой весело и бодро волнующейся массѣ какъ-то мало замѣтно было мундировъ національныхъ гвардейцевъ. Около самаго зданія ратуши толпился въ безпорядкѣ одинъ баталіонъ этой «гражданской милиціи», но офицеровъ при немъ не было ни одного, а рядовые молча переглядывались между собою какъ бы въ недоумѣніи и, повидимому, вовсе не раздѣляли народнаго восторга.

Движимый какимъ-то лихорадочнымъ любопытствомъ, я сталъ пробираться къ тому боковому подъѣзду ратуши, черезъ который однажды уже проникъ туда для свиданія съ Ландэ. Ни на подъѣздѣ, ни въ корридорахъ

второго этажа, гдѣ находилась зала засѣданій совѣта парижской общины, никто не остановилъ меня и не спросилъ, куда я иду. Корридоры были полны посторонними, озабоченно шнырявшими въ разныя стороны. Изрѣдка попадался членъ общины, опоясанный черезъ плечо трехцвѣтнымъ шарфомъ. У нѣкоторыхъ изъ безчисленныхъ дверей, выходившихъ въ эти корридоры, встрѣчались небольшіе отряды національной гвардіи, составившіе свои ружья въ козлы. Всюду стоялъ глухой шумъ отъ разговора въ полголоса.

Встрѣтивъ одного изъ привратниковъ общиннаго совѣта, я спросилъ, гдѣ зала засѣданій, показывая ему мой якобинскій значекъ. Привратникъ указалъ рукою на большую, въ цѣлыя ворота, дверь въ концѣ корридора и прошелъ далѣе, не промолвивъ ни слова. Я почти побѣжалъ къ этой монументальной двери.

Она была пріотворена настолько, чтобы можно было пробраться бокомъ одному человѣку. Въ этомъ положеніи ее удерживалъ другой привратникъ, пропустившій меня безпрекословно, увидавъ мой значекъ. Проскользнувъ въ залу, я очутился въ послѣднихъ рядахъ густой толпы, неподвижно стоявшей за рѣшеткою, отдѣлявшею мѣста членовъ со-

вѣта и большой столъ, покрытый красною скатертью, съ золотой бахрамою.

Въ залѣ было почти темно. Освѣщеннымъ пространствомъ являлся только столъ, на которомъ стояли четыре канделябра съ зажженными восковыми свѣчами. Мѣста членовъ совѣта и пространство, занятое публикою, оставались въ полусвѣтѣ, переходившемъ, по мѣрѣ удаленія отъ стола, въ полную почти тьму.

Вокругъ стола толпилось множество людей съ блѣдными лицами въ трехцвѣтныхъ шарфахъ черезъ плечо. Мэръ Флёріо-Леско занималъ президентское кресло; возлѣ него сидѣлъ, облокотясь на столъ и склонивъ голову на руку, Максимиліанъ Робеспьеръ, за спиною котораго виднѣлись стоявшіе Сенъ-Жюстъ и Филиппъ Лебà. Кутона и Огюстена Робеспьера не было въ залѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того какъ я вошелъ, Флёріо-Леско поднялся съ своего мѣста и, обращаясь къ Робеспьеру, сказалъ:

— Время дѣйствовать настало. Ты видишь себя окруженнымъ людьми, безусловно тебѣ преданными и готовыми на все. Изъ ста сорока четырехъ представителей города Парижа, здѣсь на лицо, по списку, предъявленному мнѣ только-что секретаремъ совѣта,—91. По всей вѣроятности, съ тѣхъ поръ какъ списокъ пе-

решелъ въ мои руки, число это увеличилось. Большинство, во всякомъ случаѣ, за тебя. Мы располагаемъ вооруженными силами, значительно превосходящими тѣ, которыя могутъ выставить противъ насъ твои враги. Нанести ударъ крамолѣ будетъ не трудно, если только мы не станемъ терять времени. Община ждетъ твоего рѣшительнаго слова для того, чтобы освободить честныхъ и благомыслящихъ членовъ конвента отъ тираніи бездѣльниковъ, ихъ угнетающихъ. Говори, мы тебя слушаемъ!

Часы городской ратуши пробили въ эту минуту десять. Робеспьеръ, сидѣвшій до сихъ поръ въ глубокой задумчивости, поднялся съ мѣста и началъ говорить. Онъ благодарилъ общину за свое освобожденіе, восхвалялъ ея гражданскія доблети и заслуги, оказанныя ею свободѣ и отечеству, но присутствующіе напрасно ждали прямого отвѣта на категорическій вызовъ Флёріо-Леско. Было что-то трагическое въ этомъ ораторскомъ упражненіи въ такую минуту! Члены совѣта аплодировали краснорѣчивымъ тирадамъ Максимиліана, но переглядывались въ недоумѣніи между собою. Сенъ-Жюстъ и Филиппъ Леба̀ стояли нахмуренные и безмолвные.

Цѣлые полчаса говорилъ Робеспьеръ, уклоняясь отъ окончательнаго отвѣта. Съ площади,

освѣщенной теперь иллюминаціей, которая была зажжена по приказанію мэра, раздавались нетерпѣливые крики: «Ведите насъ на конвентъ! смерть бездѣльникамъ!» а Максимиліанъ все продолжалъ сыпать звучными тирадами... Когда онъ кончилъ, Флёріо-Леско, очевидно смущенный безсодержательностію выслушанной совѣтомъ рѣчи, помолчалъ съ минуту и потомъ произнесъ дрогнувшимъ, но тѣмъ не менѣе рѣшительнымъ голосомъ:

— Изъ рѣчи гражданина Робеспьера старшаго видно, что знаменитый патріотъ предоставляетъ самому совѣту опредѣлить мѣры, необходимыя для выполненія великаго дѣла, неотложность котораго понятна для каждаго изъ насъ. Позволяю себѣ поэтому предложить совѣту слѣдующія распоряженія:

Въ комнату, сосѣднюю съ залою нашихъ совѣщаній, будетъ немедленно принесено все огнестрѣльное оружіе, находящееся въ распоряженіи города. Во всѣхъ секціяхъ звуки набата снова возвѣстятъ гражданамъ, что они обязаны собраться на площадь городской ратуши для спасенія отечества. Распоряженія эти, для большей ихъ внушительности и доказательности, подпишетъ главный и самый авторитетный представитель неиспорченной части конвента, Максимиліанъ Робеспьеръ.

Зала загремѣла отъ рукоплесканій. Одинъ изъ членовъ совѣта, нѣкто Леребуръ, схватилъ перо и листъ бумаги и сталъ поспѣшно писать. Кончивъ, онъ всталъ и сказалъ громкимъ, нѣсколько дрожавшимъ отъ волненія голосомъ:

— Граждане, вотъ проектъ воззванія, которое предполагается разослать въ секціи: «Парижская община, исполнительный комитетъ. Мужайтесь патріоты секціи (такой-то)! Тѣ, чья твердость и непреклонность столь страшны измѣнникамъ, уже находятся на свободѣ. Народъ вездѣ показываетъ себя достойнымъ самого себя. Сборный пунктъ—городская ратуша. Храброму генералу Анріо поручается выполненіе мѣръ, предписанныхъ исполнительнымъ комитетомъ, учрежденнымъ для спасенія отечества».

— Анріо арестованъ измѣнниками! — раздался чей-то голосъ.

— Онъ освобожденъ мною и храбрыми артиллеристами національной гвардіи, — произнесъ высокій блѣдный человѣкъ, въ которомъ я узналъ Каффингаля, одного изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Робеспьера въ клубѣ якобинцевъ.

Леребуръ, на минуту было остановившійся, энергическимъ взмахомъ пера подписалъ свое

имя подъ прочитаннымъ имъ текстомъ прокламаціи и положилъ ее на столъ. Нѣсколько членовъ совѣта послѣдовали его примѣру. Флёріо-Леско взялъ перо послѣ нихъ и подалъ его Робеспьеру, говоря:

— Теперь твоя очередь, гражданинъ. Подпишись!

Робеспьеръ какъ-то машинально взялъ перо, но тотчасъ же положилъ его на столъ и, обращаясь къ Флёріо-Леско, сказалъ:

— Это воззваніе незаконно. Отъ чьего имени оно дѣлается?

— Отъ имени конвента!—воскликнулъ стоявшій за нимъ Сенъ-Жюстъ, гордо поднимая свою красивую голову и кладя руку на бумагу.—Истинное представительство націи тамъ, гдѣ мы!

— Я никогда не соглашусь разыграть роль Кромвеля! — отвѣчалъ Робеспьеръ, складывая руки на груди и хмуря свои густыя брови.— Подписи моей подъ этимъ воззваніемъ къ мятежу противъ законной власти вы не добьетесь!

— Ты можешь подписать воззваніе отъ имени французскаго народа, воля котораго выше воли конвента, — раздался слабый, но внятный голосъ.

Всѣ повернулись въ сторону говорившаго.

У боковой двери залы, поддерживаемый Огюстеномъ Робеспьеромъ, стоялъ, опираясь на свои костыли, Кутонъ, сверкая глазами.

Въ это время шумъ на площади возобновился. Нѣсколько членовъ совѣта поспѣшили сойти внизъ, чтобы узнать, что́ случилось. Одинъ изъ нихъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ, держа въ рукѣ листъ бумаги.

— Прокламація конвента, граждане!—сказалъ онъ громко и передалъ этотъ листъ мэру Флёріо-Леско, который пробѣжалъ его глазами и сказалъ:

— Мы объявлены внѣ закона!

Послѣдовало всеобщее молчаніе. Не спуская глазъ съ освѣщеннаго пространства залы, я замѣтилъ, какъ поблѣднѣли нѣкоторыя лица членовъ совѣта и какъ вдругъ стала быстро рѣдѣть сплошная ихъ толпа, окружавшая Робеспьера. Въ пространствѣ, занятомъ посторонними, число присутствующихъ, между тѣмъ, все прибывало и прибывало. Робеспьеръ продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, погруженный въ какую-то трагическую задумчивость и, повидимому, совершенно спокойный.

Съ площади доносились раздававшіеся гдѣ-то въ отдаленіи барабанные звуки и смутный говоръ толпы. Я пробрался къ окну и увидалъ, что народная толпа, стоящая внизу, на-

чинаетъ быстро рѣдѣть. Отрядъ артиллеристовъ національной гвардіи, охранявшій ратушу, двигался по направленію къ набережной Сены. Съ другого конца площади надвигались на ратушу темныя массы вооруженныхъ людей.

— Ты губишь всѣхъ насъ, гражданинъ!— раздался голосъ Флёріо-Леско. — Каждая минута дорога... Именемъ свободы, спасеніемъ отечества, заклинаю тебя подписать декретъ!

Я впился глазами въ Робеспьера, который взялъ подаваемое ему парижскимъ мэромъ перо, обмокнулъ его въ чернильницу и приготовился писать. Было ясно, что черезъ минуту все измѣнится и рѣшительный шагъ будетъ сдѣланъ. Передъ грознымъ трибуномъ лежалъ смертный приговоръ конвента. Одно движеніе пера—и Робеспьеръ сдѣлается неограниченнымъ повелителемъ Франціи! Сердце мое крѣпко билось. Я говорилъ себѣ, что настаетъ, наконецъ, минута для моего мщенія за Сесиль Рено. Правая рука моя почти машинально опустилась въ боковой карманъ фрака за спрятанными въ немъ пистолетами. Въ головѣ моей быстро составился планъ дѣйствій. Я говорилъ себѣ, что дамъ Робеспьеру подписать декретъ и отправить его по принадлежности. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ, конечно, приметъ на

себя главное распоряженіе событіями. И вотъ, когда окруженный совѣтомъ общины, восторженно привѣтствуемый парижскими секціями и національными гвардейцами Анріо, онъ выйдетъ на площадь посреди восторженныхъ восклицаній толпы, настанетъ мой чередъ! Чувство злобной, сумасшедшей радости, которое овладѣло мною, описать невозможно... Я вынулъ одинъ изъ моихъ пистолетовъ и стиснулъ его судорожно въ правой рукѣ, скрывая дуло подъ складками манжеты.

Въ эту минуту кто-то сильно толкнулъ меня въ сторону и я услыхалъ, сказанныя шопотомъ, слова:

— Вотъ онъ! за среднимъ канделябромъ, цѣлься хорошенько!

Я обернулся и увидалъ Леонарда Бурдона, рядомъ съ которымъ стоялъ молодой жандармъ, тотъ самый, котораго я встрѣтилъ за нѣсколько часовъ въ ресторанѣ, гдѣ произошла описанная мною сцена. Жандармъ этотъ держалъ въ рукѣ большой кавалерійскій пистолетъ и какъ-то неловко переминался на мѣстѣ.

Инстинктивно, самъ не зная зачѣмъ, я отступилъ на нѣсколько шаговъ и очутился за спинами Бурдона и его товарища. Сколько помнится, въ эту минуту моимъ намѣреніемъ было отвести руку убійцы...

Между тѣмъ, Робеспьеръ, все еще державшій перо надъ бумагой, не рѣшаясь подписать ее, сдѣлалъ вдругъ рѣшительное движеніе, еще разъ опустилъ перо въ чернильницу и, обратясь къ окружающимъ, сказалъ:

— Пусть будетъ по вашему!

Рука съ перомъ опустилась на бумагу...

— Стрѣляй, болванъ, а то будетъ поздно!— прохрипѣлъ Леонардъ Бурдонъ.

Жандармъ поднялъ пистолетъ...

Тѣ, что произошло со мною въ это мгновеніе, не передать никакими словами. Я забылъ рѣшительно все меня окружающее, при мысли, что виновникъ гибели Сесили Рено можетъ умереть не отъ моей руки. Быстрымъ, какъ молнія, движеніемъ я отклонилъ пистолетъ жандарма и выстрѣлилъ самъ. Вслѣдъ за моимъ выстрѣломъ раздался другой. Сквозь какой-то кровавый туманъ, застлавшій мгновенно мнѣ глаза, я увидалъ, какъ голова Робеспьера склонилась на бумагу и какъ всѣ его окружавшіе въ ужасѣ шарахнулись назадъ, въ то время, какъ въ дверяхъ залы раздался чей-то громовой голосъ:

— Да здравствуетъ конвентъ! Хватайте крамольниковъ.

Что произошло далѣе—сохранилось въ моей памяти, какъ смутный и ужасный сонъ. Я

слышалъ свирѣпые крики вооруженныхъ людей, наполнившихъ залу засѣданія, видѣлъ, какъ вокругъ большого стола толпились какіе-то люди. кричавшіе: «ловите остальныхъ! ищите Сенъ-Жюста и Кутона!» но все это казалось мнѣ какимъ-то горячечнымъ бредомъ моего воображенія.

Потомъ меня вдругъ охватилъ какой-то невыразимый ужасъ, и я какъ безумный бросился вонъ изъ залы, побѣжалъ вдоль корридоровъ и не зная уже, какъ очутился на площади, все еще освѣщенной иллюминаціей, устроенной городскимъ совѣтомъ въ честь освобожденія Максимиліана Робеспьера.

. . . .

Всю ночь съ 9-го на 10-е термидора, я проблуждалъ въ какомъ-то полузабытьи, по улицамъ, наполненнымъ народомъ. Чтò я думалъ во время этихъ блужданій—совершенно изгладилось изъ моей памяти. Кажется, что вскорѣ послѣ разсвѣта я, какъ-то инстинктивно, добрался до угла площади Революціи, гдѣ явилась въ послѣдній разъ передо мною Сесиль Рено, отчаянно боровшаяся съ удерживавшимъ ее за плечи палачемъ, но я не поручусь, что это было такъ дѣйствительно... Первая минута полнаго, отчетливаго сознанія застала меня на одной изъ скамеекъ тюильерійскаго

сада, ярко освѣщеннаго солнечнымъ свѣтомъ. За большимъ бассейномъ, передъ дворцомъ стояли войска подъ ружьемъ. На площади слышался стукъ молотковъ и какія-то командныя слова, произносимыя хриплымъ голосомъ. Я поднялъ голову и увидалъ изъ-за террасы сада, выходившей на площадь, медленно приводимыя въ вертикальное положеніе чьими-то невидимыми для меня руками, двѣ стойки гильотины. Это зрѣлище напомнило мнѣ о событіи прошлой ночи, и вскочивъ въ невыразимомъ ужасѣ со скамьи, я побѣжалъ вонъ изъ сада, направляясь къ выходу на набережную Сены...

XXIII.

Я шелъ не домой, будучи вполнѣ убѣжденъ, что не застану въ нашей квартирѣ Проспера Ландэ, который, конечно, подвергся одной участи съ прочими друзьями Робеспьера. Большая сумма денегъ, которую я носилъ постоянно за послѣднее время при себѣ, давала мнѣ возможность пріискать себѣ пока пріютъ гдѣ-нибудь подальше отъ центра города, а потомъ и совсѣмъ уѣхать изъ Парижа, не нуждаясь въ вещахъ и платьѣ, оставленныхъ въ моихъ комнатахъ. Переправившись черезъ рѣку въ лодкѣ перевощика, стоявшаго неподалеку отъ Луврскаго дворца, я пошелъ по направленію Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и, углубляясь во внутрь этого, почти пустыннаго въ ту эпоху квартала, забрелъ въ какую-то глухую улицу, проходившую почти сплошь между каменными оградами и желѣзными рѣшетками окаймлявшихъ ее садовъ. Въ концѣ этой улицы, надъ старымъ трехъ-этажнымъ домомъ висѣла, по-

скрипывая на ржавыхъ петляхъ, полинявшая вывѣска съ изображеніемъ золотого льва на синемъ полѣ, подъ которымъ едва виднѣлась надпись: «ночлегъ для пѣшихъ и конныхъ». Я вошелъ въ эту гостинницу и спросилъ себѣ комнату. Молодая, блѣдная и усталая на видъ служанка провела меня наверхъ и открыла дверь небольшой каморки, въ которой стояла желѣзная узкая кровать безъ полога, два плетеныхъ соломенныхъ стула и старинный пузатый комодъ съ незатѣйливымъ умывальнымъ приборомъ на верхней мраморной доскѣ. Окинувъ какимъ-то страннымъ взглядомъ мой изящный, но помятый нарядъ, эта дѣвушка открыла единственное окно каморки и, точно разговаривая сама съ собою, произнесла вполголоса:

— Выходитъ на сосѣднюю крышу.... Слуховое окошко безъ рѣшетокъ... Можно пробраться на чердакъ и спуститься по лѣстницѣ въ другую улицу.

Она, очевидно, принимала меня за какого-нибудь «подозрительнаго», укрывающагося отъ преслѣдованій.

Я едва стоялъ на ногахъ отъ усталости и мучительнаго чувства, которое вызывали во мнѣ какъ-то внезапно нахлынувшія воспоминанія объ ужасахъ минувшей ночи. Первою

мыслью моею было броситься на непривѣтно смотрѣвшую узкую постель, но въ ту же минуту мнѣ показалось просто чудовищнымъ заснуть, не зная ничего о томъ, какой оборотъ приняли событія, въ которыхъ я столь неожиданно разъигралъ такую рѣшительную роль. Надо было во что бы то ни стало, запастись силами для того, чтобы провести на ногахъ и на улицѣ весь начинавшійся день, роковой день 10-го термидора, въ который окончательно и безповоротно рѣшилась судьба Франціи и на ея политическомъ горизонтѣ взошло ни для кого еще незамѣтное свѣтило военнаго авантюриста, сдѣлавшагося нѣсколько лѣтъ спустя распорядителемъ судебъ всей Европы!

Преодолѣвая невыразимое отвращеніе, которое внушала мнѣ въ эту минуту одна мысль о какой-нибудь пищѣ, я велѣлъ ожидавшей моихъ приказаній служанкѣ принести мнѣ чего-нибудь позавтракать и захватить бутылку вина. До поданнаго мнѣ завтрака я едва, однако же, дотронулся, но вино выпилъ все и даже потребовалъ сверхъ того большую рюмку виноградной водки. Голова у меня немного кружилась, но за то я вдругъ почувствовалъ приливъ какой-то искусственной бодрости, давшей мнѣ возможность привести въ

порядокъ мой туалетъ и выйти на улицу, заплативъ служанкѣ за комнату и завтракъ, причемъ я объявилъ, что комнату оставляю за собою.

Улицы Сенъ-Жерменскаго предмѣстья были, по-прежнему, пусты и молчаливы; но когда я выбрался на набережную Сены, мнѣ представилось зрѣлище шумнаго оживленія. По ту сторону рѣки, около Лувра и далѣе въ сторону собора Парижской Богоматери, толпились несмѣтныя массы народа. Въ воздухѣ стоялъ перекатывающійся гулъ многихъ тысячъ голосовъ. Вокругъ ограды тюильерійскаго сада были размѣщены густыя колонны пѣшихъ и конныхъ войскъ, штыки и обнаженныя сабли которыхъ ярко сверкали на солнцѣ.

Я перешелъ мостъ Революціи и очутился на покрытой народомъ площади того же имени, посреди которой возвышался зловѣщій профиль гильотины. Со всѣхъ сторонъ слышались не то радостныя, не то недоумѣвающія восклицанія и шли оживленные толки...

Мнѣ было какъ-то странно и дико пробираться сквозь эту волнующуюся толпу, неподозрѣвавшую, кто именно тотъ блѣдный молодой человѣкъ съ потеряннымъ взглядомъ, который старается проложить себѣ въ ея сплошныхъ рядахъ дорогу къ зданію конвента.

чувство, все болѣе и болѣе овладѣвавшее мною по мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ, было необыкновенно сложно и походило отчасти на полусознательный бредъ больного горячкою. Минутами я гордо поднималъ голову, вспоминая о совершенной мною мести за несчастную Сесиль Рено, и мнѣ хотѣлось объявить кричавшимъ: «долой тирановъ! да здравствуетъ конвентъ!» что своимъ освобожденіемъ отъ этихъ «тирановъ» Франція обязана мнѣ, но вслѣдъ затѣмъ передъ глазами моими внезапно рисовались съ мучительною ясностью слабо освѣщенная зала ратуши и напудренная голова Робеспьера, вдругъ безпомощно склонившаяся на красную скатерть стола совѣта, и я испытывалъ невыразимый ужасъ, заставлявшій меня зажмуриваться... Въ эти минуты я бросался впередъ, какъ бѣшенный, грубо расталкивая толпу и не обращая никакого вниманія на ругательства, которыми осыпали меня со всѣхъ сторонъ.

Не помню уже, какъ добрался я, наконецъ, до зданія конвента и очутился въ одной изъ публичныхъ трибунъ, переполненныхъ народомъ. Ночное засѣданіе конвента, прерванное съ разсвѣтомъ на три часа, уже давно возобновилось, и въ то время, когда я вошелъ въ трибуну, побѣдители 9-го термидора величаво

засѣдали на своихъ скамьяхъ, выслушивая поздравленія различныхъ депутацій, являвшихся одна за другой къ рѣшеткѣ залы объявить, что «конвентъ спасъ отечество»... Изъ того, что̀ говорилось ораторами этихъ депутацій и передавалось въ полголоса окружавшими меня, я скоро могъ себѣ составить приблизительное понятіе о происшедшемъ ночью, съ той минуты, когда я, выстрѣливъ въ Робеспьера, ринулся вонъ изъ городской ратуши, объятый невыразимымъ ужасомъ и отвращеніемъ къ совершенному мною дѣлу.

Пуля, попавшая въ Робеспьера, не убила его на мѣстѣ, а только тяжело ранила, раздробивъ ему нижнюю челюсть. Какъ только онъ упалъ головою на столъ, зала засѣданія наполнилась вооруженными сторонниками конвента. Сенъ-Жюстъ, старавшійся приподнять своего друга, былъ арестованъ, Филиппъ Леба̀, успѣвшій выбѣжать въ другую комнату, гдѣ лежало оружіе, собранное по приказанію Флёріо-Леско, схватилъ пистолетъ и застрѣлился. Огюстенъ Робеспьеръ выбросился изъ окна на площадь и былъ поднятъ страшно разбитый, но еще живой. Кутонъ, тоже разбившійся при паденіи съ лѣстницы, до которой онъ успѣлъ незамѣтно добраться на своихъ костыляхъ, былъ отнесенъ въ городской госпиталь, носив-

шій до революціи и носящій, если не ошибаюсь, и теперь названіе «Божьяго Дома» (Hôtel-Dieu).

Смертельно раненаго Робеспьера тотчасъ же перенесли изъ городской ратуши въ зданіе конвента и помѣстили на столѣ пріемной залы Комитета Общественной Безопасности. Предсѣдательствовавшій въ ночномъ засѣданіи конвента Шарлье, узнавъ объ этомъ, спросилъ представителей, не желаютъ ли они, чтобы «гнусный мятежникъ» былъ принесенъ въ залу засѣданій. Тюріо отвѣчалъ на это:

— Ни за что! Трупъ тирана несетъ съ собой заразу, его мѣсто — на эшафотѣ!

Къ раненому былъ позванъ докторъ. До этой минуты Робеспьеръ, сохранившій сознаніе посреди всѣхъ ругательствъ, которыми осыпали его присутствовавшіе въ залѣ, старался удерживать кровь, обильно струившуюся изъ его ужасной раны, сунутою ему кѣмъ-то въ руку мягкою замшевою кобурою отъ пистолета. Докторъ наложилъ повязку на челюсть и вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Робеспьеръ, вмѣстѣ съ принесеннымъ обратно изъ госпиталя Кутономъ, былъ отправленъ въ тюрьму Консьержери.

Между представителями, арестованными въ городской ратушѣ, не упоминалось имени Про-

спера Ландэ. Кто-то изъ окружавшихъ меня, перечисляя имена арестованныхъ, сказалъ:

— Леребуръ и Ландэ, говорятъ, успѣли ускользнуть и куда-то скрыться.

Я вздохнулъ нѣсколько свободнѣе, услыхавъ эти слова. Они пришлись кстати. Все, чтò я узнавалъ, леденило мнѣ кровь и я уже начиналъ опасаться, что со мною сдѣлается снова обморокъ. Извѣстіе, что мой наставникъ избѣгъ участи его друзей, нѣсколько ободрило меня и дало мнѣ силу слѣдить далѣе за происходящимъ въ конвентѣ.

Увы! все, чтò я видѣлъ и слышалъ, было невыразимо гнусно и отвратительно... У рѣшетки залы раздавались слова низкой лести побѣдителямъ и самой наглой, до нелѣпости грубой клеветы на побѣжденныхъ. Члены парижскаго городскаго правленія (diréctoire), еще наканунѣ заявлявшіе громко свою рѣшимость дѣйствовать за-одно съ общиной, теперь поздравляли конвентъ съ совершеннымъ имъ подвигомъ. Революціонный трибуналъ въ полномъ составѣ, слывшій за слѣпое орудіе воли Робеспьера, явился объявить, что онъ отдаетъ себя въ распоряженіе конвента, для немедленнаго суда надъ «крамольниками»; гнусный Фукье-Тэнвилль потребовалъ, чтобы ему разрѣшено было начать процессъ съ опущеніемъ

нѣкоторыхъ формальностей, «замедляющихъ быстроту хода правосудія». Разрѣшеніе это было немедленно дано при громѣ рукоплесканій, раздавшемся на скамьяхъ представителей и въ публичныхъ трибунахъ.

Возмущенный до глубины души, мучимый невыразимымъ раскаяніемъ, я всталъ и хотѣлъ уйти, чтобы не присутствовать долѣе при всѣхъ этихъ низостяхъ, какъ вдругъ поднялся съ своего мѣста Леонардъ Бурдонъ и попросилъ позволенія представить собранію «того, чье доблестное самоотверженіе дало конвенту первую возможность сокрушить грозную крамолу».

— Вамъ уже извѣстно, граждане, — продолжалъ Леонардъ Бурдонъ,—что гнусный Робеспьеръ не могъ докончить подписи подъ декретомъ о распущеніи конвента, благодаря пистолетному выстрѣлу, сдѣланному однимъ изъ вашихъ защитниковъ, успѣвшихъ проникнуть въ залу совѣта общины. Этотъ доблестный защитникъ законности мнѣ извѣстенъ. Его зовутъ гражданинъ Мердà. Онъ состоитъ на службѣ въ 26-й жандармской бригадѣ, находящейся въ распоряженіи конвента. Я былъ сегодня ночью возлѣ него въ ту минуту, когда онъ совершилъ свой достохвальный подвигъ и могу засвидѣтельство-

вать, что именно ему вы обязаны тѣмъ, что борьба съ крамольниками не привела къ настоящей междоусобной войнѣ на улицахъ Парижа. Въ награду за свое самоотверженіе гражданинъ Мердà желаетъ только одного — чести быть вамъ представленнымъ.

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ! Ужаснымъ дѣломъ, мною совершеннымъ, хвалился другой и Леонардъ Бурдонъ, очень хорошо видѣвшій, что Робеспьеръ палъ не отъ руки приведеннаго имъ убійцы, осмѣливается подтверждать своимъ лжесвидѣтельствомъ эту гнусную похвальбу!.. Первымъ моимъ движеніемъ было громко крикнуть: «Неправда, убійца Робеспьера передъ вами!» но я тотчасъ же вспомнилъ, что за подобнымъ восклицаніемъ послѣдовала бы, вѣроятно, для меня овація, при одной мысли о которой мнѣ стало невыразимо гадко. Съ той минуты, какъ кровавое дѣло, мною совершенное, провозглашалось «геройскимъ подвигомъ» людьми, внушавшими мнѣ невыразимое презрѣніе, мнѣ оставалось только безмолвно допустить самозванство сообщника Бурдона...

Конвентъ не сразу отвѣчалъ на обращенную къ нему послѣднимъ просьбу. Между представителями замѣтно было нѣкоторое колебаніе, но террористы скоро положили ему ко-

нецъ. Каррье, ужасный изобрѣтатель нантскихъ «потопленій», поддержалъ Бурдона, величая жандарма Мердà «новымъ Брутомъ, спасшимъ республику». Раздались аплодисменты и президентъ объявилъ, что «гражданинъ Мердà удостоивается чести быть допущеннымъ передъ лица народнаго представительства»...

Я не могъ выдержать долѣе и поспѣшно вышелъ изъ трибуны. Конвентъ казался мнѣ въ эту минуту какой-то сворой охотничьихъ псовъ, радостно готовящихся къ дѣлежу отдаваемой на ихъ долю охотниками добычи.

Въ тюильерійскомъ саду, куда я пустился, всѣ аллеи были полны народомъ. Изъ отрывочныхъ фразъ, раздававшихся вокругъ меня, я догадался, что революціонный трибуналъ уже произнесъ свой приговоръ. Казни Робеспьера и его товарищей ожидали къ пяти часамъ пополудни. До этой роковой развязки оставалось еще два часа.

Почти машинально, не отдавая самъ себѣ отчета, куда и зачѣмъ иду, я отправился изъ сада въ нашу квартиру. Привратница, увидавъ меня, загородила мнѣ дорогу, говоря, что Просперъ Ландэ не возвращался со вчерашняго дня и что квартира наша опечатана агентами Комитета Всеобщей Безопасности.

— Вы лучше сдѣлаете, гражданинъ Эженъ,— сказала она, если будете держаться подалѣе отъ этихъ мѣстъ, а не то и совсѣмъ уберетесь изъ Парижа, пока цѣлы и свободны. Сами видите, какое окаянное время наступило! Вашу служанку, и ту эти злодѣи розыскивали. Хорошо, что она, бѣдная, догадалась куда-то уйти, захвативъ кое-что изъ своихъ пожитковъ.

Я поблагодарилъ добрую женщину за ея предостереженіе, грустно улыбаясь при мысли, что однимъ словомъ могу—еслибъ только захотѣлъ—превратиться изъ гонимаго въ героя дня и «спасителя республики». Часы мои показывали три четверти четвертаго. Возвращаться въ гостинницу «Золотого Льва» было уже поздно. Я рѣшился ждать гдѣ-нибудь на улицѣ минуты, когда осужденныхъ революціоннымъ трибуналомъ повезутъ на казнь.

Часто приходилось мнѣ впослѣдствіи спрашивать себя, какое чувство заставило меня въ этотъ ужасный день желать присутствовать на казни Робеспьера, и ни разу я не могъ дать себѣ хоть нѣсколько удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Помню ясно, что въ мои побужденія не входило вовсе желанія еще разъ насытить мою месть за Сесиль Рено. Видѣнное и слышанное только-что

мною въ конвентѣ совершенно потушило въ моей груди жажду мщенія. Послѣдствій готовившейся трагедіи я, однако же, не сознавалъ. Кажется, что мною двигало какое-то инстинктивное, почти животное любопытство, соединявшееся съ смутною мыслью, что я долженъ наказать самъ себя нравственными муками того ужаснаго зрѣлища, на которое я добровольно себя обрекалъ.

Въ половинѣ пятаго я стоялъ передъ рѣшеткою главнаго двора Дворца Правосудія, гдѣ толпилась несмѣтная масса народа. Составъ этого сборища былъ далеко не похожъ на составъ привычныхъ зрителей поѣздовъ осужденныхъ на мѣсто казни. Простолюдиновъ было гораздо менѣе, чѣмъ людей, принадлежавшихъ по платью и манерамъ къ среднему сословію. Нарядно одѣтыя женщины попадались на каждомъ шагу. Слышался характерный говоръ щеголей и щеголихъ, не произносившихъ вовсе буквы *р*, попадались тамъ и сямъ знакомые мнѣ по клубу якобинцевъ эбертисты и приверженцы покойнаго Дантона.

Минутъ черезъ десять вся эта толпа заволновалась и хлынула впередъ съ криками: «смерть тирану!» Ворота дворовой рѣшетки распахнулись и оттуда выѣхало нѣсколько телѣгъ, окруженныхъ конными жандармами.

На первой телѣгѣ, рядомъ съ палачомъ, стоялъ презрительно глядѣвшій на шумящую толпу красавецъ Сенъ-Жюстъ. Возлѣ него сидѣлъ, привязанный къ рѣшетчатой спинкѣ скамьи, блѣдный какъ смерть, очевидно уже лишенный сознанія Робеспьеръ. Покрытая окровавленными повязками голова его автоматическимъ движеніемъ болталась изъ стороны въ сторону, мутные глаза глядѣли неподвижно. Сквозь жерди телѣжнаго кузова видѣнъ былъ лежащій на его днѣ трупъ застрѣлившагося Филиппа Леба̀.

Воздухъ застоналъ отъ радостныхъ восклицаній толпы, заставившихъ меня вспомнить разсказы путешественниковъ о пирахъ дикарей-людоѣдовъ. Я закрылъ въ ужасѣ глаза и прислонился къ стволу дерева, у котораго стоялъ. Въ этомъ положеніи я оставался, пока удаляющійся звукъ колесъ и топота конскихъ копытъ не показалъ мнѣ, что ужасныя телѣги уже проѣхали. Открывъ глаза, я увидалъ цѣлый людской потокъ, двигавшійся къ Новому мосту.

Слѣдовать за этимъ потокомъ, я чувствовалъ себя рѣшительно не въ силахъ. Искусственное нервное возбужденіе мое какъ-то сразу упало. Мысль о возможности отправиться на площадь Революціи и присутство-

вать тамъ при готовящейся казни казалась мнѣ теперь просто чудовищною невозможностью. Въ то же время меня начинало неодолимо клонить ко сну. Возвращаться въ гостинницу Золотого Льва было далеко и я чувствовалъ, что у меня не хватитъ силъ на это. Кое-какъ добравшись до сосѣдней площади Равенства, носившей до революціи названіе Place Dauphine, я отыскалъ тамъ другую небольшую гостинницу, потребовалъ себѣ комнату, бросился одѣтый на постель и заснулъ, какъ убитый, свинцовымъ болѣзненнымъ сномъ, продолжавшимся до слѣдующаго утра.

XXIV.

Тяжело, адски мучительно было мое пробужденіе въ «радостный» для легкомысленнаго Парижа день 11-го термидора! Я не стану удлиннять моего разсказа описаніемъ тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя овладѣли мною, какъ только я открылъ глаза въ совершенно незнакомой мнѣ комнатѣ. Для тѣхъ, кто прочтетъ эту исповѣдь послѣ моей смерти, достаточно будетъ, если я скажу, что на всей моей дальнѣйшей жизни неизгладимо легъ ужасный гнетъ испытанныхъ мною въ это утро ощущеній...

Физически я, однако же, былъ совершенно бодръ и какъ-то машинально соображалъ, что надо предпринять что-нибудь, чтобы положить конецъ моимъ двухдневнымъ скитаніямъ. Раздумывая объ этомъ, я, наконецъ, почему-то пришелъ къ мысли отправиться къ бывшему воспитателю моего соотечественника, графа А*, народному представителю Ромму, который, бу-

дучи другомъ Проспера Ландэ, можетъ быть, дастъ мнѣ какія-нибудь указанія, гдѣ я могу отъискать моего наставника.

Надежда моя сбылась. Роммъ, державшійся совершенно въ сторонѣ отъ заговора термидорійцевъ, но не скрывавшій отъ меня, однако же, что успѣхъ этого заговора кажется ему событіемъ благопріятнымъ для республики, сообщилъ мнѣ, что Просперъ Ландэ успѣлъ наканунѣ утромъ выбраться изъ Парижа, переодѣтый и съ чужимъ паспортомъ, и намѣренъ пробраться въ Голландію черезъ Дюнкирхенъ. Мнѣ онъ совѣтовалъ послѣдовать тому же примѣру, сообщивъ мнѣ адресъ своего знакомаго въ Роттердамѣ, гдѣ намѣренъ былъ выжидать событій Ландэ.

Черезъ нѣсколько дней я исполнилъ этотъ совѣтъ, приведя по возможности въ порядокъ мои денежныя дѣла. Въ эти дни, я избѣгалъ выходить изъ гостинницы площади Равенства, въ которой остался, но происходившія событія были мнѣ болѣе или менѣе извѣстны по газетамъ, которыхъ я приказывалъ покупать какъ можно болѣе, и которыя читалъ съ утра до вечера, чтобы не предаваться мучительнымъ воспоминаніямъ о ночи 9-го термидора...

Не зачѣмъ разсказывать подробно, какъ я добрался до Роттердама, гдѣ нашелъ Проспера

Ландэ опасно больнымъ. Бѣдный мой наставникъ не вынесъ пережитыхъ имъ волненій и гибели всѣхъ надеждъ. Онъ умеръ на моихъ рукахъ осенью 1794 года, заклиная меня вернуться въ Россію и горько каясь, что желаніе доставить лишняго вѣрнаго слугу обожаемой имъ республикѣ побудило его дозволить мнѣ оставаться во Франціи послѣ сентябрьскихъ событій 1792 года.

Предсмертная воля Ландэ была мною исполнена. Похоронивъ его въ Роттердамѣ, я отправился моремъ въ Швецію и тамъ, явившись къ нашему посланнику, сообщилъ ему о моемъ желаніи вернуться въ Россію. Дѣло стало ладиться безъ особыхъ затрудненій, хотя и не безъ нѣкоторыхъ проволочекъ, во время которыхъ я, живя въ Стокгольмѣ, могъ слѣдить по издававшимся въ Голландіи газетамъ о томъ, какъ быстро и неудержимо стала клониться Франція къ военной диктатурѣ молодого артиллерійскаго капитана, разспрашивавшаго меня о Россіи на игорномъ вечерѣ г-жи Сентъ-Амарантъ.

Весною 1795 года, я получилъ разрѣшеніе вернуться въ Россію съ тѣмъ, что впредь до новаго распоряженія буду жить безвыѣздно въ моемъ помѣстьѣ Княжой Дворъ. Это условіе возмутило меня, и вмѣсто того, чтобы ѣхать

въ Петербургъ, я снова вернулся во Францію, рискуя, что правительство конфискуетъ мои имѣнія. Ничего подобнаго, однако же, не случилось. Помѣстья мои, по приказанію императрицы Екатерины II-й, были только отданы подъ опеку моему дядѣ съ материнской стороны, графу Задворовскому, престарѣлому «вельможѣ», въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и закоренѣлому вольтерьянцу. Благодаря новому опекуну, я могъ постоянно располагать обширными средствами въ моемъ изгнаніи.

Когда я вернулся въ Парижъ, роковая неизбѣжность паденія республики была до того очевидна, что мнѣ и въ голову не пришло зажить прежнею жизнью болѣе или менѣе дѣятельнаго участника совершавшихся въ странѣ событій. Я перемѣнилъ имя и, скрывая мою національность, выдавалъ себя за англичанина, собирающаго разныя рѣдкости для своей коллекціи. Такую коллекцію я, дѣйствительно, замыслилъ себѣ составить, но въ нее должны были войти исключительно предметы, напоминающіе клонившійся къ концу періодъ великой революціи. Всѣ мои вещи и пожитки, оставленные въ Парижѣ лѣтомъ 1794 года, уцѣлѣли какимъ-то непонятнымъ чудомъ. Послѣ нашего исчезновенія, привратница дома, гдѣ жилъ покойный Просперъ Ландэ, была

возведена въ званіе «хранительницы печатей» нашего, описаннаго, полиціей имущества, а когда термидорійцы, въ свою очередь, лишились власти, измѣнившаяся въ своемъ составѣ полиція просто поручила почтенной старушкѣ хранить всѣ опечатанныя вещи у себя, впредь до нашего востребованія, съ тѣмъ, что если такого востребованія не послѣдуетъ въ теченіе десяти лѣтъ, охраняемое ею имущество сдѣлается ея собственностію.

Изъ этого имущества я взялъ обратно только предметы, могущіе служить воспоминаніями о революціонной эпохѣ. Образовавшійся, такимъ образомъ, зародышъ коллекціи я пополнялъ покупками, тщательно розыскивая подходящіе предметы. Эти-то поиски случайно привели къ открытію у бывшаго сторожа Комитета Общественной Безопасности кожаной кобуры, которою, въ ночь на 10-е термидора, несчастный Робеспьеръ старался удержать кровь, струившуюся изъ его раны. Кобура находится нынѣ въ моей коллекціи, но ее не найдутъ тамъ, послѣ моей смерти. Почувствовавъ приближеніе смертнаго часа, я сожгу ужасное воспоминаніе о страшномъ дѣлѣ, совершенномъ мною въ настоящемъ припадкѣ безумія.

Да! безумія! Я смѣло пишу эти слова теперь, когда исторія уже вполнѣ уяснила всѣ

послѣдствія переворота 9-го термидора. Я понялъ эти послѣдствія вполнѣ только въ 1812 году, и съ тѣхъ поръ никогда не переставалъ о нихъ сокрушаться. Когда въ началѣ царствованія покойнаго Александра I-го, получивъ разрѣшеніе вернуться въ Россію, обласканный молодымъ императоромъ и его тогдашними сподвижниками, я поступилъ въ военную службу, обаяніе славы Бонапарта было такъ велико, что и я отчасти поддался ему; но вторженіе дерзкаго авантюриста въ предѣлы моего отечества открыло мнѣ глаза. Я сталъ размышлять о всѣхъ событіяхъ моей бурной молодости и скоро пришелъ къ убѣжденію, что я—великій преступникъ не только передъ моею страною, но и предъ всѣмъ человѣчествомъ. Слѣпая месть, подвигнувшая руку безумнаго юноши, измѣнила ходъ всей европейской исторіи, дала первую возможность для возникновенія неслыханной диктатуры смѣлаго корсиканца, къ мрачной всеевропейской реакціи, послѣдовавшей за этою диктатурою.

Жандармъ Мердà за убійство, котораго онъ не совершалъ, былъ награжденъ офицерскими эполетами, а впослѣдствіи, при имперіи, титуломъ барона. Онъ могъ спокойно наслаждаться плодами преступленія, котораго не со-

вершилъ, но я, стоя глазъ на глазъ съ своею совѣстью, не могу быть спокойнымъ. Возмездіе, котораго бы я заслуживалъ, я налагаю самъ на себя: добровольное одиночество — такова будетъ моя участь до самой смерти. Мои большія денежныя средства послужатъ къ возможному облегченію участи сотенъ людей, которыхъ судьба обрекла на ненавистное мнѣ рабство... Отшельникъ «Княжого Двора» сдѣлаетъ сверхъ того все отъ него зависящее для того, чтобы его тяжелая исповѣдь разсѣяла уже установившійся историческій предразсудокъ...

«Горе побѣжденнымъ!» Какія ужасныя и безпощадно - правдивыя слова. Увы! зачѣмъ суждено было мнѣ сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ одного лишняго примѣненія къ дѣйствительности этого безчеловѣчнаго правила!

От ъ издателя перевода. Въ переводѣ рукописи покойнаго Евгенія Михайловича Стародубскаго мною не сдѣлано ни одной перемѣны противъ французскаго ея текста. Я старался передать возможно ближе нѣсколько устарѣлый слогъ покойнаго. Насколько мнѣ удалась эта нелегкая задача — пусть судятъ читатели.

